

СЕРГЕЙ ЗЕЛИНСКИЙ

**ТИХИЕ
РАДОСТИ
СБОРНИК РАССКАЗОВ**

Оглавление

О КНИГЕ	4
Дрессировщик	7
Порог приличия	12
Предрешенность.....	17
Маршальский жезл	23
Ребенок	27
Алкоголик.....	32
Колодец.....	37
Недолгое счастье	42
Перестраховщик	45
Почти обычная жизнь.....	49
Врачебная ошибка.....	54
Курортное происшествие	60
Неприемлемость	66
Полет	72
Разминка	76
Связь.....	81
Вероломность	84
Гарем, или многоженство	88

Мрачные силы	98
Неприкасаемая	101
Раскаяние	105
Почти фантазия	109
Внимательность	113
Сестра	117
Вор	124
Пертурбация.....	130
Так бывает	133

© 2014 –

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to: altaspera@gmail.com

В тексте сохранены авторские орфография и пунктуация.

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

О книге.

СБОРНИК РАССКАЗОВ

С.А.

Зелинский

Тихие радости

СБ.РАССКАЗОВ

Altaspera

CANADA

2014

С. А. Зелинский

Тихие радости

С. А. Зелинский.

Тихие радости. Сборник рассказов.—

CANADA.: Altaspera Publishing & Literary Agency
Inc, 2014. — 175 с.

ISBN 9781312348202

© ALTASPERA PUBLISHING & LITERARY
AGENCY

© Зелинский С. А., 2014

Текст печатается в авторской редакции.

Все права защищены. Никакая часть
данной книги не может быть воспроизведена в
какой бы то ни было форме без письменного
разрешения владельцев авторских прав.

Тихие радости. Сборник рассказов.

рассказ

Дрессировщик

1

"Я не думаю, что это настолько плохо".

Поршневич повторил фразу несколько раз, отметил про себя, что она, в принципе, ему нравится, и решил что надо, собственно, приступить к работе.

То ли работать он не хотел, то ли еще по какой причине, но Поршневич внезапно осознал весь ужас недавно произнесенного предложения.

Теперь оно ему не только не нравилось, но и явно Марий Каспарович начал испытывать к ней антагонизм. Еще немного и он ее возненавидит.

"Действительно, какая-то хрень..."-- подумал Поршневич.

Внезапно ему расхотелось что-либо делать. Да так получалось, что он и раньше-то не особо стремился к каким-то занятиям. А тут...

.....

Марий Каспарович был среднего возраста мужчина, с ярко выраженным полысением головы, и отсутствием каких-либо признаков ума.

Нет, конечно же, полным идиотом он не был. В каких-то жизненных ситуациях он даже мог выглядеть вполне сносным рассказчиком; если, конечно, особо не вслушиваться в то, о чем он рассказывал.

А еще у Поршневича была одна замечательная черта. Он мог видеть ваше изображение таким, какое оно могло бы быть, если вы поместите его в различные геометрические предметы. Кубы, квадраты, параллелепипеды, круги.

Зачем это было нужно Поршневичу, объяснить он не мог. В какой-то день он просто осознал в себе наличие подобного умения. Ну а так как пока не придумал как извлечь из этого какую-то выгоду - тренировался. Заключая образы встречавшихся ему людей в геометрические фигуры; отчего те растягивались, суживались, ну, в общем, изменялись. А Поршневич, представив это, хохотал. Отчего окружающие думали, что он с приветом. А сам Поршневич так не думал. И на самом деле, если только узнать о чем он думал, так можно и самим сойти с ума. Потому что мысли в голову этого человека лезли отвратительные. А иногда даже и гнусные.

А потому и выражение лица у Поршнева было дурацкое. И поступки он совершал неадекватные. Да и сам, по всему, был дурак дураком. Но что уж тут поделать. Какой есть.

2

В какой-то из дней нашего времени (к несчастью, Марий Каспарович Поршневич был не только наш современник, но и я этого человека знал лично) Поршневич решил, что должен

сменить работу. До этого он работал художником-оформителем в небольшом цирке. А теперь вдруг решил стать... дрессировщиком.

--Милый мой,--увещевал, готовый разволноваться всерьез главный кадровик.--Ну ведь у тебя нет никаких навыков обращения с животными. Звери тебя съедят, наконец.

Кадровик, слегка полноватый пожилой мужчина с выделяющимся брюшком, устало посмотрел на Поршневича, отметив про себя, что у того какой-то уж слишком непонятный взгляд. Взгляд полного идиота, и одновременно с этим просветленный взгляд гения. Притом что...

--Я хочу работать дрессировщиком,--перебил мысль кадровика визг Поршневича.

--Вы серьезно?--кадровик заинтересованно посмотрел на Поршневича. Было заметно, что в его мозг закралась какая-то идея.

--Серьезно,--кивнул Поршневич.

--Хорошо,--кивнул кадровик.--Я сейчас же отведу вас в клетку.

--Зачем в клетку?--не понял Поршневич.--В клетку к кому?

--Ну, к зверям, разумеется,--уверенно, как о чем-то уже давно решенном, произнес кадровик.--Идемте...

--Зачем...Зачем к зверям?--произнес, не двигаясь с места Поршневич. Его дыхание стало прерывистым. На лбу выступили крупные капли пота.

--Как зачем?--непонимающе взглянул на оформителя кадровик.--Знакомиться.

Поршнев постоял еще несколько секунд, потом неожиданно сорвался с места и убежал.

Кадровик покрутил у виска, потом улыбнулся, вздохнул, и вспомнив, что на сегодня еще должен проследить за оформлением на работу одной из гимнасток, пошел к себе в кабинет.

А Поршневич в это время уже почти добежал до выхода, как внезапно остановился. Секунду-другую подумал, и побежал обратно.

--...Итак, вы прибыли к нем из другого города,-- проговорил кадровик, обращаясь к стоявшей перед ним гимнастке, и только он опустил вниз глаза, чтобы прочитывать лежащие у него на столе документы, как дверь распахнулась, и на пороге возник запыхавшийся Поршневич.

--Оформляйте!--радостно произнес он, словно бы ему дали время подумать, и он наконец-то решился.

--Кого?.. Кого оформлять,--испуганно переспросил кадровик.

--Оформляйте меня на должность дрессировщика! Я пойду к тиграм!

Гимнастка с восхищением посмотрела на Поршневича. Она была новенькая, и не знала... Она ничего не знала. И могла с полным правом признаться, что ничего не понимает. Потому что начальник отдела кадров, до того сидевший перед ней за своим столом, вдруг схватил пепельницу и метнул ее в голову дрессировщика.

Полет пепельницы сопровождал крик: "в-о-о-о-н"!!!

Поршневич резко крутанулся на месте, и убежал.

--Действительно идиот,--тут же успокоившись, подумал кадровик, и повернулся к гимнастке: "Так на чем же мы, милочка, остановились"?

.....

Поршневич бегал по цирку в течении двадцати минут. Потом он прокрался к гримерную дрессировщика, нашел там колпак, фрак, и какой-то камзол; одел это все на себя, снял с гвоздя висевший там хлыст, и с криком: "Банзай"! -- выбежал на арену.

В это время там шло представление и был номер акробатов, стоявших друг у друга на плечах и жонглирующих предметами различной формы.

Высочивший Поршневич сбил их с ног, и акробаты, на миг повиснув в воздухе на страховке, спустились вниз. А Поршневич в это время стал щелкать хлыстом, и по всему, явно перепутал акробатов в одинаковых сизых камзолах, со зверями.

--Апорт! Взять! Фас!-- раздавались команды из уст спятившего Поршнева.

В зале раздался дружный хохот.

--Прекратить!---истошный вопль выбежавшего из-за кулис кадровика слился с потоком аплодисментов благодарных зрителей, уверенных, что это все продуманно изначально.

Когда на арене цирка началась рукопашная схватка, часть зрителей дружно стало листать программку, тщетно пытаясь понять, что же это за номер.

Наконец, дружными усилиями акробатов и главного кадровика удалось скрутить брыкавшегося Поршнева, которого тут же унесли за кулисы.

.....

Из цирка Мария Карповича выгнали. Хотели, было, еще сдать его в милицию за хулиганство, но решили ограничиться только этим.

А Поршневу... А Поршневу неожиданно выпал у меня из виду. Вокруг меня иной раз и так слишком много собирается придурков. Поэтому я был доволен, что на одного стало меньше.

Сергей Зелинский

30.01.07 год.

рассказ

Порог приличия

1

Порой он смеялся так громко, что заражал своим смехом окружающих.

Нет, конечно, я при этом старался хранить молчание. И даже не улыбался.

Что, впрочем, было невероятно трудно. Ну, хотя бы потому, что я видел значительно глубже, чем другие. И наблюдая за Иннокентием как бы со стороны - ловил себя на мысли, что передо мной: откровенно сумасшедший субъект. И место ему - как минимум - в психиатрической клинике.

Но разве мог я об этом ему сказать? Ведь Иннокентий был моим другом. Ну, или -- считался таковым. И сказать ему нечто подобное - означало как минимум обидеть его. А как максимум - нажать себе самого настоящего врага. Способного и убить (уничтожить вас), если ему вдруг покажется, что что-то происходит не так. Не так -- как должно быть. По его мнению, разумеется.

Кеше скоро должно было исполниться тридцать пять. Внешне он казался значительно старше.

И было так, наверное, оттого, что была у Иннокентия необычайно трудная жизнь. Жизнь - словно бы и отторгаемая от него. И как бы уже изначально не принимаемая окружающими.

Потому что эти самые окружающие - считали Кешу откровенным придурком. И, должно быть, если бы не его исполинский рост - не раз бы ему об этом сказали. А так, получается, боялись.

Кеша работал начальником службы безопасности в какой-то фирме.

Фирма, по-моему, занималась грузоперевозками. Но уже было удивительно не это. Для меня (да, наверное, не только меня) было всегда загадкой - как Кеша справляется со своими обязанностями? Ведь он и на самом деле производил впечатление психически больного человека. Нервного, истеричного, и неуравновешенного. Чуть что не так - срывающегося на крик. И, наверное, даже готового избить "непонимающего" его собеседника.

Но ведь Иннокентия и на самом деле было невероятно трудно слушать. А еще сложнее - понять, о чем он говорит. Ибо,

начиная, бывало, говорить об одном - он каким-то удивительным образом вскоре терял нить разговора. И обычно заканчивал уже совсем не тем, с чего начинал. То есть, если слушать Кешу в течении нескольких дней - то вы сами должны были собирать, словно мозаику, разрозненные данные доносимой до вас информации. Помня о том, что говорил он вчера. Соотнося с тем, что говорил сегодня. И обязательно прибавляя к тому, о чем он будет вам рассказывать завтра. И при этом, конечно же, совсем нельзя было запутаться в этом каскаде обрушившихся на вас разрозненных предложений. Ибо если собеседники его не понимали (что было чаще всего) - Кеша невероятно расстраивался. И вам, как минимум, нужно было "понимающе" кивать любым словам, который вы слышали от него. А иначе вы действительно могли нажать себе врага. Кровожадного, желчного, и до невероятности язвительного врага. Чего бы я вам не советовал.

Хотя бы потому, что Иннокентий на самом деле умел дружить. И в дружбе он был предан вам как ребенок.

Особенно, если вы смогли подчинить его. В этом случае, вы обретали настоящего и преданного друга.

Искреннего. Самое главное - очень искреннего.

2

Иннокентий ненавидел женщин.

Больше всего он ненавидел женщин. Считая их невероятно лживыми созданиями. Которые, впрочем (так он считал) норовили обязательно вступить с ним в интимную связь. По крайней мере, имели такое желание.

И тогда уже все, что требовалось от него - это не идти у них на поводу. Быть может сразу - нагрубить им. Сделать все - чтобы они даже не приближались к нему.

И если происходило так, он был по настоящему спокоен.

Относительно спокоен, конечно. Ибо по-настоящему спокоен он не был никогда. И все время внутри него бурлил какой-то водоворот нереализованных сексуальных желаний. От чего ему, должно быть, жилось до невероятности тяжело. И беспокойно. Конечно же, беспокойно.

А я как мог - старался его успокоить. И иногда (могу похвастать) у меня получалось. Получалось подыгрывать ему. Изображая из себя человека с теми же самыми проблемами, как и у него.

И тогда я замечал, что Иннокентий успокаивался. Пусть на совсем незначительное время, но успокаивался. Ибо теперь получал возможность наблюдать за собой как бы со стороны. И по его заблестевшим глазкам я понимал, что попадаю со своей игрой в цель. И Иннокентий расслаблялся. Доверяя мне.

Или своей судьбе. Ибо иногда я видимо переигрывал, и Кеше казалось, что я - это он. И у него даже появлялись те же самые мысли, которые наверняка рождались в ту же секунду у меня. Хотя и это, большей частью, предположение. Ибо я отчетливо был уверен, что если у Кеши и появлялись какие-то мысли (а мыслей у него на самом деле было невероятно много), то они были настолько извращенными, что о них даже неприлично говорить. И уж тем более произносить вслух. Хотя вслух-то, иной раз, говорить и не приходилось. Ибо на Кешу напал какой-то

ужасающий ступор. И он замирал неожиданно в своей шизофренической обстановке.

И в этот момент самым разумным было просто уйти. Потому что продолжать о чем-то ему говорить или слушать его (в зависимости от того, что вы до этого делали) было совершенно бесполезно.

И Иннокентий молчал.

И молчали вы.

И так могло продолжаться невероятно долго. Притом, что начать говорить Кеша мог с любого места своего предыдущего разговора. Даже если этот разговор состоялся месяц назад.

Но ему ведь казалось что только что. А значит, вы уже вынуждены были ему подыгрывать. Кивать головой. Улыбаться даже.

Хотя и улыбаться вам приходилось всегда. Потому что с иным выражением лица Иннокентия слушать было невозможно.

И даже можно было не улыбаться. Зачем? Ведь Кеша совершенно не обижался. Потому что он был сумасшедший. Настоящий городской сумасшедший. Которого не закрывали в больницу соответствующего профиля только лишь оттого, что его брат был психиатр. И как мог - его подлечивал.

Хотя мне всегда казалось, что его брат и сам сумасшедший. И в этом я, наверное, был недалек от истины. Хотя и рассказ наш не о брате Иннокентия, а о Кеше. И написанный даже с согласия его. Потому что Кеша не только этому не противился, но и, казалось, даже ожидает какой-то славы. Хотя... он ведь и вправду был сумасшедшим. А с сумасшедших какой спрос?..

Сергей Зелинский

14 апреля 2006 год.

рассказ

Предрешенность

1

С каждым днем Роман все больше оказывался в ситуациях, о которых раньше не могло предположить даже его воображение поэта. Вернее, он, конечно же, способен был предположить все что угодно. Ну уж так выходило, что словно сознательно (подсознательно на самом деле) избегал всего, что способно было хоть как-то наталкивать его на мысль - о возможности этого. Потому что он, конечно же, ни за чтобы не в силах был с этим смириться. И должно быть уже поэтому, и мысли к нему приходили такие мрачные, и печаль приходила.

А потом уходила. Ибо не решалась она задерживаться в той светлой душе, которая была у Романа. И уже тогда можно было предположить, что именно его душа позволяла на многую несправедливость, что периодически возникала вокруг, закрывать глаза. Должно быть все же потому, что это непосредственно не касалось его. Но ему и некогда было задумываться об этом. Потому что... Потому что Роман Ветров старался жить. Жить полноценной жизнью. Совсем не замечая, что рядом с ним есть и другая жизнь. Жизнь, которая существует совсем независимо от того, обращаете или нет вы на нее внимание. И это было, наверное, действительно так. Но... Но у Романа, должно быть, и действительно не было времени задумываться об этом.

И уже наверное потому, то, что обрушилось на него, показалось ему чем-то таким, из чего совсем не было выхода. Вернее выход был один - смерть.

2

Это состояние свалилось на Романа столь внезапно и неожиданно, что на несколько минут он оказался погружен в настоящий ступор. Несколько минут... Это на самом деле было несколько минут. Роману же показалось, что прошло не меньше получаса, а то и часа. Притом что даже когда он будто бы и вышел из этого состояния, он все равно продолжал находиться в некой прострации. Словно бы кто-то подсыпал ему какого-то затормаживающего его нервную систему порошка. И так на самом деле и было. Хотя, конечно же, обошлось без порошка. Да и к чему? Если все равно тормоз...

3

В один момент Роман Ветров потерял все. Жену, ребенка, родителей, сестру... а также работу и дом. И, наверное, всех знакомых, отказавшихся вдруг разом от него.

А из преуспевающего бизнесмена (поэтом он был по призванию, но деньги предпочитал зарабатывать бизнесом), Роман стал обвиняемым в убийстве. Убийстве более тридцати человек. Примерно столько находилось в тот час в автобусе, который взорвался, успев только-только отъехать от остановки, где забрал одного из пассажиров. Кроме севшего в автобус пассажира на остановке никого не было. Иначе погибли бы и они. Притом что только по усредненным данным в автобусе было тридцать

пассажиров. На самом деле их могло быть и вдвое больше. Просто трагедия случилась только вчера. А сегодня Роман уже был взят под стражу. Потому что автобус был коммерческим. И принадлежал Роману Валентиновичу Ветрову, предпринимателю. Так же как и несколько других автобусов. У водителей которых - у всех до одного - не было допуска к управлению транспортным средством категории "Д". Да и вообще не было прав. А те, которые оказались у них, были поддельными. Купленными в одном месте. Причем продавец был тоже задержан.

А еще нанятые Романом водители оказались выходцами с Кавказа. Гастарбайтерами, получается. Гастарбайтерами с ваххабитскими корнями,--то ли пошутил, то ли поделился своими предположениями с Романом следователь. И Роману стало еще хуже.

Но что уж точно, его водители не имели даже регистрации в Москве. Да это им и не требовалось. Потому что жили они в одном месте. На даче Ветрова. И фактически являлись его рабами. Заложниками. Потому что он им давал еду, жилье, какие-то (незначительные, как выяснило следствие) деньги; а в залог - взял свободу. И они никуда не могли ни уйти, ни уехать. Разве что только на маршрут.

Ну а как вышло, что автобус взорвался?.. Ветров пока этого не знал. Хотя уже и догадывались следователи. Ибо помимо не компетенции водителей, автобусы Ветров тоже закупил списанные. И можно было удивляться, как они вообще еще ездили. Хотя взорваться по идее не должны были...

--Не могли они взорваться, точно не могли,--развел руками Ветров.--Не понимаю, как такое могло случиться.

--Как такое могло случиться, рассказать нам должны именно вы,--следователь в который уж раз вглядывался в лицо сидящего напротив человека, пытаясь в нем разобраться.

Ему, например, было непонятно, как можно было стараться извлечь максимальную прибыль, жертвуя здоровьем людей. Ведь если несчастье не случилось бы сейчас, оно бы все равно произошло в будущем. А значит, Роман Валентинович Ветров все равно бы предстал перед судом. И это все так. Но ведь должны у этого сорокалетнего человека быть какие-то действительные основания совершать подобное. И неужели не задумывался он над тем, что в итоге получится?..

Как ни силился, следователь Мотыгин понять ничего не мог. Не был способен. И прежде всего, оказывался в бессилии его мозг. Который просто не мог себе представить, что подобное возможно. И дело даже не в том, что для сорокачетырехлетнего подполковника это был первый случай со столь большим числом жертв у одного подозреваемого. Совсем нет. Приходилось вести дела не менее печальные. Да вот убийцы там оказывались более... прожженными, что ли. А тут...

Он еще раз взглянул на сидевшего напротив человека. Ветров не производил впечатление ни циника, ни какого-то безжалостного убийцы. Но почему-то факты говорили за то, что это именно он подложил бомбу в автобус. Причем, зачем это сделал?

Ну не было у него мотива! Не было. Не мог человек просто так взять и лишиться жизни еще 37 (все останки еще не были собраны, но эксперты склонялись к мысли, что жертв было 35-37, может быть 39 человек). Разве что...

Следовательно пришла мысль послать Ветрова на суд.мед.экспертизу. Следовало установить его вменяемость в момент преступления. Хотя сам подполковник Мотыгин видел, что Ветров абсолютно здоров. И какого-то психического отклонения даже не намечалось. Несмотря на то, что в один день с трагедией, у Ветрова погибли все его близкие родственники. Автомобиль в котором они ехали врезался в бензовоз, который не взорвался только потому, что оказался пустым. Но в Жигулях пятой модели погибли все. Умер и водитель бензовоза. Тут же. Инсульт. 58-летний водитель просто не смог пережить, что явился причиной смерти сразу шести человек (ребенок был на руках).

А вот Ветров был жив. И этот факт пока даже не удручал его. Или удручал?

Следователь пододвинул к Роману Валентиновичу пачку сигарет. Тот кивнул, вытащил одну, повертел какое-то время в руках, словно раздумывая, и, наконец, закурил.

Следовательно стало немного поспокойнее. Если бы Ветров сказал, что решил бросить курить...

А Ветрову было совершенно безразлично, что скажет о нем следователь. Так же как безразлично, что решит суд. Будет ли вообще ему сохранена жизнь. Потому что на самом деле жить он не хотел. Но и знал, что убить сам себя - не способен.

И тогда уже, было бы намного справедливее, если бы это сделали другие. Хотя их ведь еще необходимо было убедить в этом. Тогда как намного желательнее было бы, чтобы все состоялось сразу. Быть может правильнее было бы, чтобы и сам он умер. Внезапно. Например, от остановки сердца (такое он знал, бывает). Или от инсульта. Инсульта...

У Ветрова действительно перехватило дыхание. В области сердца что-то сдавило. Так же как и сдавило виски. Вены, которые, казалось, должны были вот-вот лопнуть. И кровь брызнуть на...

--Вам плохо?--обеспокоено спросил следователь.

--Это я их убил,--с трудом выдавил из себя Ветров.

--Что?.. Повторите, что вы сказали?--тряс следователь тело Ветрова, который потерял сознание. Решив, что умирает.

А следователь... Следователь почему-то подумал о том же. И еще о том, что ему должно быть не стоило выбирать столь нервную профессию. Да и ведь на самом деле в юности подполковник Мотыгин больше тянулся к какому-то творчеству, творческому самовыражению. И даже стихи писал, как и Ветров. И по стечению обстоятельств когда-то печатался в одной с ним малолитражке. Чуть ли не единственной газете их родного города Химки Московской области. И также как и Ветров,-- Мотыгин выбрал другую профессию. И точно также переехал в Москву. Вот только убийцей он никогда не был. Разве что...

Подполковник Мотыгин вспомнил как еще будучи курсантом у них в училище случилось ЧП. Один из курсантов выпрыгнул в окно. Списали на самоубийство. И только Мотыгин чувствовал свою вину. Потому что именно он тогда посоветовал Вите Сафонову, когда того бросила девушка, выпрыгнуть из окна. Тот и выпрыгнул. Никто из слышавших это (в казарме находилось человек 15) не сказал об этом тогдашним следователям военной прокуратуры. А Мотыгин после того случая ушел из военного училища, отслужил в армии, и поступил в Питерский (тогда

Ленинградский) институт МВД, который закончил, и вернулся обратно в Москву.

И не понимал Мотыгин, отчего же сейчас вспомнил он ту историю. Но он почему-то почувствовал какую-то неожиданную жалость к Ветрову. Который уже приходил в себя, но все еще не открывал глаза.

"Видимо не хотел,--по-своему истолковал Мотыгин.--Не хотел возвращаться в эту реальность, которая ничего уже не принесет, кроме новых страданий. Ничего..."

Подполковник Мотыгин достал табельный "Макаров", и щелкнув затвором, выстрелил несколько раз в голову Ветрова. Потом, секунду подумав, вставил дуло пистолета себе в рот - и застрелился.

Сергей Зелинский

12 апреля 2006 год.

рассказ

Маршальский жезл

Полковник Онегин мечтал стать маршалом.

Даже не генералом - а именно маршалом.

Притом что пока он был капитан. А Полковник -- это было его прозвище. Полученное еще с курсантских времен.

Онегину было тридцать лет. Служил он в войсках связи. Преподавателем в академии.

Преподавал Онегин физическую подготовку. А до этого закончил военный институт физической культуры. И это все, что у него было культурного. Потому что капитан Онегин был пьяница

и бабник. И мечтал стать маршалом - чтобы иметь баб еще больше. И водки пить, получается, тоже больше.

Еще будучи курсантом, Онегин выработал своеобразный план, который в случае удачи должен был привести к цели.

Но пока удачи не было. Некоторые его однокурсники стали уже майорами. Кто-то и подполковником. А кто-то и учился уже в академии генштаба. И все шло к тому, что они могли опередить его в возможности стать генералами.

Но вот в том-то и дело, что Онегин хотел стать только маршалом. И пока рассматривал успехи своих товарищей (которые были ему вовсе не товарищи) как нечто случайное, что в жизни вполне может произойти. Но все это как бы еще ничего не значило.

Да и наплевать, по сути, было Онегину на товарищей. Так же как и не на товарищей тоже. И даже вообще - Онегин шел к цели своим путем. И что это был за путь - знал лишь он один. И в свои секреты никого не посвящал.

.....

А все дело в том, что Онегин давно уже был генералом. Генералом армии. И до заветной цели ему оставался лишь один шаг. И зависел этот шаг только от желания Игоря Семеновича Онегина. Человека железной воли и поразительной твердости. А еще решимости и силы духа. Ну и тогда уже получалось - человека вообще любых положительных качеств. Которые были свойственны ему. Его личности. Его...

Сумасшедшим был Онегин. Давно уже сумасшедшим. И лежал в соответствующей палате соответствующей клинике. И

упорно не хотел лечиться. А словно бы наоборот - принимал только те таблетки, которые вызывали в нем полет фантазии. Галлюцинации, в общем.

И лишь раз испытал подобное - Онегин уже не мог остановиться. И первый раз это случилось еще, когда он был курсантом 2-го курса строительного факультета военно-инженерного университета, откуда его отчислил после третьего семестра. Но в армию не забрали. Отправив вместо этого на лечение. С последующим автоматическим освобождением от любой формы воинской повинности и каких-либо обязанностей перед армией и флотом.

Впрочем, так же как и каких-то прав.

Но Онегин был за это не в обиде. Он вообще никогда не обижался. У него была цель, и он этой цели должен был достигнуть.

Но самое печальное (для Онегина) было то, что кто-то из душевнобольных настучал на Онегина. И его взяли на спецконтроль. А значит, он уже не мог принимать те таблетки (и в тех количествах), которые хотел. А должен был принимать только те, которые ему прописывал врач.

Ну а еще Онегину (словно бы для надежности) прописали уколы. И особый уход. Видимо он сильно надоел лечащему врачу. И тот захотел, чтобы Онегин наконец-то вылечился.

Но видимо врач не совсем верно рассчитал дозу (или что-то напутала медсестра). Или же вообще врач ошибся в выборе лекарств. Потому что случилось так, что галлюцинации у Онегина начались вновь. Причем настолько сильные, что согласно им

Игорь Семенович давно уже был маршалом. И если дела так пойдут дальше (шепнул ему пациент той же клиники что и он, незадолго до этого назначенный Онегиным личным адъютантом и произведенным в генеральское звание) то Онегин может стать президентом.

И эта перспектива Онегину очень даже понравилась.

А потом он подумал, и разжаловал адъютанта в рядовые. И тот больше не был генералом. Потому что Онегин понял, что совсем не хочет становиться президентом. Все-таки его мечта была стать маршалом. А мечтам изменять он не привык.

А потом... А потом Игорь Семенович Онегин выздоровел. Внезапно, и достаточно неожиданно для самого врача. И теперь держать Онегина в психиатрической клинике было не нужно. Его нужно было отпускать.

И уже выйдя за ворота больницы, и зная, что врач (который проникся к нему необычайным вниманием) стоит на пороге и смотрит вслед, Онегин обернулся и прокричал, что он все равно скоро станет маршалом; чего бы ему это не стоило.

А потом Онегин побежал. И бежал он так быстро, что, наверное, никто бы его не догнал.

Но за ним никто и не гнался. И вообще с недавних пор врачу было все равно. Он даже не слышал, что ему кричал недавний больной.

Врач думал о своем. Уже несколько лет он мечтал стать генералом. И теперь понял, что может в этой мечте признаться главврачу. И направился в его кабинет.

.....

Они встретились спустя год. Маршал Онегин и бывший врач, который все-таки стал генералом.

Встретились они в кафе.

И пили исключительно коньяк.

А потом... А потом они пошли спать. В послеобеденное время им всегда полагался сон. А кто не хотел спать - тех заставляли. Потому как был порядок. И следовать ему - было обязательно. Обязательно для всех пациентов психиатрических клиник нашей страны.

Сергей Зелинский

24.04.06 г.

рассказ

Ребенок

Вася стоял перед выключателем, и щелкал.

Стоял он уже полчаса. И видимо процесс ему очень нравился. Свет в ванной комнате то загорался, то гаснул. И все зависело от желания (и совсем нехитрых манипуляций) Васи. Именно он был главным. И видимо от него все зависело. Хотя, и, конечно же, от него. Ведь рядом никого не было. Разве что мама. Но мама звенела посудой на кухне. И потому в прихожей, где находился Вася, он был действительно один.

Зазвонил телефон.

Вася продолжал заниматься тем, что и раньше.

Телефон зазвонил вновь. И уже не так как раньше - а с каким-то надрывом. Как будто тот, кто дозванивался - сердился за то, что никто не снимает трубку.

--Алле? - Вася вопросительно уставился в трубку.--

Говорите! Говорите, черт возьми,-- начал он выходить из себя.

--Вася? - ответили на другом конце провода.--Это Регина.

Твоя сестра.

--Чего тебе?--отчего-то недовольно буркнул Вася.

--Мама дома?--осторожно спросила Регина.

--Дома,--ответил Вася.--...И что?--решил спросить он, в ответ на молчание.

--Как, что?--видимо удивилась Регина.--Позови ее пожалуйста.

--Хорошо,--согласился Вася, и положил трубку, собираясь идти на кухню, звать мать. И только тут он понял, что произошло.

Осознание какой-то страшной катастрофы повисло над Васей. Он совершил такой проступок, от которого теперь, быть может, и вообще будет зависеть его, Васина, жизнь.

Страх парализовал Васю. Уже если бы и хотел он что-то сделать - не мог. А в голове пронеслось предположение, что мама ждет этого звонка. Да и сестра теперь волнуется, переживает, и быть может даже плачет, что ей не удалось поговорить с мамой.

--Вася, кто это был?--в дверном проеме показалась голова Васиной мамы. Пожилая женщина устало смотрела на сына.

Телефон зазвонил вновь. Вася снял и тут же положил трубку, опустив ее на рычаг. А потом неожиданно рванул с места, и закрылся в ванной комнате. После чего включил воду, и стал петь. Громко и с надрывом. Периодически смешивая слова песни с вырывающимися из него ругательствами.

Получалось весьма забавно. И... вполне привычно для матери Васи. Ведь он ее ребенок. И для нее будет всегда оставаться ребенком. Независимо от того, что было Васе уже сорок лет. И у него давно могли быть свои дети.

Своих детей у Васи не было. Их не могло быть "по факту". Да и вследствие, конечно же, Васиного принципа. Который не позволял ему вступать в сексуальные отношения с женщиной, если это была не его жена. Или он заранее не знал, что она будет его женой. Ну, или невестой, уж на крайний случай.

И у Васи до сих пор еще никогда не было ни жены, ни невесты. И вообще, у Васи еще никогда не было женщины. И даже никакая девушка (кроме, быть может, родственников) не держала его за руку. Не клала свою ладошку на его член. Не обхватывала этот член губами. И вообще, с Васей еще никогда не происходило того, что показывали в фильмах, которые Вася смотрел.

Вася смотрел фильмы порнографического содержания. Почти исключительно. Потому как простая эротика (где главное заключалось в домысливании, а не лицемерии самого факта извращения) Васе уже была неинтересна. Чем-то на вроде эротики были сны Васи. Хотя ему еще ни разу не удавалось сделать "это" даже во сне. Во сне он вел себя так же, как и в жизни. Только если в жизни перед ним еще ни разу не было обнаженной женщины,-- в снах они мелькали сплошь и рядом. И должно быть очень хотели, чтоб Вася сделал с ними что-то такое.

Но на провокации Вася не поддавался. Еще бы! Ведь он на самом деле знал, что от него хотели эти лживые и грязные создания. Знал, что, по сути, хотели они только одного. А потому Вася всяческим образом увиливал от выполнения того, что давно

уже прочитывалось в глазах этих женщин. И на что (в глубине души Вася это понимал), он никогда не решится.

И Вася держался до последнего. И даже тогда, когда его, связанного, уже вроде как и разложили на столе; а потом развязали веревки, развели руки и ноги в стороны, а по его обнаженному телу уже начали скользить руки, губы, языки, волосы... мечущихся над ним обнаженных девушек - и тогда Вася не поддался, считая все это провокацией.

И даже когда почувствовал как что-то мягкое и теплое обхватывает его - давно уже эрегированный -- орган любви, даже тогда Вася еще держался. А когда - девушки знали свое дело - волна страсти все-таки накатила на Васю, и он уже был не в силах сдерживаться и готов был выплеснуть все так долго накапливающееся в нем - Вася проснулся. И еще долго из его комнаты раздавался отборный мат.

А потом Вася чем-то несколько раз ударил по шкафу, потом разбил окно, потом, высунувшись из того, стал кричать на какого-то прохожего, обзывая его самыми нехорошими словами.

И успокоившись только через час (еще хорошо, что через час; в иные моменты доходило до приезда милиции), Вася вышел на кухню и смущенно поздоровался с мамой.

Мама Васи, как ни в чем не бывало, сказала что-то на вроде того, что давай завтракать. Ну или еще что-нибудь. Значения это уже не имело. Потому что ничего в жизни мамы не менялось. С тех пор как проблемы сына, которые раньше казались ей еще вроде как не проблемами, а чем-то на вроде шуток сына или его индивидуальных особенностей, в полной мере проявили себя.

И после. Когда мама поняла, что ее сын психически болен. И уже никогда не выздоровеет.

И поначалу она еще, было, боролась, бегала по врачам, радовалась, когда диагноз не подтвердился; потом, оказалось, что диагноз подтвердился. Но она еще надеялась, что это не будет так серьезно.

Пока не поняла, что все слишком серьезно.

И никакого улучшения уже никогда не произойдет. И остается только смириться. Продолжая жить той жизнью, которой она и жила. Жизнью, которая была до сих пор. Смириться...

А потом мама неожиданно успокоилась. И стала принимать жизнь такой, какой та и была. Устав искать в этой что-то как хорошее, так и плохое. Убедив себя, что главным было то, что ее сын был жив. Ну а то, что нездоров? Так опять же, внешне был не калека. А то, что у сына болела душа... Так мало ли она у кого не болит. Просто, быть может, выражается это по-разному...

--Да и много ли нормальных?--решила женщина.--Да и что могут-то, эти нормальные?..

--Хотя нет,--осекалась женщина. Уже осознав, что не о том она говорит.

--Проклятая жизни,--тут же запричитала женщина.

А потом успокоилась. Словно бы и действительно смирившись. И решив, во что бы то ни стало, принимать жизнь такой, какой эта самая жизнь и была. Принимать без всяких там завихрений. Ведь ей и без того хватало завихрений. Ее сына. Который...

Вася еще был в ванной. Но уже перестал петь. И выключил воду. И наверное вслушивался, что происходит за дверью. Не ругают ли его? Не хотят ли изловить?

И Васиная мама уже знала, что ничего, собственно, и не происходит. Что-то подобное с Васей происходило всегда. И тревогу бить не стоило.

И прошло еще какое-то время, и Вася осторожно открыл дверь. Высунул сначала голову, потом ногу, потом вылез сам. И виновато подошел к маме. И она его, конечно же, не будет ругать. Ведь он еще ребенок. Ее ребенок. А дочь... А дочь перезвонит.

И телефон действительно зазвонил.

Сергей Зелинский

18 апреля 2006 года.

рассказ

АЛКОГОЛИК

Иван Охлобыстин недоумевал. "Почему мир состоит из быдла и баранов"?

Ему стало грустно. Всей своей жизнью он стремился доказать обратное. Не гнушался знакомствами с этим самым быдлом. Сознательно стремился сделать людьми "баранов". Всячески направлял их устремления во что-нибудь светлое и чистое.

Не получилось. Сейчас он уже понял, что не получилось. И что уж точно - не получится. Притом что у Ивана не было такого уж непонимания. Он понимал и раньше, что все пустое. Но, будучи от природы лидером, Иван неосознанно стремился действительно изменить мир. "Пустое",--сказал он сам себе,

наливая очередной стакан водки и опрокидывая ее вовнутрь. Жидкость приятно растеклась по телу, медленно начав заполнять уголки подсознания. Теперь на жизнь можно было посмотреть иначе. Хотя пока еще не хотелось. Для этого надо было выпить как минимум еще стакан. А то и два.

Охлобыстин любил выпить. И даже не то что любил, а это была скорее некая необходимость. Способ выживания в этом мире, если хотите.

Иван налил и выпил еще. На удивление мир светлее не показался. В таком случае, как знал Иван, на его сознание может наслоиться какая-то нехорошая мрачность. И жить станет еще грустнее.

Иван поспешно опрокинул в себя еще стакан. Он просто пил из стаканов. Но водка только заполняла доньшко. Не больше 50 граммов. И подобных движений в себя необходимо было сделать пять-шесть, прежде чем наступит ощущение чего-то хорошего. Потом какое-то время следует помедлить. Покурить, например. Или съесть чего-нибудь. Попить водички, пройтись по комнате, включить телевизор...

Ничего этого Иван сейчас делать не стал. Он продолжил пить. Почему-то этому сорокалетнему мужчине сейчас хотелось пойти наперекор когда-то заведенным привычкам. Ну и может -- уже даже наперекор судьбе.

Он налил и выпил. Повторил. Потом еще.

Когда закончилась бутылка, Иван посмотрел на нее с неким сожалением. Словно бы она в чем-то предала его.

"Может и не водка это вовсе"--промелькнуло в голове Ивана. Он слышал по телевизору, что в бутылки из-под водки

разливают всякую гадость. "Вдруг мне попалась такая же"?-- подумал Иван.

Иван Охлобыстин всегда стремился предусмотреть все неожиданности. Поэтому он сразу купил две бутылки разного названия и в разных магазинах.

Он открыл новую бутылку, налил полстакана, и выпил. Теперь в его голове начались какие-то неприятности. Он даже вообще на миг потерялся, и перестал что-то понимать. Поэтому в срочном порядке повторил процедуру.

Стало полегче. Теперь ничего такого в его голову не лезло. Ничего подозрительного. А жизнь неожиданно предстала в совсем других красках. Новых и, наверное, интересных.

Иван на самом деле пока не знал, действительно ли это новое так интересно. Но сейчас ему захотелось в это поверить.

Он выпил еще. Ничего плохого уже в голову не приходило. Стало даже интересно жить. Впереди открывались перспективы. Перспективы счастья и удачи. Да и неприятности, которые как вроде бы еще недавно были, теперь устаканились. Стало действительно весело. А на душе полегчало.

Иван работал в типографии наборщиком. Работа ему нравилась. Она тоже приоткрывала какие-то перспективы. Ну, например, Ивану хотелось верить, что через какое-то время он станет начальником смены. А потом, даже вполне возможно, и директором типографии. А значит, жить станет веселее. Ибо после этого Ивана ожидают самые распрекрасные должности. А на пенсию он может уйти в ранге министра.

"Ну, а почему нет"?--периодически спрашивал себя Иван. И все больше убеждался, что подобное на самом деле возможно.

"Ну, а почему нет"--повторил он, и у него уже появились первые сомнения.

"Ну, а почему нет"--уже не столь уверенно спросил он себя в третий раз, и вдруг проникся убеждением, что у него все получится, а жизнь удастся. Ну, в смысле, получится.

Иван допил вторую бутылку. Пить дальше расхотелось. Сознание пришло в норму. Но чтобы это ощущение нормы не исчезло, Иван знал, что просто обязан выпить еще. Хотя бы немного. И исключительно для пользы дела.

Периодически Иван подпадал под действие стереотипов. Как и всем другим, ему начинало казаться, что литр водки это много. Притом что сам он пока этого не чувствовал. Ибо даже толком не опьянел. Привычка. Ну, или дурная наследственность.

Иван стал искать в квартире припрятанную накануне (про запас) бутылку водки.

Не нашел. Не найдя - Иван опечалился. "Праздник души не должен вот так заканчиваться, останавливаясь на полпути",-- подумал он. И возобновил поиск.

Наконец он нашел припрятанную бутылку. Начал пить.

Выпив полбутылки, почувствовал, что может уснуть. Тело расслабилось. Мозгу стало лень что-то делать. Ну, думать, например.

Иван усилием воли допил водку и лег спать.

Сны у Ивана всегда были кошмарными. Что случилось сейчас, он так и не понял. В одном он не сомневался, что это какая-то гадость. А потому все время стремился проснуться.

Не получалось. Иван не мог управлять своим сном. И даже если сон казался нежелательным,-- у Ивана никогда не

получалось выйти из него. Как и не удавалось заставить присниться чего-нибудь хорошему. Интересному. Доброму и вечному...

.....

Иван неожиданно проснулся среди ночи. Встал, включил свет, заходил по комнате. Он жил один и никого разбудить не мог. С женой развелся, еще не начав толком жить. С соседями не общался. Как, впрочем, и всегда избегал разговоров с сотрудниками по работе, ограничиваясь приветствиями.

С кем Иван разговаривал? Сам с собой. Причем иногда разговаривал весьма охотно. Словно в надежде, что в результате этих разговоров перед ним откроется какая-то истина.

Истина не открывалась. А в отношении Ивана все было по-прежнему и исключительно не по-людски. Ему казалось, что жизнь это не жизнь вовсе, а сплошная гадость.

Это вызывало в нем негодование. И в такие минуты Ивану очень хотелось выбраться на свободу. Добиться чего-то интересного и по-настоящему замечательного. И хотя он понимал, что это все не иначе как мечты, Иван продолжал верить в чудо. И пить. Алкоголь это чудо приближал.

На самом деле алкоголь чудо -- то приближал, то удалял. И по сути, что ожидало Ивана, было не понятно. В том числе и ему.

Если бы сейчас было 19-е столетие, Иван попросился бы на каторгу. Ему казалось, что только трудом он мог искупить вину. Ведь надо было чем-то замаливать вину. Избавиться от нее посредством страданий. Добиться чего-то значительного, может

даже знаменательного. Ну и быть может (можно было допустить) - интересного.

Иван Охлобыстин, по крайней мере, к подобному стремился. К искуплению. А когда он подобного достигнет?..

Пока это было неизвестно. Какую-либо ясность Иван обретал только когда пил.

Ну, может, потому и пил?

Сергей Зелинский

06.12.2006 г.

рассказ

Колодец

Никто не понимал, зачем я здесь. Как, наверное, не понимал и я сам.

Только лишь раз я задумался было об этом, и тут же чуть не поплатился, провалившись в жидкую грязь колодца.

Да, да, я оказался в колодце. Не совсем может обычном. Размером он представлял добрую четверть хорошего стадиона. И весь состоял из клеток-лабиринтов, из которых выбраться было практически невозможно.

Но я всегда выбирался.

Стены у колодца были несколько метровые. Крыши не было. Высота у стен была метров десять, не меньше. По крайней мере, я не мог бы ее измерить, даже если бы захотел. Для этого надо было хотя бы залезть на них. Но они были столь хорошо забетонировано-заштукатурены, что в моем случае, мое желание оказалось бы как минимум неудачно. Да к тому же еще и глупым. Поэтому подобное желание я от себя отгонял.

Я шел по коридору, зная, что все равно никуда не выберусь. В какой-то мере меня захватывал сам процесс. Что будет дальше?

Дальше обычно ничего не было. Тупик. Через какое-то время я действительно упирался в тупик, и возвращался обратно. Чтобы начать все сначала.

Иногда мне хотелось громко закричать. И я позволял себе это. Догадываясь, что все равно никто не услышит. Да и чтобы потом не укорять себя, что подобное не сделал.

Периодически мне нужно было себя чем-то укорять. Быть может даже обвинять. Можно было подумать, что таким образом я себя подгонял, или стимулировал. Но сам я знал, что это ни к чему не приведет. Потому что через время все равно успокоюсь. И буду расслаблен мыслью, независимо от того, в каких бы страшных грехах себя не укорял.

"Может ты ненормален"--слышал я себя.

"Нормален..."--эхом отвечал себе же.

И продолжал движение. Движение сводилось к изучению колодца. Сколько я в него не попадал, никогда до конца не знал, что будет дальше. К тому же я заметил одну загадочную особенность: чем мне было трудней, тем легче я успокаивался. Быстрее. А на душе становилось легко и свободно.

Я поймал себя на мысли, что сейчас вновь успокоился. Мне стало даже как-то по-особенному весело и беззаботно. Хотелось чудить и смеяться. Чтобы через время, быть может, уже в этом себя начать упрекать.

"Зачем ты приходишь сюда"--спрашивал я себя.--

"Почему ты ходишь по этим коридорам"? "К чему..."

Как обычно, вопросов было больше чем ответов. Да и к тому же я знал, что никакой ответ меня все равно не устроит. Просто я был настроен таким образом, что обязательно должен был что-то выяснить, да к этому не стремился. Подобное мне было безразлично. Так же как и безразлично разговаривать с собой. И я верил, что за всем этим что-то скрывается. Пусть даже разгадки я никогда не узнаю, но мне, опять же, нравился сам процесс. Да и в эти катакомбы я видимо приходил из-за процесса. Мне нравилось бродить по ним. Нравилось ощущать нечто, что, быть может, за всем этим скрывалось. И если бы я только мог разгадать - что?

Как я проникал сюда? Через люк.

Как я выбирался обратно? Тоже через люк.

Но так получалось, что, попав в колодец, я сразу пускался в свое путешествие. И забывал, где этот люк находится.

Это походило на нечто странное, загадочное, и нелепое в своем, наверное, самом крайнем проявлении нелепости. И я даже не мог поверить, что все 38 комнат (столько я насчитал) были настолько одинаковы, что словно бы представляли из себя комнату одну. Причем я хорошо знал, что комнаты были разные. И только в одной из них скрывался люк.

Конечно, я вполне мог сбиться со счета, и комнат могло оказаться не тридцать восемь, а, скажем, двадцать три, а то и всего пятнадцать. Или же вообще сорок. Точного числа я не знал. Да быть может и никогда не стремился к этому. Для меня был важен сам процесс. И чем он затягивался, тем становилось как-то легче.

"Может тебе просто хотелось побыть одному"?--пытало меня мое Я, в надежде прояснить для себя ситуацию.

"Нет, нет",--отрицательно я качал головой, опасаясь признаться, что на самом деле мне был не ведом правильный ответ. Ведь вполне я мог сказать и да. Ну, то есть - согласиться.

"Это очень странно...--отвечал я сам себе.--Более чем странно..."

"Странно...",--вторило эхо, и я, не оглядываясь, шел дальше. Проходя свои этапы, и ожидая встретить новые препятствия.

Я бродил по коридорам. В зависимости от времени суток у меня рождались различные ассоциации от того, что я видел на стенах. Да, я чуть не забыл. Я ведь видел образы. Образы людей, которые, быть может, и никогда не существовали. Что они означали?

Загадка... В колодце много было загадок... А я стремился их разгадать.

Иногда от этих образов я шарахался в стороны, пугаясь их. Словно мне верилось, что кто-то из них сможет меня схватить, прыгнуть на спину, броситься в ноги, и повалив таким образом приняться меня душить.

В таких случаях я пускался наутек. Я бежал по лабиринту, благо, что хотя и была грязь, не было особых неровностей. И во время такого бега я в принципе не мог упасть.

.....

В колодце я оказывался с неизменным интервалом в несколько дней. И попадая в него, мне становилось так уютно, что я не стремился сразу же выбираться.

И только потом я уже мечтал только об одном - поскорее убраться восвояси. Потому что мне становилось страшно. Очень страшно.

Помню свои первые ощущения, когда я попал в колодец. Я еще не знал, что он из себя представляет. Я мог видеть только то, что видел. И бродил, изучая его. Мне даже вроде как нравилось. И что уж точно, я совсем не чувствовал дискомфорта. А даже наоборот, создавалось впечатление, что я оказался там, куда, по сути, все время стремился. И зарождавшиеся было мысли, указывавшие мне на мою ошибку, безжалостно гасились мной. Уничтожаясь на корню.

Чтобы потом появляться вновь. Уже в других вариациях.

.....

Проходило время. Меня уже не устраивало то, что я видел. И я давно уже стал привычен к возникающим у меня ощущениям.

Как-то незаметно я подошел к тому, что меня уже ничего не устраивало. Мне словно в одночасье все опротивело. И я, находящийся в этот момент в колодце, попытался стремительно покинуть его. И стал искать выход. Ну, то есть люк. Этот чертов люк, которого я не находил.

И обхватив голову, я сел на землю, сдерживая слезы. И на какое-то время даже стал противен себе. Но если бы это только могло как-то нормализовать ситуацию...

И видимо что-то настолько изменилось при этом в моем сознании, что я словно бы куда-то разом провалился. И мне стало очень хорошо. Так хорошо, как еще никогда не было. Разве что только в детстве. Но разве мы, находясь в детстве, обращаем

внимания тогда на эти прекрасные явления. А я обратил. Сейчас.
И мне не хотелось из этого состояния возвращаться.

Сергей Зелинский

12 сентября 2006 год.

рассказ

Недолгое счастье

1

Для Павла Холмогорова наступило хорошее время.

Для кого-то, может, было оно и не совсем хорошее, а вот для Павла - самое что ни на есть счастливое. И виной тому - Пашина женитьба. Причем, наверное, покажется удивительным, но Пашина будущая супруга сама напросилась в жены. Как бы пришла к Паше и сказала: я буду твоей женой.

Сказала, и словно бы поставила точку. В том плане, что возражать он уже не осмелился. Слаб он был для каких-то возражений. И неспособен что-то кому-то противопоставить, а тем более указать на ошибку и обосновать свою правоту. Паша словно бы изначально уже ожидал, что его все равно не послушают.

Ну, а что касается Пашиной супруги (стала, стала она его супругой), то тут конечно, сопротивляться было нечему. Во всех отношениях это была прекрасная женщина. Властная и независимая.

И уже получается, что даже если бы Павел ей что-нибудь и возразил, то у него ничего бы не вышло. Ангелина была замужем три раза. Старше Павла на тринадцать лет. И была необычайно уверена в том, что делает. Будь-то покраска волос (каждую неделю Ангелина становилась то блондинкой, то

шатенкой, а то и просто рыженькой. Но и здесь начиналось -- желто-рыжая, красно-рыжая, синяя...), или вообще любые ее поступки.

Небольшого роста, худенький и всего опасующийся, Павел испытывал невероятное сексуальное возбуждение, когда его член брала в свою ладошку Ангелина.

Сначала она тот долго и пристально рассматривала (поглядывая периодически на прячущего глаза Павла). А потом наклонялась и брала его в рот. И до этого сморщенный огрызочек оттаивал и превращался в еще очень даже неплохой орган любви. Который после Ангелина вводила куда ей заблагорассудится. А Павлу оставалось только подчиняться и подстраиваться под позиции и ритм, задаваемый Ангелиной.

Женщина действовала очень умело и поначалу словно бы продляла удовольствие.

А потом Павел неожиданно кончал. И смущался от этого необычайно. Ангелина же жалела его и успокаивала.

И было им настолько хорошо вдвоем, что Паша даже и не думал, чтобы изменять своей любимой женщине. А Ангелина - удовлетворяя еще троих: соседа, начальника, и бывшего одноклассника -- все равно тянулась к Павлу.

Те трое были для развлечений.

Павел же -- для любви.

И любила она его безумно.

2

На фоне Пашиного счастья мне даже и неудобно говорить, что был он несчастлив. Несчастлив настолько, что рыдал ночами навзрыд, дождавшись, пока Ангелина уйдет в ночную

смену, он запирался в ванной комнате и плакал. (Ангелина работала в салоне красоты; круглосуточном, по ее словам; хотя у Паши не раз возникало предположение, что это был вовсе и не салон, а публичный дом; хотя это было слишком смелое предположение).

Плача, Павел для надежности еще и включал на всю напор воды. Хотя услышать его в их однокомнатной квартирке (жили они вдвоем) могла только Ангелина. Если бы случайно возвратилась. Но еще ни разу она не возвращалась. А приходила только под утро. Полупьяная и уставшая. Но Паша не спал. Дождался ее. И лишь только слышал скрежет открываемой двери (вернее, попытку попасть ключом в замок), вставал и накрывал завтрак на стол.

Завтрак Павлом был приготовлен всегда. Также как обед, ужин, а если потребуется (если, например, у Ангелины был выходной) еще и полдник.

И квартира всегда была тщательно им убрана. Белье выстирано и выглажено. Павел вообще любил прибираться по хозяйству. Он только не любил, когда к Ангелине приходили подружки. Именно из-за них у него было подозрение по поводу места работы его супруги. Ибо представляла Павлу своих подруг - как коллег по работе. А внешний вид девушки имели блядский, что у Павла даже рождалось сексуальное возбуждение. И тогда он уходил в кухню, словно бы опасаясь, что они набросятся на него и изнасилуют.

Но девушки... Нет, такого они бы себе никогда не позволили. Да и уставали на работе. А еще им хватало своих

мужей и любовников. Так что волнения Паши были, в общем-то, напрасны.

Ангелине очень хотелось, чтобы хоть раз Павел бы ей не поверил. Придумал бы какую-нибудь ерунду - и настоял на ней.

Но Паша на подобное был не способен.

А она и не настаивала.

.....

А потом Ангелина бросила Павла. Так же как до этого - бросала предыдущих мужей.

И Павел теперь плакал открыто.

Но просить Ангелину вернуться - боялся. Так же как боялись и те трое - до него.

А она, быть может, этого очень ждала.

Но это было только наше предположение. А в любом предположении, домыслов всегда больше, чем правды. Но если уж так, то мы могли бы и предположить... Нет... Пусть уж останется все как есть.

Тем более что через несколько лет Павел Холмогоров снова женился. И нашел себе жену - очень похожую на Ангелину. Ее, по-моему, и звали как-то похоже. Ну, как говорится, чего в жизни не бывает...

Сергей Зелинский

23.04.06 г.

рассказ

Перестраховщик

Рощин был перестраховщик. До боли и до жути мелочный и... ранимый. Бережливый, наверное, все-таки.

Бережливый. Так он считал. И где-то в своей тщедушной душонке тешил себя этим. А на самом деле - такие люди как Рошин мне никогда не нравились. Не было в них этакое душевного размаха. Русского размаха. Того, что уже как бы и свойственно представителям наших широт. Нашего государства. Испокон веков стоявшего где-то на границе между Европой и Азией. И до сих пор так и не определившегося к кому оно ближе.

Хотя корни самого Рошина были какие-то монгольские. И ходили слухи, что один из его прадедов даже был хан. Монгольский, разумеется. Хотя сам Рошин уверенно отстаивал собственную гипотезу, что он русский. Пусть и глаза раскосые, и картавит как еврей, и нос как у грузина, и скулы как у бурята - но сам он русский. И явно обижался, когда кто-то принимался на это его убеждение - откровенно смеяться. Смеяться, по мнению Рошина, было не над чем. Да и на самом деле, конечно, тут и не смеяться надо было. А, как минимум, плакать. Потому что, стоило только в собственности Рошина появиться какой-нибудь вещи (машине, например. Его последнему приобретению), и тотчас же у Якова Рошина начинали проявляться какие-то уж совсем отвратительные черты. Потому что начинал он трястись над этой самой вещью, думать только о ней, сдувать с нее пылинки, и зло (откровенно зло!) смотреть на каждого, кто, по мнению Рошина, стремился на эту самую его собственность позариться. Хотя бы сесть в нее (в машину, в данном случае).

И уже только от возможности чего-то подобного Рошин покрывался липким потом. Заикался. На него нападала какая-то жуткая (и непрекращающаяся) икота. И он совсем изменялся в лице. Потому что лицо его тотчас же становилось злобным,

раздражительным, и... неуверенным. Неуверенным, должно быть, даже в том, что вообще возможна какая-нибудь другая мимика. Кроме той, которая была. Которая появлялась на лице Рощина. И он даже сам, наверное, невероятно переживал из-за этого. И совсем как будто не знал - что ему делать дальше.

И совсем не помнил - как он реагировал раньше. Если, конечно, предположить, что когда-нибудь Рощин реагировал как-то иначе.

Но мне так не казалось. И я вообще старался поменьше общаться с Яковым Рощиным. Можно сказать даже - избегать его. При этом сам же до конца и не осознавал - отчего так происходит. Ведь (по крайней мере--внешне) Яков выглядел вполне располагающим к себе молодым человеком. В меру упитанным. С круглыми, пухленькими, щечками. И какой-то не в меру стыдливой улыбочкой. Словно только что совершил что-то нечестное. Хитрое. Запретное. Направленное, быть может, даже против ближнего своего.

Хотя были ли те, кто с Яковым Рощиным общался, я не знал. И почти даже никогда не думал о том. Потому что, наверное, боялся в чем-то разочароваться. Ибо если и были у него товарищи, то отчего-то мне они казались такими же хитровыебанными, как и Яков. (Кстати, я все время спотыкался на сочетании его имени и фамилии. Мне казалось, что кто-то что-то напутал. И если имя ему еще подходило, то уж фамилия должна была иметь совсем другое окончание: баум, например, или сон. Ну, где-то так. Яков - Рощинбаум. Яков Рощинсон. Что-то на вроде того.)

Но к моему даже какому-то счастью, Яков так не считал. И у меня появлялась улыбка каждый раз, когда я (выходило это -

ловил я себя на мысли - непреднамеренно) произносил и невольно улыбался от такого глупого сочетания имени и фамилии. Яков Роцин. Яков Сигизмундович Роцин. И получалось уже совсем черт знает что. Но что я мог поделать?

Но какой же Роцин на самом деле был перестраховщик. Если он вдруг пускал вас в свою машину, то я откровенно заебывался, постоянно помня о том, что этот идиот следит за тем, с каким усилием вы закрыли его дверь, чистая ли у вас обувь, не курите ли вы в машине, не слишком ли проминаете его кресло, и прочее и прочее. Так что уж действительно тысячи раз проклинаешь себя за то, что поддался на предложение Роцина "подвезти". Притом что я уже понимал, что и сам Роцин уже корит себя за свое "предположение". И переживает даже, наверное, не меньше вашего. А может даже и больше (и наверняка больше).

И вы уже как будто и готовы побыстрее выйти из машины. Уже даже и забывая о цели своей поездке. Точнее даже напрочь забывая эту цель. А в голове у вас как счетчик постоянно щелкает необходимость выполнения соответствующих правил. Которые вы должны обязательно выполнить. Ибо сесть в машину и даже ехать в ней - это еще почти и ничто. А вам еще предстояло вылезти из нее. Причем так, чтобы у Роцина до конца не испортилось настроение (хотя настроение у него было испорчено всегда. Уже наверное от одного осознания вашего присутствия рядом с ним). И он что-нибудь не подумал вам вслед. Что-нибудь плохого. От которого уже будете переживать вы. Ибо как-то уже так выходило, что это именно вы рядом с Роциным оказывались уж слишком душевно ранимым и впечатлительным человеком. И

как раз вы-то больше всего и переживали, что, мол, да и как. А Рошин... Если Рошин за что-то и переживал, то это скорее, больше была только игра. И только игра. И модель поведения. Которой отчего-то (и видимо когда-то) решил следовать этот чудаковатый Яков Сигизмундович Рошин. Человек, который перестраховывался изначально не тем, что не допускал какой-то ситуации, а тем, что сначала сам организовывал ее, а потом доводил вас до белого каления постоянными придирками и предостережениями. Пока вы, чертыхнувшись, не уходили прочь. А он смотрел недоуменно вам вслед. Должно быть думая, отчего же так произошло? Ну не идиот ли?..

Сергей Зелинский

15 апреля 2006 год

рассказ

Почти обычная жизнь

1

Мне казалось, что если вдруг все вокруг станут достаточно спокойными, то моя жизнь успокоится тоже.

И я больше не буду дергаться и нервничать по каждому пустяку. А окружающий мир - станет для меня достаточно понятен. И быть может даже прозрачен, как стекло.

Примерно об этой прозрачности я отчего-то мечтал. И часто, просыпаясь среди ночи, бродил по многокомнатной квартире моих родителей (папа еще в начале 90-х расселил одну из коммуналок, а потом неожиданно купил квартиру в Нью-Йорке и переехал туда с подругой мамы, ставшей его женой. Мама же по новой вышла замуж и уехала к новому мужу в Бельгию), борясь с

навязчивой идеей этой самой прозрачности. Хотя уже вскоре прозрачность мне напоминала призрачность. И несколько удивленный таким неожиданным поворотом, я выпивал еще одну рюмку коньяка (перед сном я уже традиционно выпивал одну) и вроде как засыпал.

Во сне мне снилось спокойствие.

Правда, уже как вроде бы и не снилось (мало кто из нас, участвуя в сновиденческих композициях, представляет что это сон). Я жил этим самым спокойствием. Находился как будто бы внутри него. И мне уже совсем ничего не хотелось, как только попытаться увидеть что-нибудь иное. Когда люди, например, друг на друга злятся. Быть может даже (если повезет) кричат и ругаются. А то даже (но это уже была редкая удача) друг друга бьют. Скалкой, например. Или битой. А потом пинают ногами. Крушат ребра. Поливают бензином и поджигают. В общем, мерзость всякая.

Но именно этим иной раз заканчивались мои сновидения. И тогда я просыпался в холодном поту. Скулил и жался к спинке кровати, в надежде спрятаться от кого-то, кто намеревался подобное проделать со мной.

2

Я не знаю, был ли я на самом деле сумасшедшим.

Вряд ли мне казалось, что это так. Но иногда "казалось" настолько, что я сам шел к знакомому психиатру. А он, радуясь моему приходу, доставал из портфеля бутылку водки, закрывал свой кабинет, и какое-то время мы пили. И я был уверен, что пил водку он только со мной. Ну, быть может, оттого была такая

уверенность, что приходил я к нему через день. А иногда - раз в неделю. А то и раз в месяц.

И мне казалось, что без меня доктор пьет в одиночестве. (Мой знакомый был хронический алкоголик и импотент. О чем мне рассказала его медсестра. Которая иногда ночевала у меня. Причем до ужаса любила, когда я брал ее "спящую". И непременно сзади. Но я уже к этому привык.)

3

Больше всего я вообще-то любил смотреть в окно. Вечером. Для этого я извлекал надежно укрытый от посторонних глаз морской бинокль (с усиленной оптикой). Дождался подходящего часа. Выбирал нужную позицию. И наслаждался. Ведь зрелище того стоило. Люди, живя на этаже выше первого, уже отчего-то считают, что если к ним в окно никто не заглянет с улицы, то и зашторивать окна не обязательно. И иногда прodelывают всякие свои дела никого не стесняясь.

Ну а мне, собственно, только это и было нужно (не всегда, но иногда я мог успокоиться, только занимаясь тем, чем я занимался).

Чем я занимался? Да известно чем. Возбуждаясь от этого, признаться, очень даже...

Причем, самым интересным было то, что я многое домысливал. То, что было в реальности, иной раз не было так интересно, как это представлялось в воображении.

Но так уж устроена жизнь.

Ну или - моя психика.

Наверное покажется удивительным, но на самом деле в моей жизни все это было конечно же не главным.

А еще точнее, нечто подобное было лишь неким вступлением к определенному событию, которого я в действительности ожидал с каким-то даже затаенным желанием осуществления сего действия. Ибо оно мне казалось самым совершеннейшим из тех, которые могли когда-либо состояться.

И было это действие...

Но нет... Как-то уже и не могу я так сразу... Ведь даже воспоминания о нем, для меня почти тоже самое, как если бы оно уже состоялось.

Потому что ничего долгожданнее (и желаннее) для меня никогда не было. (А если и было - то я этого не припомню.)

А все дело в том, что моей психике суждено было испытать нечто такое, после чего, наверное, и появились эти самые видения. Как будто я раздваивался на две половинки. Причем, каждая из них, внешне казалась точно такой же, как и другая. И я даже не мог с точностью сказать, в какой из них был я.

Все было так, словно этих половинок было две. Но каждая из них была словно одна. И они были настолько схожи, что, помимо внешней схожести, имели еще и удивительное мысленное единство. Ну, то есть, единство мыслей.

Хотя и иногда эти самые мысли друг от друга отличались.

Но подобное было не всегда. И в большинстве случаев это не имело какого-то принципиального значения. Потому что,

как только происходило со мной такое раздвоение, уже совсем не помнил я, какой был раньше. И все оказывалось для меня по-новому. И все - словно бы "в первый раз". Ну, в том плане, что (и пусть это не покажется странным) такое мое состояние было настолько всякий раз для меня удивительным (и неожиданным), что я какое-то время напряженно (боясь выдать прерывающееся безумие) всматривался во все то, что меня окружало.

И, должно быть, действительно какое-то время выглядел очень даже потеряннным. Словно бы внезапно совершил загадочный полет во времени. И теперь должен был вновь привыкать к той действительности, которая была вокруг.

И я даже не знал - удручала она меня или радовала? И то, что какое-то (пусть и непродолжительное) время моей реакцией было недоумение (жизнь как-то быстро изменилась с момента моего последнего появления в таком вот "двойном" образе; причем я отчего-то отчетливо помнил себя в прошлый раз и свои тогдашние ощущения), было, пожалуй, самым верным из того, что я мог сказать.

Да! Говорить-то я на самом деле не мог! Ну, быть может, конечно, не решался. Стеснялся, получается. Или считал это неуместным (после того, что со мной случилось). Но... ведь и совсем уж молчать мне казалось неудобным.

И тогда я стал общаться некими виртуальными мыслеобразами. То есть, о чем-то думал. И это свершалось.

А может и не свершалось (видимо, если я подобного не очень желал). А я тогда принимался вдруг ни с того ни с сего - чего-то бояться. И тотчас же замечал, что точно так же боится и мой двойник. (Причем еще был вопрос, кто из нас боялся больше).

А один раз вышло так, что, сколько я не подавал сигналы, тот второй "я" не отвечал.

И вообще никак не реагировал.

И тогда я испугался - не случилось ли чего?

И как только подумал об этом - он набросился на меня (что, признаться, раньше никогда не делал). И это настолько показалось для меня неожиданным, что я вполне серьезно растерялся. И какое-то время дал ему побить.

А потом всадил ему нож между лопаток. И не вынимал тот до тех пор, пока двойник не затих.

И только тогда я вынул нож. Бережно обтер его об фалды сюртука (и он и я были одеты в какую-то немислимую одежду, сродни той, которую носили лет двести назад). И перерезал себе горло.

Это казалось мне единственным решением. И больше я ничего не помнил.

Сергей Зелинский

19 апреля 2006 год.

рассказ

Врачебная ошибка

С Шаховым произошла невообразимая история: он влюбился.

Сказать, что такого не происходило раньше -- заранее наврать. Сказать, что подобное было... Тоже, получается, наврать.

Любое же философствование по этому вопросу - тоже ложь. И даже еще, наверное, более изысканная.

Но ведь Шахов-то влюбился. И на этот раз все было почти по серьезному.

Почти, потому что какие-то сомнения все-таки были. Пусть и не столь явно выраженные. И, наверное, даже не столь явные, чтобы заметить их сразу. Но чуть поразмыслив (месяц мучительных раздумий в сравнении с вечностью малый срок) Шахов понял только одно: все не совсем так. И может быть - все даже совсем не так.

Ну, по крайней мере, он запутался. И искал кого-нибудь, чтоб помог бы ему разобраться в сомнениях.

Я думаю, что именно поэтому Шахов и вышел на меня. Ну, точнее, мне это так преподнесли. Чтобы, быть может, повысить мою заинтересованность. Но я в то время настолько устал, что несколько недель отмахивался от разговора с Шаховым (все происходило через одного моего знакомого: законченного психопата и параноика). А потом у меня у самого проснулся интерес. Почти неожиданный для меня (потому что с недавних пор подобной категорией сограждан интересоваться я перестал).

Но, видимо, подспудно подозревая, что на этот раз случай другой (чем он мне представлялся); а мое воображение - тоже, надо признаться, не совсем здоровое - уже нарисовало возможную картину происходящего еще после первого разговора со своим знакомым - полу-психом; ну или уже психом, что уж тут скрывать.

И можно сказать, я не обманулся. Пусть Шахов и не показалось мне таким уж уникальным (тем более не очень-то и

уникальна его история), но, на мой взгляд, заслуживала того, чтобы я о ней рассказал. По крайней мере я понимал, что мне от этого станет легче.

Хотя первоначально, конечно, мне предстояло в нее вникнуть.

Суть проблем Шахова (если вкратце) следующая.

Евгений Евгеньевич Шахов был скульптором. И, на мой взгляд, вполне уверенно сублимировал свои психопатологические наклонности в создаваемые им произведения из гипса и мрамора.

"Сбой" же у него произошел в период так называемого творческого застоя. И когда он вынужден был отклонить третий заказ (аванс за который, как и за первые два, были им благополучно пропиты: в алкоголе Шахов пытался искать вдохновение) его товарищ и привел его ко мне.

У меня была частная - психотерапевтическая - практика. Тех, кто не хотел приходить ко мне в клинику, я принимал в специально снимаемой для подобных целей квартире.

Шахов уж внешне показался мне больным. Агрессивный взгляд, неадекватное поведение. Когда он начал говорить, я понял что здесь еще и заниженная самооценка. Да и вообще, если покопаться, набор различных качеств, по которым его можно было отнести если не к психам, то уж точно -- к людям со странностями.

Но это понятно и объяснимо. И на самом деле почти совсем не беспокоило моего невольного пациента.

Труднее же всего было Шахову с женщинами. Видимо в раннем детстве у него приключился какой-то неприятный инцидент. После которого от женщин Шахов закрылся надолго (если не навсегда).

Я припомнил, что мне когда-то рассказывали (товарищ) о любви Шахова. Теперь я понял что никогда такой любимой у него не было. И это все было не более чем фантазия. (Причем я даже допускал, что фантазия со стороны не Шахова, а его товарища.)

И вскоре мои предположения подтвердились. До его сорока лет Евгению Евгеньевичу Шахову до сих неким чудодейственным образом удавалось избегать контакта с женщинами. И ни с одной из них он даже не только не переспал, но и -- не целовался.

И он ведь их и действительно избегал. Самым ничтожнейшим образом боялся. А сейчас вдруг влюбился. И видимо действительно не знал, что ему делать.

.....

Она была студентка. Выпускница режиссерского курса театральной академии. И судя по фото - откровенная блядь.

Но не мог же я сказать о своих подозрениях Шахову? Хотя и выслушивать по детски наивные его размышления (о предмете его любви) тоже не мог.

Проблема осложнялась тем, что Шахов собрался сразу жениться. Причем, как я подозревал, невеста ничего о предстоящей свадьбе пока не знала.

Но Шахов был непреклонен. И всего через полчаса (видимо заклинило) уже чуть ли не на коленях умолял предпринять с моей стороны все,-- чтобы она "согласилась".

Некий похожий случай уже всплыл в моей практике. Я был тогда еще студентом. И по ошибке - сначала переспал с той девицей; а только потом, да и то с большим трудом, уговорил своего тогдашнего знакомого отказаться от свадьбы.

Сейчас же мне следовало действовать по иному.

Но как?

Для начала я, конечно же, решил встретиться с пассией своего пациента, и с удивлением узнал, что она не только знает о чувствах к ней Шахова, но и готова ответить на них. И при этом я понял, что в свои двадцать лет девочка уже переспала как минимум с ротой. (Если не больше). Да и к тому же втельмяшила себе в голову, что ей, во что бы то ни стало, необходим брак с Шаховым.

Проблема осложнялась еще и тем, что подобное желание дочки разделял ее отец (отец ее, по-моему, был фетишист и скрытый гомик; а еще он был бизнесмен, владелец то ли мукомольного, то ли сахарного заводика; и активно снабжал дочку деньгами; которыми, видимо, ее и разбаловал).

Конечно же, никакого особого влияния родитель на девушку не имел. Но она знала, что он "за". И при случае готов ей помочь.

Да отец видимо и сам искал повода ей помочь. И предложил мне пять тысяч долларов, если я устрою брак дочери со скульптором Шаховым.

Я благородно отказался.

Он увеличил сумму в два раза.

Я пробурчал что-то о недопустимости подобного, о том, что брак молодых может быть не совсем счастливым, что необходимо еще раз все взвесить, что...

Гомик принес на подносе четыре пачки по пять тысяч долларов в каждой.

Я положил их в карман, и сказал, что он может ни о чем не волноваться, и заказывать банкет по поводу бракосочетания дочери.

.....

А через год - они развелись. И женился на ней уже я. Чтобы хоть как-то заглушить чувство вины. Ибо целый год мне казалось, что Шахова я подставил. А всего лишь через несколько месяцев своего брака понял, что подставил меня он.

.....

Я с ней, конечно же, развелся.

А она снова вышла замуж за Шахова. Но я теперь был спокоен. Ибо мне уже было все равно. Незадолго до этого я сошел с ума.

И уже не было у меня никакой частной практики.

И вообще, наверное, ничего не было.

Потому что я теперь жил в семье Шахова и моей бывшей - его бывшей и нынешней - жены. Но мне действительно стало все равно.

P. S. Видимо теперь чувство вины было у ее отца. И чтобы избавиться от него - он стал лечить меня.

И еще через какое-то время мое здоровье пошло на поправку. И я снова открыл частную практику. Но теперь принимал исключительно семейных пациентов. И решал проблемы только психо-сексологического характера. Но это уже были совсем другие истории.

Сергей Зелинский

22.04.06 год.

рассказ

Курортное происшествие

Барашки волн осторожно накатывали на берег. Я сидел на песке, и мне совсем не хотелось куда-то уходить. Хотя был уже вечер. Солнце только что скрылось за горизонтом. И по всему - мне все-таки пора было уходить.

"Хотя?.. Почему это пора"--подумал было я, но вопрос не получил подспудно ожидаемого продолжения, и вскоре я как-то быстро собрался, повесил на шею полотенце, и медленно поплелся в направлении пансионата.

.....

Вот уже неделю моего нахождения в небольшом курортном городке, я уходил, в тайне надеясь покинуть пляж последним. Но всегда обязательно оставалась какая-нибудь парочка, видимо только и ожидавшаяся, чтобы я ушел. Мне это не нравилось. Но наглядно выразить то, что я обо всем этом думал, считал неэтичным. И поэтому понуро брел, краем глаза выхватывая обворожительный ракурс тел полуобнаженных пляжных обольстительниц, понимая, что скоро они уже наденут вечернюю одежду, которая, впрочем, все равно оставит лазейки для пытливого мужского взгляда, разглядывавшего женские прелести.

При этом я вспоминал слова соседа по номеру, который искренне считал, что большинство из дам, находящихся на отдыхе, мечтают попасть в страстные мужские руки.

Я старался с ним и соглашаться или не соглашаться. Я просто ждал, когда он начнет реализовывать свою теорию в жизнь. Потому что пока он, на мой взгляд, предпринимал все что угодно, но только не то, что, как я считал, было нужно, чтобы понравится девушкам, приехавшим на юг с целью отдохнуть или достойно провести время, в душе может даже и мечтая познакомиться с принцем, который смог бы забрать их с собой, куда-нибудь в Москву, Петербург, или на бескрайние просторы Севера. А они бы тогда, например, могли родить ему наследницу нефтегазодобывающей компании или какого-нибудь прииска.

Но обычно до этого не доходило. И курортный роман на то и курортный, чтобы заканчиваться на курорте.

Хотя так мой товарищ, наверное, не считал.

Но так считал сейчас я. Точнее, отчего-то сейчас стал убеждать себя в этом, и чуть не врезался в "Мерседес", который остановился передо мной, и из него вышел... я.

--Черт побери,--невольно вырвалось у меня.

Но наваждение не проходило.

--Но ведь этого не может быть?--вероятно что-то подобное произнес я, потому что вдруг тот другой - принялся доказывать, что ничего странного не происходит. Да и вообще, все в порядке вещей.

--Да каким же образом...--не соглашался я, начиная выходить из себя.

Но видимо я другой смотрел на все иначе. Потому что он (я?) не только выслушал все мои предположения по этому поводу, но и весьма дружелюбно объяснил мне, в чем, на его взгляд, корень заблуждений. Притом что этих самых заблуждений

неожиданно набралось такое количество, что я почему-то сел в машину, и был согласен, чтобы он действительно меня куда-нибудь отвез.

Прождал я, наверное, минут двадцать. Но на водительское кресло никто не садился. У меня мелькнула идея, что все это действительно мне привиделось, а я просто перегрелся на солнце, и зачем-то сел в чужой "Мерседес". "И вполне возможно,--развивал я собственные рассуждения,--в скором времени придет хозяин машины и надо будет разбираться с ним".

"Притом что он может придти с охраной или с милицией",-- тут же дополнил я сам себя, и мне сделалось как-то редкостно нехорошо в душе.

Я уже собрался, было, выскочить из машины, как... мы тронулись. Причем за рулем по-прежнему никого не было. А автомобиль вполне определенно набирал ход.

--Черт-то что,-- хотело промелькнуть у меня в голове, но не успело. Я потерял сознание.

.....

Очнулся я в пансионате, в своем номере. На соседней кровати мирно посапывал сосед.

За окном была ночь. И я совсем ничего не понимал. И, разумеется, мне во что бы то ни стало требовалось узнать, что же со мной случилось за то время, о котором я ничего не помнил.

Я принялся будить товарища.

Он не отзывался. Я встал, включил свет, и собрался повторить попытку, но только тут заметил, что это вовсе был не мой товарищ, а был... я.

Я выругался. Потом еще и еще раз.

Я все еще не мог остановиться (в свое время я чуть было не защитил диссертацию на тему русского мата, и потому, когда это было допустимо, ругался отчаянно и изысканно), а другой я -- уже открыл глаза, сел на кровать, и видимо заслушался.

Я замолчал. А он попросил подолжать, и даже потянулся к блокноту (я всегда носил блокнот в боковом кармане пиджака), чтобы пометить что-то интересное для себя.

Видимо мои глаза расширились от удивления, потому что тот, которого я принял за себя - принял облик соседа. (В зеркале я увидел себя, но это ведь и действительно был я, мое отражение.)

--Объясни мне что происходит?--выдавил я из себя.

--Происходит - что?-- явно мало что понимая, пробурчал спросонья сосед. Причем голос его определенно был чем-то недоволен. А то может быть даже и сильно расстроен. А в лице стали просматриваться агрессивные черты, которых ранее я вроде как не замечал.

Он попросил объяснений.

Но что я мог ему сказать?

Рассказать те дурацкие предположения, которые переполняли меня? Или спросить у него какого-то совета?

Но я знал, что любой совет сосед способен был дать, даже до конца не выслушав вопрос. А случилось, вы его даже могли ни о чем не спрашивать, а он уже сам принимался вам что-то объяснять и доказывать.

Мне вдруг показалось, что голос у соседа был какой-то странный. И даже очень походил...

"На твой"?--продолжил за меня товарищ.

Я посмотрел на него с еще большим удивлением. Он смутился. Я какое-то время продолжал смотреть на него по-прежнему, потом опустил глаза, и готов был разрыдаться. Видимо сказалось эмоциональное напряжение. И я понимал, что у меня совсем нет плана, как стоит себя вести. И вообще реагировать на все, что может произойти. Да я и не знал - что может произойти.

Наступило молчание.

.....

Уже светало, а мы все еще не меняли первоначально принятых поз, и уставившись друг на друга, откровенно тянули время, в тайне надеясь, что это когда-нибудь закончится.

Не заканчивалось.

В наш номер стали заселяться новые жильцы. Почему-то их совсем не смущало наличие нас. И они даже (когда проходили мимо) каким-то удивительным образом огибали нас, словно боясь дотронуться. Хотя проход был достаточно узким.

Новыми жильцами стала та самая парочка, которую я заметил еще на пляже. Сейчас они видимо готовились заняться тем же, чем и занимались на песке, дождавшись, когда я уйду.

Но сейчас никого дожидаться они не стали. И девушка быстро стянула с себя футболку (рассыпав по телу значительно превышающие средний объем груди), и притянула за брючный ремень парня, который, не дожидаясь ее дальнейших движений, по-борцовски ловко развернул ее к себе спиной, слегка наклонил, и секунду-другую поманипулировав со своим органом любви -

осторожно ввел его между ягодиц, тут же накрывшихся воздушной мини-юбочкой.

Девушка застонала. В ответ на это парень увеличил скорость.

Неожиданно мой товарищ предложил мне помочь им. И только тут я поймал себя на мысли, что мы неотступно и с каким-то даже азартом наблюдаем за разыгрывавшейся на наших глазах сценой любви. И даже испытываем что-то наподобие сексуального возбуждения от увиденного порно-зрелища.

А потом я каким-то образом абстрагировался от происходящего. И пришел в себя, когда заметил что мой член (почти до основания) погружен в лежащую на спине и захлебывающуюся от счастья девушку. Она уже не могла как-то адекватно выражать свои эмоции. Учитывая еще и то обстоятельство, что ее рот был занят пенисом моего друга, который уже видимо давно готов был финишировать, но что-то его сдерживало. Может наслаждение тем искусством, которое она демонстрировала своим языком и губами. Или наблюдение за стоявшим неподалеку парнем (его мы видели в отражении зеркала), который занимался любовью с собой, наблюдая картину трахания своей подруги и с каждым нашим новым толчком принимаясь еще быстрее орудовать своей рукой, которая уже вместе с обхватываемым ей членом раскалились, и мне даже на миг представилось, что парень размахивает перед нами красным флагом, ну или флажком.

Видимо, все закончили одновременно. Но этого я как будто и не помню. Потому что сначала погас свет. А потом мне стало... совсем холодно. И я проснулся.

И заметил я, что уже глубокая ночь. А я, омываемый по пояс теплой водой (вода в бухте действительно была теплая) лежу на пляже, с которого уже давно все ушли. А я в первый раз за все время оказался на берегу последним. И теперь могу уйти.

Или не уйти. И попробовать вновь уснуть, чтобы досмотреть, чем все закончилось.

Но мне уже все было и так ясно. А потому, повесив полотенце на шею, я направился в пансионат, думая про себя, что теперь придется извиняться перед ночным сторожем. Ранее никогда так поздно я не возвращался.

Но вскоре об этом я уже не думал. Звездная ночь, теплый ветерок, и только что испытанное счастье как-то не позволяли думать о каких-то проблемах. Все было хорошо. И наметив на завтра подойти и познакомиться с парочкой на пляже (невольными участниками моего сновидения) я зашагал побыстрее. Надо было еще немного поспать. Хотя спать и не хотелось...

Сергей Зелинский

20 апреля 2006 год.

рассказ

Неприемлемость

Глядя на Якушева, сразу можно было подумать, что перед вами откровенная сволочь. И как бы не прятал этот человек своих глаз - в них читалось все. От презрения к миру - до ненависти к вам. К вам конкретно, и без каких-то иллюзий. Которые Якушев не любил. Их боялся. И старался по возможности жить в непонятном ему мире реальности. Без всяких там

абстракций и недоговоренностей. И неприемлемости любого рода лжи, провокаций, и сомнений. От которых, стоило им возникнуть, Павел Романович Якушев отрекся самым что ни на есть простым (как это виделось ему) образом: матом и хохотом. Сквернейшим (и литературно выдержанным - Якушев был филолог) матом и диким хохотом. Так что, услышав этот смех, принимались хохотать чашки, ложечки, блюдца. И даже занавески. Больше в квартире Якушева ничего не было. Была квартира. Были занавески (прикрывающие заколоченные фанерой когда-то им же выбитые стекла на окнах). И были чашечки, ложечки и блюдца. И даже тарелок не было. Как не было стола, стульев, секретера, комода и вообще какой-нибудь мебели. Которую Якушев порубил топором, вынес во двор, и сжег. (Чашечки, ложечки и блюдца ему вернули соседи, которые взяли их еще год-два назад, и теперь вернули. Видя что у Якушева совсем ничего нет.)

Павел Романович Якушев жил в коммунальной квартире. Многонаселенной. На десять семей. Пятнадцать комнат. А у Якушева было целых три комнаты. Две из которых он сдавал соседям (которые когда-то и попросили у него посуду), а в одной жил. Один. Потому что семьи у Якушева не только не было, но у него сразу начиналась не совсем адекватная реакция, стоило кому-нибудь заговорить о его семье. Реагировал Якушев на все - вообще неадекватно. Часто вот, например, крушил мебель. Мог даже наброситься на того, кто задал какой-то неподходящий вопрос. Притом что был вопрос "неподходящий" или нет - решал только Якушев. Хотя можно предположить, что и для него что-то было неожиданностью. Например, и такая вот его реакция. Из-за

которой Якушев все время терял работу (за тридцать восемь лет жизни он сменил столько работа, что уже и сам не помнил сколько их было). Из-за которой у него не было друзей (через совсем ничтожное время он уже видел в своем недавнем друге - достаточно подозрительного и странного субъекта. С которым надо было непременно расстаться). И наверное из-за этого же, Якушев не мог находиться с женщинами. Потому что, во-первых, у Якушева был весьма завышенный идеал женской красоты; а во вторых, Якушев считал, что всем женщинам надо от него только одного. А этого он невероятно боялся. Потому что стоило Якушеву (независимо от кого и про кого) услышать хоть слово про секс, как тотчас с Якушевым готов был случиться припадок. И уж точно, если бы он увидел вблизи себя женщину (да еще и обнаженную), то сошел бы с ума. Ну, или попытался бы сойти. (Хотя я по-прежнему уверен, что Якушев и так был сумасшедшим.)

Нет, конечно, я не могу сказать, что достаточно хорошо знал Петра Якушева. Хотя, что до него, то он-то как раз считал, что не только отлично знает меня, но и имеет представление обо всем, что я буду делать, о чем думать, и вообще, наверное, Якушев каким-то образом полагал, что знает обо всем, что произойдет в моей жизни. И не раз мне о том намекал. А я лишь загадочно улыбался. Не решаясь спросить, что же в ней в действительности произойдет. И не потому, что был мнительным или не верил Якушеву (и тем более не оттого, что считал его придурком). Как раз нет. Просто мне было неинтересно, что со мной дальше произойдет. Потому что я не верил, что кто-нибудь может об этом знать. Но даже если бы и верил, все равно бы никогда не спросил.

Потому что вообще не очень любил кого-то о чем-то спрашивать. Так как знал, что если начну задавать вопросы, то один начнет вытягивать другой. И мне покажется, что собеседник что-то скрывает. А я должен буду, значит, "раскусить" его.

Быть может я сам сумасшедший?

Но речь, слава Богу, не обо мне. А о Якушеве. Который уже достаточно пристально наблюдал за моими измышлениями. Стремясь, видимо, чем-то со мной поделиться.

И вот этого я больше всего и боялся. И старался, насколько будет возможность, избежать подобного разговора. Словно бы заранее видя в самом зарождении темы - какие-то патологические черты. Которые присутствовали, разумеется, у Якушева. И которые неким незримым образом проецировались на всех, кто его окружал. На меня, например.

Потому что я, к несчастью своему, был соседом Якушева по коммунальной квартире. Да еще как раз и я снял у него две комнаты. Одну для себя - другую для своей любовницы. Девочки-студентки. Которая только что вышла замуж за однокурсника. И готова была идти за своим любимым куда угодно. Даже в коммунальную квартиру. Даже в многонаселенную коммунальную квартиру. А мне не хотелось терять свою любовь. И я как дурак - вместо того, чтобы приглашать Люсю (имя ее мне, кстати, никогда не нравилось) в квартиру к себе (отдельную квартиру, где жил наедине со своими книгами с тех пор как нашел своей жене любовника), трахал Люсеньку в коммунальной комнате. Когда она забегала ко мне под каким-нибудь надуманным предлогом.

Честно сказать, моя жизнь меня устраивала не очень.

Я словно бы понимал, что близится она к какому-то логическому концу. И с каждым новым днем подспудно полагал, что как раз этот-то день и будет последним.

Но вот почти тотчас же думал я о Якушеве. Мне отчего-то хотелось спасти его. И даже, наверное, в каких-то своих фантазиях я и действительно его спасал.

Вот только жаль, что Якушев не принимал всерьез каких-то фантазий. Стремясь видеть жизнь в первую очередь такой, какая она есть. Какая она должна быть в его представлении. Ну и какой он, конечно же, видел ее. Причем, в чем-то переубедить его, было невозможно. Да и, как говорится, себе дороже. Ибо, при этом могли вы обрести такого злобного врага, что как только в моей голове проносились какие-нибудь мысли о Игоре Якушеве, меня тотчас же что-то отбрасывало назад. И я чувствовал, что как минимум на йоту становился глупее. Ну а состояние глупости я не переносил ни в каких вариантах.

И потому тотчас же уже забывал и о Якушеве, и, собственно, о "подготовленных" мной вопросах к нему.

И мне даже совсем не хотелось его видеть.

И тогда я убегал. И из коммунальной квартиры. И от Люси. И от Якушева. И даже от своей жены.

И шлялся несколько дней и ночей по каким-то полуресторанам—полупритонам. Вливая в себя бессчетное количество алкоголя и окружая себя девицами легкого и сомнительного поведения.

А потом возвращался. Достаточно неожиданно для всех.

Причем не только возвращался, но и обычно придумывал какую-нибудь "идею-фикс". Разумеется, заключающуюся в том: как мне спасти Якушева.

Но Якушев всякий раз забраковывал мой план. Потому что я всегда считал, что сначала обо всем должен рассказать ему.

А один раз я забыл об этом. И задуманный мной план сработал.

Вот только что было потом с Якушевым, я уже не знаю. Ибо Люся (главная участница этого плана) убедила Якушева вообще уехать из города. Потому что бросила она своего студента (экзгибициониста, между прочим), оставила, разумеется, меня; и женила на себе Якушева. И они уехали в деревню, откуда, собственно, эта Люся и была.

Но это уже было не по моему плану. Хотя и основную часть его удалась осуществить - Якушев стал мужчиной (Люся стала его первой женщиной). И у него наконец-то прошел страх перед женщинами.

Но как я узнал совсем недавно (мельком встретив в районе центре Якушева и успев обмолвиться с ним парой слов. Причем он меня не узнал. И мне пришлось выдать себя за врача, у которого он когда-то был на приеме - я действительно его когда-то водил к сексологу) страх Якушева прошел только перед одной женщиной - Люсей. Тогда как он других представительниц прекрасного пола он по-прежнему шараялся в сторону.

Но тут уже вполне могло быть делом рук и самой Люси. Которая всегда была до стервозности ревнива. И истерична. Хотя Якушеву эта черта в ней нравилась. И смотря вслед удаляющейся и беззлобно переругивающейся паре, я тешил себя только одним:

какая-то часть моего плана действительно удалась. Пусть и в несколько искаженном варианте.

Но зато у меня появилось время подумать о себе.

Потому что я наконец-то сбросил с себя эту непосильную ношу в образе Якушева. И стал свободен.

Р. С. Через год я узнал, что радоваться мне рано. Ибо Люся с Якушевым развелась. Отсудила у него две комнаты. Снова сошлась со студентом. И внушила Петру Романовичу, что во всем виноват я.

И уже несколько раз находил я в своем почтовом ящике письма, написанные рукой Якушева, с угрозами мне отмстить. Что я, конечно же, от него не ожидал. А потому сдал этого полудурка милиции. И окончательно успокоился, только когда Якушев получил год тюрьмы.

Ну, хотя бы год я мог быть спокоен. А что будет потом - старался не думать. Да и это, наверное, уже тема другого рассказа...

Сергей Зелинский

15 апреля 2006 год

рассказ

Полет

Алику Глобусову казалось, что мир вокруг все время пребывает в каком-то полете.

Быть может так было от того, что Алик десять лет проработал бортпроводником на воздушном судне. Или, можно предположить, было неким отзвуком нереализованного желания

Алика стать пилотом сначала космического корабля, а потом уже "хотя бы" самолета. Но его не взяли ни туда, ни туда. И тогда Алик решил стать борпроводником.

Но уже прошло десять лет, с тех пор как Алик не поднимался в небо. Столь длинный срок совсем не чувствовался. Ведь Алик до сих пор еще летал. Во сне. Почти в каждом сне.

А еще Алик (почти в этом же сне) прыгал с парашюта. Неудачно. Потому что приземлялся каждый раз в отхожую яму. Вырытую прямо среди поля. И сколько бы Алик не дергал за стропила, сколько бы не угадывал направление ветра и прочие премудрости - успеха это не приносило. Алик падал аккурат в нечистоты. Погружаясь почти с головой. После чего долго отмывался. Но так до конца у него никогда и не получалось. И повсюду Алика (с момента первых сновидений на соответствующую тему) преследовал этот ужасный запах. Запах нечистот. От которого, как оказалось, совсем невозможно было избавиться.

.....

Несмотря на то, что с момента "последнего прыжка" минуло несколько лет (и сон на удивление не повторился), Алик до сих пор находился в плену этой ужасной навязчивой идеи по поводу преследующего его запаха. И до нескольких десятков раз на день Алик принимал душ, в надежде хоть как-то успокоить свои нервы. Причем, "успокоение" хватало совсем на незначительное время. После чего - все начиналось вновь.

Хотя, если бы только это.

Например, Алику всюду казалось, что его преследуют. Причем уже не какой-то там абстрактный запах, а, вполне даже, как ему казалось, реальное лицо. Он всюду видел это лицо. Лицо врага. Хотя и до сих пор еще ему не удавалось как-то четко его разглядеть. Черты были размыты. А потому на самом деле Алик еще мучился и от того, что не знал, как выглядит это лицо. Он только знал, что оно повсюду за ним наблюдает. И как-то спрятаться от него, в общем-то, было невозможно.

Ну, или почти невозможно. И Алику, конечно же, удавалось иной раз обманывать этого всемогущего демона. Насколько, конечно, это на самом деле у него получалось в реальности. Потому что помимо сновидений и воображения, с недавних пор это лицо стало его преследовать и в реальной жизни. Хотя Алику и казалось, что на самом деле в реальности этого лица не было. И даже, быть может, не существовало.

И тогда он мог заключить, что все это (да и многое другое) было плодом воображения.

Результатом воспаленного невротами, страхами, и прочими девиациями - воображения одного моего приятеля, настоящую имя и фамилию которого я слегка, по его просьбе, изменил. И тогда он стал Аликом Глобусовым. А у меня если и была какая-то надежда, что состояние его изменится (хотя бы наступит улучшение за время моего написания, или хотя бы опубликования этого рассказа), то вскоре от любой надежды я вынужден был отказаться. Тем более, что пока писал, у Алика случилось очередное обострение (теперь оно могло быть приурочено, например, к весне). И он мне показался совсем психически ненормальным человеком. Которого легче было

пристрелить, чем вылечить. А тем более следовать его бредовым идеям, стремясь хоть как-то заглушить их, успокоив душу Алика.

Успокоить Алика было невозможно.

Так считал я. Но вскоре убедился что ошибался. Врачи выписали Алику такую дозу лекарства, от которого тот вдруг стал казаться вполне адекватным человеком. Внешне. И только мне он поведал, что ему стало еще сильнее хотеться в полет.

.....

И вскоре Алика совсем стало невозможно удержать или отговорить от подобных мыслей-мечтаний. Тем более что они все больше становились похожими на реальность. На суровую правду. Потому как Алик Глобусов действительно стал готовиться к полету. Причем, начинал готовиться, стоило ему только проснуться. И даже когда он спал, это было по его словам никакой не сон, а самая что ни на есть подготовка к этому самому полету. Чертову полету, --как в сердцах не раз говорил ему я. Но разве Алик когда-нибудь слушал?

.....

А как-то я узнал, что полет состоялся.

Ну, как он проходил, я, конечно же, не знал. Да и, наверное, уже никогда не узнаю. Потому что Алик... не приземлился. А если ему и действительно удалось улететь (например, на другую планету; в это мне верилось с трудом, но один наш общий знакомый клятвенно заверял меня, что это очень даже возможно; знакомый, впрочем, был постоянный пациент психоневрологического диспансера), то по детско-юношескому

фантастическому чтиву каждый знает, что время на планете земля и другой планете отличается. И наша жизнь - там иногда лишь миг,--вспоминал я слова Алика, бережно храня в своей памяти все, о чем он мне когда-то рассказывал.

И только через год я снова увидел Алика. И оказалось, что на самом деле он никуда не уезжал. Не успел. Весь год проведя на лечении в психиатрической клинике. И как будто даже излечился.

Но вот после своего излечения Алик стал совсем другим человеком.

Впрочем, и я, к тому времени уже закончил свою очередную монографию о расстройствах психики индивидов. И люди, подобные Алику, хоть на какое-то время стали мне неинтересны.

А совсем недавно (с момента последних событий прошло уже несколько лет) я совсем случайно нос к носу столкнулся с Аликом Глобусовым. И он заговорщески шепнул мне, что ожидается новый полет. И улыбнувшись, сказал, что подготовил место и для меня.

--Мы полетим вместе,--радостно произнес Алик, всем своим видом давая понять, что ни какие возражения не принимаются.

А я... а я понял, что все лишь только начинается...

Сергей Зелинский

19 апреля 2007 год.

рассказ

Разминка

Он почти не задумывался, почему так происходило с ним.

Можно даже сказать, что свыкся. Ну, привык, то есть. И все происходящее воспринималось им, словно бы так бы и должно. Почти без каких-либо сомнений. Или желания что-либо исправить. И при этом, Рогов, конечно же, где-то в глубине души, понимал, что ничего даже похожего на то, что было сейчас, быть не должно. И надеялся, что когда-нибудь все может измениться. Должно измениться. Наверняка изменится.

.....

Арсен родился...

Своего рождения он не помнил. Так же как никогда не знал собственных родителей. Ему говорили, что они были. И даже вроде как лет до пяти он воспитывался с ними. Об этом тоже ему говорили. Сам же он ничего не помнил. Совсем ничего. Ничего не помнил из своего детства. Юность и молодость тоже ведь наверняка были. Но как-то прошли стороной. И даже взрослая жизнь... Что было в его взрослой жизни? Была ли работа? Предшествовала ли ей учеба? Любила ли его когда-то девушка? Была ли у него жена? Есть ли у него дети?..

Он ничего не помнил.

.....

Его нашли на перегоне поездов. В Подмосковье. Небритого, осунувшегося, и совсем ничего не помнящего.

На вид ему было 50-55. Маленького роста. С живым, умным взглядом. И каким-то недоуменным взглядом. Он и действительно ничего не понимал.

Как не понимали и сотрудники милиции, которым сообщили проходчики, заметившие прикованного наручниками к рельсам мужчину. Мужчина находился в полубессознательном состоянии. И совсем ничего не мог объяснить.

А сотрудники милиции действительно ничего не понимали. Ведь он не проходил ни по одной базе данных. При нем не было документов. И его как вроде бы никто не искал.

.....

Я действительно ничего не помнил... Иногда в моей голове случаются какие-то просветы. И словно бы какие-то эпизоды жизни появляются передо мной. Но я совсем не помню, чтобы они когда-нибудь происходили в реальности. И даже неуверен, случались ли они со мной. Или же были когда-нибудь увидены в каком-то кинофильме.

Именно предположение, что он все это видел в кино, и натолкнули его на мысль, что его работа как-то была связана с кинематографом.

Но мало ли работ так или иначе связаны с кинематографом. От оператора киноленты до киноcritика, оценивавшего эти самые ленты. И получалось, что между даже этими двумя профессиями целая жизнь. Что говорило о том, что подобное его воспоминание ничего не значит. И что вполне возможно - это даже никакое и не воспоминание. А, скажем, полет фантазии.

Ну, ведь вполне могло быть и так.

.....

Впрочем, как это было на самом деле, Арсен не знал. И даже не предполагал. А как бы старался делать свою работу. Хотя

в чем заключалась эта работа, он тоже не знал тоже. Вернее - он не понимал, каким образом делает ее. И зачем? Зачем делает...

А работа заключалась в том, что Арсен угонял рейсовые автобусы.

Подлавливал водителей, которые выскакивали на станциях отметить проездной талон, садился на временно освободившееся водительское кресло, и уезжал.

Через полчаса он сообщал пассажирам, что автобус сломался. Просил всех покинуть салон. И ехал дальше (оставляя позади разгневанных пассажиров с угрозами разобраться, и предположениями, что его снимут с должности). Но ведь никакой должности у него не было.

Он проезжал еще четверть часа, и бросал автобус, предварительно загоняя тот в кювет. А сам возвращался обратно. Пешком. Словно бы намеренным страданием - искупая вину за совершенное.

.....

Почему он делал это - Арсений не помнил.

Арсений Владиславович Рогов вообще ничего не помнил. И не понимал. Ничего. Лишь уже несколько недель с трудом отгонял от себя предположения, что во всем этом скрыт некий сакральный смысл. Но дальше ничего узнать не пытался. И вообще, если разобраться, был Рогов каким-то странным. А мне так и вовсе не нравился. Хотя и вынужден был я покупать эти автобусы. Уговорив его не оставлять их на обочине - а продавать мне. А я в свою очередь, возвращал их владельцу (если автобусы были государственными). Или взрывал (вставляя шнур от детонатора в бензобак), если те оказывались частными. И не от

того, что я так боролся с частной собственности. Хотя быть может и это тоже.

.....

Рогов сел в автобус. Инстинктивно убедился в мягкости его. Повернул ключ зажигания, включил передачу, и тронулся.

Когда автобус с пассажирами уже набрал скорость, выскочивший от диспетчера водитель недоуменно проводил его глазами и усмехнулся. Водитель был подставной. А пассажиры - сотрудники милиции. Которые решили таким образом пошутить. То есть, и прокатиться, и поставить галочку в раскрытии серии нашумевших преступлений.

Но не учли они, что Рогов не любил, когда что-то шло не по его плану. А потому, как только ему приказали остановиться, и, собственно, раскрыли все карты, он не задумываясь привел в действие детонатор, и автобус взлетел на воздух со всеми, кто в нем находился.

.....

А через год кто-то вновь стал угонять автобусы. Причем, уже без пассажиров.

Ночью. Из автобусного парка. А под утро возвращал. Оставляя около ворот, словно насмехаясь над всеми теми, кто пытался настичь вора. И такое продолжалось полгода. А потом прекратилось. Так же внезапно, как и началось.

И я сначала пытался как-то связать в цепь все эти события. Но потом почему-то оставил это занятие. Взяв вообще другую тему. И уже прорабатывал новый сценарий.

Потому что все это, конечно же, если и было странно, то только потому, что вымышлено. А я тогда учился в институте

кинематографии. И все происходящие события были моими курсовыми проектами. Которые самому мне, если честно, не очень-то и нравились.

А вот уже в качестве диплома я должен был снять полнометражный фильм. И в связи с этим вполне волен был рассматривать все, что было доселе, как разминку.

Настоящая игра должна была начаться после...

Сергей Зелинский

24.04.06 год.

Рассказ

Связь

Это была откровенно эротическая связь. Даже может быть порнографическая.

Ибо предавались мы сексу в самых ярчайших его проявлениях. Без каких-либо норм и запретов. И при этом, я даже затрудняюсь сказать: кто был инициатором подобного.

Нет, конечно же, я мог бы с полным правом тешить себя - что это был я.

Но ведь где-то в подсознании я понимал, что так это не было. И на самом деле тон задавала Эльвира. Которая была старше меня почти на восемнадцать лет. И в то время, когда мне было двадцать, ей уже тридцать восемь. Почти наиболее благоприятный возраст для женщин (ну, если не считать лет сорока пяти. Когда женщина находится на излете сексуальных безумств). Ну и, разумеется, вполне благоприятный для двадцатилетнего мальчика, очень хотевшего почувствовать себя "настоящим мужчиной".

Подобную возможность Эльвира как раз и давала.

Это была роскошная женщина, блондинка, с пышными формами, и стремлением к безудержному сексу. Эльвира достаточно быстро меня научила всему, что знала сама, и что знать, по ее мнению, должен был я. И могу предположить, что эта женщина вполне испытывала наслаждение от близости со мной. Близости, которую сама же и провоцировала. А я, получается, поддавался ее влиянию.

Так полагали те, кто знали нас. И кто рассматривали нашу связь как нечто неестественное. Неправильное. То, чего не должно быть. При этом на наше мнение - такие люди внимания, конечно же, не обращали. А мы, словно назло им, предавались такому откровенному (и извращенному, конечно же, извращенному) сексу, что если бы кто из этих доброхотов хоть краем глаза взглянул на наше сексуальное безумие, наверняка бы... Ну, кончил бы, как минимум. В наслаждении от увиденного. Ибо что-то, а преподнести себя Эльвира умела. Умело играя с моим набухшим от желания членом и давая проникать ему в те места, о которых в двадцать лет как-то до неприличности мечтаешь.

Самое удивительное было то, что Эльвира жила в нашем загородном доме. Мой папа ее выписал как будто специально как раз для этих целей. Папа вообще считал, что я не должен ни в чем нуждаться. И помимо машины, телохранителей и ежемесячной достаточно внушительной суммы на "карманные расходы" -- предоставил в мое пользование еще и Эльвиру. Действительно выписав ее из России (несколько лет назад мы эмигрировали в Вену), из какого-то супердорогого и суперэлитного борделя.

Ну а мне плевать было на то, что Эльвира отдавалась мне за деньги. Ведь деньги на то и существовали, чтобы на них что-то покупать.

Ну а на большие деньги, разумеется, можно было купить многое.

Я не хочу, чтобы кто-то считал, что я жил таким уж бездельником. На самом деле я занимался музыкой. И наверное достаточно успешно. Раз мог давать папе деньги,-- чтобы он покупал все необходимое. А остальное отдавал мне. Как бы "на жизнь". Ну или на те же "карманные расходы". Папа был моим директором. Который организовывал концерты и проч.

Но вот думаю я сейчас, что вполне может быть так, что связь с Эльвирой и не совсем было то, что мне было так-то уж необходимо. Ибо иногда - за сексом с ней - я забывал совершенно обо всем. О творчестве, прежде всего. И думал лишь о том, как между нами в следующий раз случиться "это". И какую позу на этот раз придумает Эльвира, чтобы мне отдаться.

А вот о чем думал папа - я не знал. Да и до того ли мне было, когда была у меня такая женщина. Такая роскошная женщина. И это, наверное, многого стоило. А быть может и всего. Ибо Эльвира на самом деле и писала вместо меня музыку. А я выдавал ее за свою. Играя на фортепьянных концертах по нотам, написанным Эльвирой. Но об этом никто не знал. А Эльвира хранила молчание. Скрывала, уже получается, правду.

Ну а если быть и действительно откровенным, никакой Эльвиры в действительности не было. А была надувная кукла. Которую я сам же и купил в секс-шопе. И которую назвал Эльвирой. И видимо настолько проникся ей, что и навывдумывал

многое из того, о чем тут (да и не только тут) рассказал. И, признаться, у меня давно уже не получается отличить правду от моих фантазий.

И в таком иллюзорном мире я живу уже давно. И совсем не знаю, что будет дальше.

Сергей Зелинский.

14 апреля 2006 год.

рассказ

Вероломность

Для Ивана Граниткина все женщины были на одно лицо. В том плане, что он любил всех женщин как бы сразу. И какую-либо одну из них он даже не рассматривал. Не успевал. Потому что встречался с женщинами только ночью. На год вперед заплатив агентству, поставлявшему публичных девок. Которые любили его. Должны были любить. Причем, любить, конечно, со всей неистовостью страсти, на которую были способны. Точнее, за которую было заплачено. Заранее. Чтобы не искать каждый раз нужную сотню баксов, чтобы расплатиться с очередной жрицей любви. Которую, наверное, любил. Какую-нибудь одну из них. В отдельности. Но ненавидел в целом. Как некую категорию представительниц продажной любви. Блядской, если уж говорить откровенно.

Но уже с другой стороны, эти самые бляди давали ему возможность наслаждения собственной жизнью. Создавали настроение. И ощущение, что жизнь удалась. Именно так Иван Гранаткин думал, когда находился в состоянии легкого опьянения. И удовольствия от только состоявшейся связи. Половой связи. К

которой Иван как-то по своему тянулся. Хотя и от чего-то боялся признаться в этом. Словно бы, только что произошедшее было не с ним. А с вами, например. А он как будто за всем этим посмотрел со стороны. И заранее порадовался. За вас. За вас, потому что "за себя" Гранаткин радоваться не любил; считая это чем-то навряде ненормальности. И даже, наверное, не мог этого себе позволить. Полагая, что радоваться за себя, уж совсем свинство. А за других - вроде как и нормально. Ну, по крайней мере, не выходило из рамок приличия. Некой, нормальности, опять же. Потому что, к тому, что касалось рамок нормальности-ненормальности --Иван Гранаткин относился очень даже серьезно. Словно бы заранее опасаясь, что кто-нибудь сможет его посчитать ненормальным. И опасаясь этого, стремился, чтобы так никогда не произошло. Не случилось.

Потому что случится, по его мнению, просто было не должно. Ибо тогда бы начался уж откровенный бред. Со всей его жизнью. На которой можно было бы ставить крест. Ну, так он отчего-то считал. А отчего?-- понять было практически невозможно. Разве что попытаться сделать какие-то предположения, и совсем уж необоснованные выводы. Но здесь же стоило заметить, что на различного рода предположения Иван Гранаткин был мастер. Да может статья, больше всего он и любил-то как раз, делать какие-то предположения.

А трахать проституток он не любил. Считая подобного рода женщин,-- неким приложением к своей квартиры. К постели, прежде всего.

И уже выходило так, что на этой самой постели через ночь - должна была ночевать новая девушка. Блядь, проститутка.

С которой можно было и не спать, в общем-то. Ну, уж если все равно заплачено, то почему бы не поделаться с ней некие нехитрые манипуляции, направленные на получение сексуального удовлетворения. Притом что сами эти девушки, как искренне полагал Гранаткин, хотели того же. ("А как было на самом деле - и черт его знает",--подумал как-то Гранаткин. Некоторые действительно "заводились" от подобного рода любви и вседозволенности. А кто-то воспринимал подобное исключительно как игру. Волей случая подключая к этой игре и Гранаткина.)

.....

Проходило время. Иван Гранаткин следовал единожды намеченном у курсу. Достигая, зачастую известной лишь только ему, цели. И совсем как будто не задумываясь, к чему подобного рода любовь может привести.

И стоило ему только однажды подумать о чем-то таком (совсем о другом, чем думал доселе),-- как мир, который окружал Ивана Гранаткина, перевернулся.

И он моментально разуверился во всем, что его окружало. И в первую очередь -- в женщинах.

И все это произошло лишь оттого, что Гранаткину как-то в голову пришла уж совершенная глупость. И поначалу он, было, даже сумел избавиться от нее.

А потом появилась еще одна (совсем уж навязчивая) мысль. И он подумал, что тогда все это может быть правдой. И после этого, уже если и пытался избавиться от своей навязчивости, то ничего у него не получалось. Но и допускать, чтобы эта мысль

существовала в нем, он тоже не мог. Искренне подозревая, что ничего хорошего она ему не принесет. Но...

Но как бы он не пытался избавиться от своих пагубных мыслей, у него ничего не выходило. И он вновь и вновь задумывался над тем, почему должен платить за свою любовь деньги? И эта мысль на самом деле была значительно глубже, чем казалась на первый взгляд. Ибо говорила о том, что Гранаткин, на самом деле, больше ни на что не способен. Что иначе как не за деньги, - никакая девушка его любить не будет. И тем более спать с ним. Да еще в таких позах, которые он больше всего любил (и к которым по-своему тяготел).

Да и вообще, у всех этих мыслей - следствие-то было одно. Что он, Иван Гранаткин, и не человек вовсе. А так. Маленький кусочек какого-то дерьма.

И с этим Гранаткин уже и вовсе не мог смириться. И готов был утопиться. Но уж это-то, насколько я знал (хотя и с недавних пор потерял с Гранаткиным какую бы то ни было связь) он не сделал. И, должно быть, жил и до сих пор.

Но знаю я, что с тех самых пор, как минимум одна мысль уже никогда не отпускала Ивана Гранаткина. И была эта мысль -- о вероломстве женщин. Вероломстве и коварстве. А я... я даже не стал его разубеждать. Потому что в какой-то мере это было действительно так. Ну, по крайней мере, уж в случае с Гранаткиным, точно. Факт, как говорится.

Сергей Зелинский.

15 апреля 2006 года.

рассказ

Гарем, или многоженство

1

Я устал. Я трахал ее всю ночь. Я устал.

Я понимал, что устал скорее от того, что мне она не нравилась. Совсем. Но при этом подозревал, что обманываю себя. Она не нравилась мне внешне. Когда мы начинали трахаться, все исчезало. У меня и раньше-то не было неуверенности, но теперь из моего бессознательного вышла моя вторая сущность. И честно говоря, иной раз становилось страшно от тех гнусных сексуальных фантазий, которые я реализовывал с этой женщиной.

Алене было сорок. Внешне она выглядела на тридцать пять. Ей давали тридцать. Кто-то совсем уж по-пьяни путал ее со студенткой. Молоденькой студенткой 20-25 лет. Но ей было сорок. И она не скрывала свой возраст.

Алена была выше среднего роста, худенькая, с высокой упругой грудью, в меру развитыми бедрами, и не в меру развитыми ягодицами. Глядя на эти ягодицы, до них хотелось поскорее дотронуться. А еще больше хотелось развести их и ввести между них член. Который у меня стоял всегда, пока она находилась рядом. Я даже боялся на нее лишний раз смотреть. Но мое воображение словно без моей воли рисовало уже то сладострастие, в которое я мог окунуться. И я не выдерживал. А Алене, казалось, только этого и было нужно. Она вообще любила секс, можно сказать.

Моей жене было двадцать семь лет. Маленькая ебливая брюнетка. Очень любившая виноград, шоколад, шампанское и куннилингус.

Я даже не знал что больше. Видимо лучше, когда все и сразу. Жену звали Виктория. Алена была ее институтской подругой (обе учились заочно). Вместе они когда-то давали закадрить себя парням, и после отдавались им. Об этом мне рассказала Алена. Об этом я знал и от жены. Виктория, когда мы с ней только познакомились, отчего-то слишком многое мне о себе рассказала. С пьяну. Пила она много. Все больше водку и коньяк. Потом перестала. Перешла на вино, что в ее понимании уже было равносильно тому, что и не пить вовсе.

Алена с Викторией были не только подругами, но они были лучшими подругами. Когда Виктории исполнилось двадцать, она уехала из своего родного Зареченска в Санкт-Петербург. Я с ней познакомился в ночном клубе. Вернее, не просто познакомился, а считал что снял ее.

В итоге задержалась она у меня почти на восемь лет. Через семь лет нашего срока приехала Алена. С ней я переспал уже в день приезда. Жили мы в большом частном доме в пригороде Санкт-Петербурга. Дом купил я.

Когда я спускался со ступенек второго этажа, на лестнице (была ночь и темно; я шел покурить на улицу) меня поджидала Алена. И почти сразу стала делать мне минет. Я удивился. На втором этаже спала жена. На первом мы разместили Алену. Видимо Алене не спалось. Хотя и я, если честно, особо не вдавался в подробности. Я позволил Алене высвободить мой пенис из-под пижамных штанин и вставить себе в рот. Сосала она изумительно. По крайней мере, кончил я почти сразу. Не привлекая особого внимания и практически без шума. Это было начало. После этого я стал регулярно заниматься любовью с

подругой своей жены. Другими словами, трахал ее там, где ловил. И мне и ей подобное нравилось. Ей даже больше. В свои сорок она была законченная блядь. Но уверенно косила под девственницу. По крайней мере, моя жена не раз удивлялась, мол, как изменилась ее подруга. Совсем не спит с мужчинами.

Алена сказала ей, что у нее исчезло либидо. Бесповоротно и в одночасье. Из вежливости я не позволил себе даже улыбнуться. А моя дура поверила и промолчала.

Алена мне понравилась сразу. Только я постарался не поддать вида. Если хотите получить удовольствие от секса с подругами жены, лучше выказывать легкое недовольство в отношении их вашей супруге. Лучше даже все обставить - для большей надежности - как мысли вслух. Подсознательно женщины сравнивают себя с другими женщинами. Если сравнение в их понимании будет не в их пользу, они могут настроиться. И более внимательно следить за вами. Лучше, чтобы этого не происходило.

Что было до меня, то мне вообще всегда претил любой контроль. Я был свободным человеком и таким хотел оставаться.

В один из дней Алена с Викторией разругались в хлам. Я вмешался и помирил их. Да так, что в ту же ночь переспал с обоими. В том плане, что они настолько помирились, что уже не хотели расставаться.

С тех пор Алена решила остаться у нас (до этого вроде как приехала то ли в гости, то ли ей негде было остановиться, в детали я не вдавался). Виктория такому событию обрадовалась. Я тоже. В моей судьбе приоткрывалась новая дверь. И мне было интересно, куда она приведет.

Пока эта дверь вела только в постель. В обычной жизни Алена была женщина неинтересная. Из нее иногда высвечивалось нахальство. Случалось, у нее начиналась истерика. Истеричных баб я не любил, и по возможности старался от них отдаляться. Ну, или - может ради эксперимента, или просто приходило такое желание - успокаивал их сексом.

На удивление, секс они любили, и отдавались с пылом настоящей страсти. Притом что раньше этой страсти я мог в них особо и не замечать. А теперь как прорвало.

Если же истерика начиналась вновь,-- я бежал сломя голову. Намереваясь непременно скрыться, пока все успокоится. Врача не вызывал. Кратковременное затемнение разума еще не болезнь. Но если бы вдруг такая дама что-нибудь сделала, ей могли дать скидку, ссылаясь на совершенное в состоянии аффекта. Поэтому спокойнее было просто прервать контакт. Хотя бы на время. А позже можно было сослаться на якобы срочно возникшие неотложные дела. Ну или придумать что-то еще. Тем более что если женщина успокаивалась, объяснений как правило она уже не требовала. Сама радуясь, что временно закончилась ее психопатия. И какое-то время (до нового приступа) она можем пожить спокойно.

Сейчас бежать было некуда. Это был мой дом, другого у меня не было, и убежать из него равносильно тому, чтобы стать бомжом. Потому что денег на новый дом (что предполагалось как следствие бегства) у меня пока не было. Снимать квартиру я не хотел. Деньги с продаж книг я переводил за границу. Когда-нибудь надеялся перебраться туда. Если не жить, то хотя бы

пребывать большую часть жизни. Ну, или меньшую. Как получится.

.....

С какого-то времени к двум моим женщинам прибавилась третья. Дочь одной из моих предыдущих жен, приходившаяся когда-то мне падчерицей.

Девочка повзрослела и призналась в любви. С ее мамой я давно уже расстался. Но когда увидел Карину, невольно погрузился в воспоминания о молодости. Тогда я познакомился с молодой очаровательной девушкой с ребенком. Девушку звали Маргарита. Ребенка - Карина. Недавно Карине исполнилось восемнадцать лет. Она захотела жить со мной. Я признался, что у меня уже есть жена. Даже две. Карина видимо не поняла, потому что, поблагодарив за полученную информацию, на следующий день снова позвонила. И сказала, что хочет придти. Вечером. И остаться на ночь. Мне было неудобно и перед ней и перед моими женами. Гаремы в России были запрещены. И к тому же я не знал, как отреагирует Виктория. Мне почему-то казалось, что и на наличие в моей жизни Алены у нее была некоторая тревога. Пусть внешне она старалась этого не показывать. А что будет теперь?

На удивление Вика отреагировала очень даже великолепно; и если бы не Алена, которая мне обо всем рассказала, я бы подумал, что на меня начинает наслаиваться иная реальность. Но на самом деле объяснилось все просто. Вика знала о существовании Карины. И не только знала, но и уже почти год встречалась с ней. Тайно от меня. И они занимались любовью.

Я понял, что не только с ее согласия, но и быть может по ее просьбе, Карина разыскала меня. И призналась в любви. И захотела жить со мной. В том числе и половой жизнью.

Я согласился. Моя постель могла вместить десятерых. Сейчас на ней спали только четверо. Я и три моих жены. К тому же любое подобное согласие исходило из весьма простых соображений. Спать с разными девушками легально, в том плане, чтобы они все знали о существовании друг друга, было гораздо лучше, чем прятаться и скрывать наличие половых подруг. К тому же я отчего-то подозревал, что будут еще девушки в моем доме. Ну а почему нет? Непременно будут и даже должны быть. Правда если будут, мне придется забросить свою работу и только трахаться. Но потом я подумал и понял, что работа сексу не помеха. Даже в том многостаночном варианте, который предусматривался со мной. К тому же работал я дома. У меня был кабинет, где я писал. Обычно по ночам. Часов до двух-трех я занимался любовью, потом уходил к себе, в кабинет, несколько опровергая фрейдовскую теорию о сублимации, потому что в последнее время, чтобы я мог что-нибудь написать, мне непременно требовалось вступить в половой контакт. Если же этого не происходило - писать было затруднительно.

Итак, я уходил в кабинет, и работал до утра. После чего спал. А проснувшись, развлекал своих женщин. Мы устраивали экскурсии. По магазинам. А кушали в ресторанах. Каждой своей женщине я выдавал в день определенное количество денег, и каждый месяц еще столько же, сколько за день, помноженное на тридцать. Я не был жаден. В некотором роде я, конечно, любил расчеты. Но и старался, чтобы проживающие со мной дамы ни в

чем не нуждались. К тому же я оплачивал любые их покупки. А покупали они много, и в большинстве случаев всякой ерунды. Природа наградила их различными качествами. Но все эти качества в основном простирались в области секса. В остальном они были не только не практичны, но и можно сказать абсолютные дуры. А я, получалось, дурак, что потакал их слабостям.

Тем не менее, словно бы довершение всего, я купил им по машине. Мне не хотелось, чтобы кто-то из них чувствовал себя ущербно. К тому же я был бы не против, если бы нашли они себе любовников. И я рассудил, что с машиной это будет сделать несколько проще. При этом постарался значительно увеличить их денежное пособие. И с недавних пор выдавал много и сразу.

Вскоре я не пожалел об этом. Мои акции, вложенные в ряд компаний, совсем неожиданно поползли вверх. А когда-то открытый небольшой бизнес (который я полностью отдал на откуп управляющему) стал вдруг приносить реальный доход. Ну, или может, перестал воровать управляющий.

А еще через время, со мной стали жить еще две девушки. Обоим было по двадцать пять лет. Студентки. Необычайно красивые и сексуальные. Я им оплачивал учебу, они со мной спали. Их привела Алена. А Карина собиралась, было, привести парня, да я сразу подобное желание пресек. И прежде всего потому, что всегда полагал, что должна быть дисциплина. И в женской армии мужчины были ни к чему. Все должны были подчиняться мне. А я за это платил им своим пониманием. Поэтому и каких-то проблем до сего времени не наблюдалось.

И Карина все поняла. И парню отказала (оказывается, в мой гарем просился он).

.....

Возможность появления в моем доме мужчины выявило проблему. Я вдруг задумался о том, что у моих женщин действительно кто-то мог появиться на стороне. Получается, даже желая этого, я все-таки привык, чтобы у них был только я. Всего у меня было несколько браков. До последнего, каждый брак был с одной женщиной. Ни от одного из браков не было детей. И только сейчас я почувствовал настоящее удовлетворение от наличия в моей жизни женщины. Точнее -- многих женщин. Потому что от каждой своей нынешней женщины я ожидал детей. Они все оказались беременны. Все пятеро. Причем "УЗИ" показало, что Виктория должна была родить двойню. Я готовился стать отцом сразу шестерых детей. И уже даже придумал имена. Жизнь намечалась стать весьма интересной.

2

Мои женщины были чем-то схожи. Алена была покладистая. Виктория всегда признавала мужскую гегемонию. Карина беспрекословно подчинялась мне. Две Ольги... Первая, высокая, худая, с колючим взглядом и мальчишеским лицом - была достаточно своенравная особа, уверенная в себе и привыкшая все, что попадало в ее поле зрения, подвергать сомнению. Другая Ольга - среднего роста, с большой грудью, такими же большими попой и бедрами (хотя при этом она на удивление не казалась толстой) скорее подыгрывала, чем действительно кому-то подчинялась. Ну, может, конечно, подчинялась, но не беспрекословно.

Всех пятерых роднила одна занимательная деталь: они млели от моего пениса.

То есть уже получалось, мой пенис выступал в роли волшебной палочки. И он действительно имел над ними необычайную силу. А так как вставал он при первой же необходимости, я чувствовал себя в роли шаха. Или шейха. Что уж точно, в моем случае было одно и то же.

А еще мне нравилось мирить моих женщин. Они ведь часто скандалили, сучки. Как и в любом браке (несмотря на неофициальное сожительство, наши отношения я считал браком) между влюбленными периодически возникают ссоры. Ну а у нас, со мной никто из дам не ругался. Они ругались между собой.

Мне доставляло удовольствие заранее находить причины подобных конфликтов. Я усмирять кого лаской, кого и словом. Причем, мои женщины, всегда и во всем соглашались со мной. И даже не деньги или постель было главным. Они меня уважали и любили. А я по-своему любил каждую из них. А если бы их было даже вдвое больше - тоже бы любил. И на порядок было бы больше - все равно любил. У меня было много, может слишком много любви. К тому же любовь помогала мне писать. Чем я больше тратил, тем больше мне возвращалось.

.....

Я знал, что когда-нибудь кто-то из моих женщин от меня уйдет. Я каждой предоставлял свободу быть собой. Мне не хотелось никого из них сковывать ограничениями. И я вполне подозревал, что наступит момент, когда девушкам захочется большего. Я не следил за ними. Каждую из них сопровождал телохранитель. Телохранителей предоставил мой товарищ,

Валерий, бывший майор войск специального назначения, который теперь заведовал охранным предприятием. Он сам вызвался прикрепить ко мне охрану. Я сказал, что пока защищу себя сам, а вот девушкам попросил организовать сопровождение, да и то, только после того как они забеременели.

Был у меня и знакомый психолог. Его задача была работа с подсознанием каждой из моих девушек. Он им попросту давал установки, что если они окажутся без меня - то у них разовьется тревога в душе и беспокойство на сердце. А наличие моей персоны было своеобразным ключом. То есть пока был я - ничего подобного у них не развивалось (ну разве что только для профилактики). Борис Львович (психолог) свой метод называл - "влюблять в клиента". И ему действительно удалось заложить в их подсознание мысль о моем непреложном участии в их жизни. Потому что, когда я уезжал за границу (периодически я куда-то уезжал), они звонили мне и умоляли поскорей возвращаться. Моим женщинам становилось плохо без меня. Но я не мог признаться, что и за границей (в странах наиболее частого посещения) у меня были жены. Которые тоже ждали меня. И любили. Искренне и по-своему.

.....

Настало то время, когда я запутался. Через пять лет подобной жизни у меня было одиннадцать жен. И тринадцать детей (двое из женщин принесли двойню). Всех жен я любил. И ни за что бы не смог от них отказаться. Привык? Ну, может, и привык.

Но еще я понял, что вступил на тот путь, с которого мне будет трудно свернуть. И вообще уйти. Хотя ни сворачивать, ни уходить я не собирался. Я ведь сам выбрал такую жизнь. К тому

же я нисколько не чувствовал, что меня разрывают на части. А моя потенция так вообще, только в последнее время (когда удалось выйти на максимальные обороты) заработала на полную мощность. И мне теперь хотелось только любви.

Я действительно наслаждался подобной жизнью.

И ничего не собирался в ней менять.

Сергей Зелинский

08.11.2006 год.

рассказ

Мрачные силы

1

Периодически какие-то мрачные силы завладевали моим сознанием.

Все, что раньше виделось в розовых тонах, внезапно меняло окрас. И то, что еще некогда казалось веселым и жизнеутверждающим, теперь не вызывало ничего, кроме тоски. Серости и тоски. И от этого действительно становилось мрачно.

Я вот вспоминаю... Мне почему-то кажется, что раньше, если что-то подобное и было (у меня нет оснований допускать, что этого не было), то все было как-то не так.

А быть может даже, и вообще это было не так (ну или не совсем так; а может и вообще - никак; ну то есть, ничего не было).

И что уж точно, то, что происходило раньше (и то, что касалось моей жизни),-- не внушало мне такого опасения, какое возникало у меня сейчас. Когда случалось, что не очень хотелось жить. А сама жизнь представляла в таком цвете, что... Хоть стой хоть падай.

А еще лучше - повесься, вскрой вены, прыгни под поезд, ну или сядь в машину, разгонись, и, направив ее в столб, закончи страдания.

Другими словами, мне виделась смерть. Которую с недавних пор я перестал бояться.

2

Конечно, я никогда и не мог представить, что начнется такое, что мне станет так худо.

Можно даже сказать, что я в это до сих пор до конца не верю. И лишь только чуть-чуть сомневаюсь, что подобное возможно. Что все так плохо. Настолько плохо.

Но... но у меня, наверное, были все основания сомневаться. И считать, что этого, в принципе, не может быть. Как говорится - по факту возникновения самой невозможности подобного.

Я все же сомневался.

Мне казалось, что начинается что-то такое, что следовало как-нибудь остановить. Ну, или хотя бы приостановить на время. Чтобы не допустить возникновения чего-то подобного.

Я задумался.

С одной стороны, ситуация грозила выйти из-под контроля (хотя пока она еще не казалась такой уж страшной или опасной). С другой, - я уже не мог остановиться. И если что-то действительно могло произойти (должно было произойти), то словно бы этого и ждал.

А в иных случаях ждал настолько, что уже... Ну, в общем, лучше бы этого не было.

.....

Не знаю... Какие-то мрачные силы действительно преследовали меня... Заставляли жить совсем уж и не своей жизнью. Чужой.

И при этом не хотели, чтобы я считал, что это плохо. То есть, уже получается, желали чтобы я как минимум смирился с происходящим.

...Да, кстати,--они еще хотели, чтобы я за это их благодарил.

Чудеса...

Но в чудеса я не верил.

.....

И для меня многое оставалось невозможным.

И в то же время я подозревал, что на самом деле ничего невозможного для меня не было. Это как бы таилось в моем сознании. Которое, конечно же, протестовало против такого положения дел. Но уже я всячески этому противился.

3

Мрачные силы наступали.

Они совсем не считались с каким-то моим желанием. А тем более, совсем не обращали внимания на попытки сдержать их натиск.

Наступил момент, когда я уже готов был подчиниться.

Мне даже показалось, что это чуть ли не единственное, что возможно из того, что предлагала эта судьба. Которая в большинстве случаев делала так, что я должен был только

смириться. А если нет - умереть. И особого выбора не предоставляла.

И тогда я решил предпринять некую хитрость. Я знал, что если внушить себе собственное существование в неких условиях (вымышленных, конечно же), то вполне возможно вызвать наступление их. И перейти, тем самым, в некие иные состояния сознания.

Ну а дальше я уже надеялся в этих состояниях остаться.

.....

И я предпринял подобную авантюру. Убедил себя, что все происходящее на самом деле не такое, как видится. Потому как расходуется подобное видение с реальной правдой. А реальная правда совсем не такая, как я до этого ее представлял.

В общем, мне удалось себя запутать.

И все действительно изменилось.

Хотя я и не знал - надолго ли?..

Сергей Зелинский

21.04.06 г.

рассказ

Неприкасаемая

Роза любила преподнести себя!

Это у нее было в крови. Еще от бабки-актрисы. И теперь Роза, в свои сорок два, наконец-то могла себе позволить делать все что угодно. С мужчинами. Которых она любила искренне и страстно. И разрешала делать с собой все, что им захочется.

Хотя больше всего, конечно, хотелось ей. И она, заполучив в свои сети какого-нибудь несмышлениша (такowymi она называла маменьких сынков, под которые подпадала, в ее представлении, определенная категории мужчин независимо от возраста), искренне наслаждалась, отдаваясь моменту.

Таких мужчин Роза действительно любила. Любила больше всего. Она как-то быстро (и достаточно умело) приближала их к себе. Влюбляла. И только когда замечала, что мужчина принадлежит ей полностью (ждать, впрочем, долго не приходилось) - крутила и вертела им, как ей того хотелось.

А он канючил, умоляя только об одном. Вернее, у такого объекта ее любовной связи обычно было два желания: не бросать его, и "дать" ему.

Все. Ничего больше им было не нужно.

Нет, конечно, все было очень даже удивительно. И повстречай таких мужчин кто другой,-- и мысли не возникло бы, что они способны на подобное. А даже вроде как и наоборот, то, что касалось сексуальных отношений, для таких мужчин было равносильно табу. И под строжайшим запретом (пресекается тем, что избегается) любое упоминание не то что о сексе, а и о том, что есть еще какой другой пол, кроме мужского. А если рядом с такими мужчинами и находились женщины, то это бывали, в основном, только коллеги. Да и то, большей частью, мужикоподобные. Ну, или откровенные лесбиянки.

Тогда как что-то иное - рядом с такими мужчинами, как будто, и возникнуть не могло. Не должно было. Испугало бы их, как минимум. И при этом, конечно, стоит отметить на их

бессознательное желание увидеть рядом с собой шикарную, раскрепощенную, и страстную женщину. Блядь, в общем.

Но уже от одного такого желания бросало мужчин (мужчин, подпадавших под типаж, любимый Розой) в дрожь. А их тело в одночасье деревенело. И, наверное, окажись с ними действительно женщина их неосознаваемых фантазий - и вообще кого-нибудь из них хватил Кондратий. Ибо находятся обычно подобные мужчины на определенной параллели восприятия ими действительности. И саму действительность, конечно же, видят в совсем уж искаженном варианте. И что уж почти наверняка - создают эту самую реальность уже как бы под себя. Словно бы отбрасывая (исключая из осознания своим "Я") ненужный им факт жизни. И подменяя жизненный эпизод какой-либо иной картинкой. Такой, какая удобна будет им. И стараюсь не замечать, что в реальности все выглядит, как минимум, значительно иначе.

Но они ведь и не видят эту самую реальность. Не наблюдают ее. И что еще вернее, - попросту не замечают.

Но вот Розу они замечали.

Роза вообще считала себя специалистом именно по таким мужчинам. Тихим, забитым, старавшимся выглядеть незаметными. И как бы уже заранее избегавшим каких-нибудь жизненных ситуаций и конфликтов. Словно бы и надеясь, что те и в этот раз пройдут стороной. Минуют -- их.

Но как бы не так. И ничего не выходило у них только потому, что Роза-то этого не хотела. И как-то незаметно подчиняя такого мужчину (безошибочно "выделяя" его из сотен других),-- "давала" ему вдруг как-то сразу и в неограниченных количествах

именно то, чего он избегал. И чего ему, на самом деле, как раз больше всего и хотелось.

А потому привязывался такой мужчина к Розе самым, как будто бы, и ненавязчивым образом. Попадая в зависимость. И уже ничего не мог с собой поделаться. И вынужденный как раз из-за этой зависимости (как же, случалось, иной раз он проклинал себя за подобную слабость) уже не принадлежать самому себе.

А Роза, стоило ей только убедиться, что все это действительно так, еще какое-то время забавлялась с таким мужчиной, постепенно превращая его в тряпку, после чего безжалостно отшвыривала. Как нечто использованное и уже совсем ненужное.

Для Розы был важен сам процесс. И процесс подчинения, и процесс охоты.

А как только все удавалось - становилось неинтересно.

Ее мозг требовал чего-то нового. А тело послушно отзывалось на ласку новых мужчин. Которые сначала сходили с ума от осознания обладания такой женщиной. А потом начинали мучиться от того, что уже ничего не могут с собой поделаться.

А когда выгнать их не получалось (не получалось сразу) - Роза начинала изменять им в их присутствии. А те лишь жалобно скулили и терпеливо ждали очереди, когда им будет позволено удовлетворить свою страсть. Накопившуюся и от ожидания, и от увиденного действия. (А Роза умела выбирать нужный ракурс, что бы тот, кто наблюдал за ней, видел, куда и как входит тот, другой, кто "любил" ее. А тот кто "любил", чтобы, в свою очередь, тоже дополнительно возбуждался от того, что на него смотрит кто-то еще, когда он делает "это".)

И ни у кого не было сомнений, что сама Роза испытывала от всего этого высочайшее наслаждение. А если бы партнеров было в несколько раз больше,-- все равно бы сумела всех удовлетворить. Потому что в любви она была ненасытна. И никогда не останавливалась ни перед какими трудностями. А тем более, если эти "трудности" представляли перед ней в образах мужчин.

Ведь тогда это уже были и никакие не трудности. Потому что мужчин она любила. Но не всех, а тех, кого знала, что может подчинить.

А вот других -- избегала. Опасаясь даже, чтобы они касались ее. Хоть рукой, хоть членом. Подчинять и властвовать должна была только она. Ни больше, ни меньше.

Сергей Зелинский

15 апреля 2006 год.

Рассказ

Раскаяние

1

Денис Онуфриев больше всего на свете любил себя. Причем, любил он себя настолько, что ему казалось никто ему был и не нужен.

-- Но ведь не эгоист же он был? - спрашиваем уже мы.-- Ведь наверняка когда-нибудь (если предположить, что это было когда-нибудь) у него существовала семья. Работа, наконец. Ведь Онуфриев не мог не работать. А значит там мог найтись хоть один человек, который бы Онуфриева любил. Уважал, по крайней мере. Как минимум, не злился бы на него, когда Онуфриев молчал

откровенную чушь (водился за ним такой грешок); или, например, когда бегал ночью голым по городу. Но про бег - это, конечно, да. Это уже смахивает на извращение. Но ведь мы и не говорили, что Денис Онуфриев нормален. Мы даже наоборот, можем сказать, что он болен. Психически болен. И даже можем показать соответствующий документ. Справку. Выписанную, когда мы забирали Онуфриева из дурдома (и выписанную как бы на всякий случай).

Нет, конечно, случай такой пока не произошел. И быть может даже никогда и не произойдет. Но справку мы сохранили. На всякий случай. Да и мало ли что на самом деле может случиться.

2

Онуфриев очень любил моделировать игрушечные самолетики. Пусть они у него никогда не взлетали (потому что изготавливались по такой технологии, что... жуть, в общем. И все явно противоречило основным принципам авиамоделирования). Да и, наверное, Онуфриев занимался своими игрушками только затем, чтобы заниматься хоть чем-нибудь. Хотя, помимо подобного творчества, Онуфриев еще много пил. Водки. И при этом вполне искренне обижался, когда его называли алкоголиком. Или пьяницей. Разницы в этих словах Онуфриев не находил. Они были обоюдно неприемлемыми для него. Притом, что помимо этих слов, у Онуфриева в запасе было еще с десятков, значения которых он попросту не понимал. И заучивал. Надеюсь когда-нибудь узнать о смысле этих слов побольше. И уже в зависимости

от открывшегося значениях их -- или забыть, или наоборот, еще лучше запомнить.

Но это все совсем даже не главное. А главным было то, что Денис Онуфриев был очень даже несчастнейшим человеком.

Ни кому о своем несчастье не рассказывая, Денису иной раз удавалось обмануть себя, почти убедив, что он счастлив. И жизнь относится к нему как-то безучастно. Пусть и к себе не приближает, но и не ругает так-то уж сильно.

И можно было сказать, что у Онуфриева подобный обман вполне получался. И он сам забывал, что на самом деле несчастен.

И когда происходило такое, перед Денисом Онуфриевым словно бы на миг приоткрывалась вся правда земли. И боль. Конечно же, боль. Которую ему раньше, вроде как, и удавалось не замечать. (Вернее, сделать вид, что не замечает.)

И вот как только происходило такое - тут же для Онуфриева и доказательства уже были никакие не нужны. Ну, в том плане, что какие-то доказательства уже вроде как считались и неуместными. А Онуфриев после случившегося долго болел. И ему совсем не хотелось жить. В необходимости самой жизни - он уже вроде как сомневался. И в наличии, и в продолжении ее. А потому, предложи кто ему забрать у него ее, наверное и согласился бы. Но только если бы кто напросился сам. Потому что без этого, Онуфриев ни за что на что-то подобное бы не решился. Стеснительный он был какой-то. И пугливый. До ужаса пугливый. Шарахающийся, бывало, даже от собственной тени. В солнечный день. Если предположить, что эту самую тень Онуфриев бы отбрасывал.

Но он не отбрасывал тени. Он вообще был очень и очень странным человеком. И был, быть может даже (это, наверное, замечал и сам) и не человеком вовсе. А совсем как будто неизвестным существом. Полу-диким, полу-искусственным. В том плане, что какими-то дикими казались его повадки в обществе, цивилизации, среди людей, в общем; а искусственным, потому что мозг Онуфриева казался совсем даже не настоящим. Мозг, с интеллектом - робота. Или если и человека (ну если все же допустить нечто подобное, но с огромнейшей долей условности), то ориентированного совсем уж знает на что. Черт знает на что.

Необъясним был сей факт.

И по-настоящему Дениса Онуфриева никто не понимал. Не понимал, в том числе, и он сам. И если честно, сам про себя Денис совсем уж говорил такую откровенную похабщину, что вроде как и неудобно передавать.

Проходило время. Чем дальше, тем больше Денис начинал себя любить. А чем больше любил - тем больше раскаивался в этом.

И совсем уже было необъяснимо: почему так происходило? И в чем Онуфриев должен был раскаиваться?

Ведь на самом деле причины, быть может, и не могло. Да ее и действительно не было. А было - лишь только предположение Онуфриева о том, что это было так.

Но это уже так. К слову. Ведь на самом деле Онуфриев был хороший парень. И мне даже чем-то нравился. Только вот я не понимал - чем?

Сергей Зелинский

15 апреля 2006 год

рассказ

Почти фантазия

Алексей боялся женщин. До боли, до жути, до страха. Его не останавливало даже то, что женщины его, в общем-то, любили. Ну, или скажем, ему так казалось. А ведь и вправду казалось...

Иногда Алексею действительно казалось, что почти все без исключения женщины в него влюблены. Безумно. И самой отчаянной любовью.

Причем они были готовы (вполне готовы) исполнить любое его желание. Какое попросит. Но... Но он не просил. Он боялся о чем-то попросить даже самого себя.

"Хотя себя бы, наверное, мог,-- думал я. Или, например, за него бы мог попросить я. И мне даже захотелось сделать что-то для него. Но... Но почти тут же мои мысли переключались на улыбку доброго приятеля, Леши Маслова. Ведь улыбка у него была такая, что хотелось заклеить его рот. Чтобы не растягивались его губы в этом идиотическом отображении полу-улыбки, полу-насмешки.

Иногда я вообще не знал, как мне реагировать. Вроде как и должен был, случалось, ему что-то сказать. Но на меня находила такая хандра, что хотелось послать все к черту. И Алексея в том числе. Ибо бывал он порой до невозможности неспокоен. И какой-то до едкости раздражителен. Причем, иной раз, ко мне закрадывалась мысль, что он совершенно не отдает никакого отчета в том, что делает. Ибо делал порой - откровенное

безобразия. Например, мог напиться, войти в отделение милиции, и признаться в совершении страшного преступления.

Менты его били, конечно. Но уже на следующее утро. Потому что только произносил Алексей какую-то (очередную) глупость - так тотчас же падал мертвецки пьяный. И пробудиться его не представляло никакой возможности. Разве что убить. Во сне. Но милиционеры этого, конечно же, не делали. А относили его в камеру. А утром снова допрашивали (в предвкушении раскрытия "страшного преступления" на допросах присутствовал чуть ли не начальник отделения милиции).

Но оказывалось, что Алексей уже ничего не помнил. И врезав по его дурной башке несколько раз дубинкой - его взащей вытаскивали. Угрожая посадить, если придет еще. Он и не приходил. И других отделения было достаточно.

.....

Случилось как-то Алексею удалось познакомиться с очень замечательной (как он считал) девушкой. Причем, девушка не только познакомилась с ним сама (что, в общем-то, и можно было предположить; сам бы Алексей не сделал первого шага ни при каких обстоятельствах), но и привела (привезла точнее; у нее свое авто) домой, накормила, напоила, раздела, и - изнасиловала. Причем с такой жестокостью (ну, страстью, то есть), что у Алексея еще несколько дней после этого стоял член. При мысли о том, как она все это проделывала, с самым что ни на есть самоотверженным неистовством набрасываясь на Алексея. И заставляя его проникать в нее столько раз, сколько хотела сама.

Причем Алексей никогда бы и не подумал, что он может столько раз.

Он и вообще себя считал чем-то навряде полу-импотента. А теперь вот так - просто и без всяких изысков - бери и еби. Куда хочет. Исходя из предположения, что находящаяся рядом женщина (обнаженная, заметим, женщина), хочет сама. И Алексею было как то неудобно отказываться от этого.

.....

Но иногда случалось, что с Алексеем ничего не происходило. То есть, он уже терялся в догадках, происходит ли что-то с ним или не происходит. Ему вообще ничего не казалось. И... И он совсем не знал как реагировать ему на такие ситуации. Ведь раньше - было это или этого не было - не имело никакого значения (ну в том плане, происходило это в реальности или нет). Он все равно все пропускал через себя. И ему даже казалось, что что-то из этого действительно происходит. Почти на самом деле. Так что проходило уже незначительное время - и он себя убеждал в этом. Ну, или почти убеждал. Ибо всегда находилась некоторая доля вероятности, что что-то у него не получится. И что-то на самом деле (в реальности как говорится) было не так - как это было. Совсем не так. Вообще не так. А как-то иначе.

Но вот как - Алексей Маслов думать боялся. Мозг его словно бы отказывался анализировать подобную ситуацию. И ему, наверное, если честно - и совсем не хотелось думать. Ну или как минимум казалось, что это все было не с ним. А он был лишь в роли стороннего (некоего стороннего) наблюдателя.

Но так было не всегда. Иногда мысли Алексея начинали наслаиваться друг на друга с такой частотой, что у него уже совсем пропадала способность хоть как-то оценивать реальность.

Анализировать ее. И казалось... Черт возьми! Что же ему и на самом деле казалось?

Вот уж поистине загадка. Загадка. И это, должно быть, была как раз та загадка, которая не требовала никакого разрешения. Разгадывания. И словно бы следовало оставить все как есть.

Но Алексей не мог. Не хотел. Не был способен.

И он решил оставить все так, как есть.

А еще через время - у него и вовсе все стиралось из памяти. И хотя бы на миг - но его мозг становился чистым. Почти как у младенца.

И совсем неважно было, что было Алексею уже тридцать два года. И что жизнь, которую он вел, и та, которая на самом деле была, различались.

Это было совсем как будто и неважно.

Ибо перед Алексеем мир приоткрывал какие-то новые двери. И Леша Маслов стремился в них войти. Потому что мог опоздать. А этого он не хотел.

А однажды произошел случай, когда Алексею показалось, что он влюбился по-настоящему.

И он почти месяц пребывал в состоянии влюбленности.

А потом неожиданно забыл: кого же он любил. И не только забыл имя - но и даже образ своей недавней "возлюбленной".

А быть может эта девушка и не была его возлюбленной. А ему просто показалось. Или очень хотелось, чтобы это было так. Но... но ведь мы даже не знаем кто она? А раз так, то к чему как будто и вовсе говорить. Если все это было неправда.

Тем более что Алексей совсем не помнил, что он говорил кому-то (нам, например) о своей любимой. А раз так - то и напоминать, вроде как, и неудобно.

А значит пусть все останется как есть. Фантазией, например. Чей-то фантазией...

Сергей Зелинский

14 апреля 2006 г.

рассказ

Внимательность

Карнаухов стал замечать, что если он начинает думать о каком-нибудь событии (которое чаще всего только еще должно было состояться), то само это событие обязательно проходило к нему не тому сценарию, по которому предполагалось.

А то и приходило, но какое-то другое.

И уже это наталкивало Валью Карнаухова на нехорошие размышления. Суть большинства из них - что ничего представлять, как будто, и вовсе не стоит. Ну, а если и представлять, то уже как бы в заранее искаженном варианте.

Но это все равно было не то. Потому что если Валентин намеренно искажал вариант, то ему каким-то образом удавалось, собственно, забыть само событие. А значит проследить за правильностью исполнения его - не представлялось никакой возможности. И это удручало.

Но еще печалило Валью Карнаухова и та особенность, которую он также обнаружил в себе. Если он начинал о чем-то очень сильно думать, то почти непременно это сбывалось. Причем, случалось, сбывалось тогда, когда Валя уже как вроде бы

об этом и забыл. И вспоминая (все равно, вспоминая) поначалу очень удивлялся. А потом - принимал как должное.

Как должное, которое лучше бы никогда не состоялось. Вообще, Валя очень не любил наступления в его жизни чего-то неожиданного. И как правило - очень негативно к этому относился.

Но уже, наверное, здесь можно было и что-то сказать о любви. Но, затрагивая тему любви, мы как бы заранее должны извиниться за то, что картина в любом случае будет неполной. Полную картину знал только Валя.

А мне так и вовсе было неловко говорить об этом. Потому что я давно уже догадывался, что к любому проявлению любви - отношусь достаточно предвзято. И наверняка даже где-то и угадывая наступление ее - всячески стремлюсь не замечать. Сделать так, что словно бы ничего и не происходит. Тем более что может на самом деле ничего и не происходило. А большей частью мне только казалось, что происходит.

А вот Валя, наверное, был не такой. Обычно если что-то с ним приключалось (какое-нибудь любовное приключение), то можно было говорить, что это было все серьезно. Очень даже серьезно.

Притом что проявления какой-либо серьезности Валя Карнаухов боялся. Словно опасаясь, что в этом случае он вообще может сойти с ума. И - не пережить этого.

А становилось возможным подобное потому, что Валя невероятно близко все принимал к сердцу. И воспринимал даже не наступившие события так, словно те уже наступили. И имели

самые печальные последствия от такого (не наступившего) наступления.

И при этом внешне в Вале не возможно было предугадать ничего такого предосудительного. Он словно бы... Да неразгадан был Валентин до сих пор! Ни мной, ни теми, с кем он даже общался более моего.

Хотя и никто на самом деле не мог похвастать тесной дружбой с Валею. Он словно бы и никогда не отказывался от друзей, но... Всегда было это "но".

Валентин сам, наверное, был недоволен подобным раскладом. И даже можно предположить - обеспокоен. Но как-то выходило так, что он не очень-то доверял себе. Словно в каких-то вопросах был -- и даже вовсе его не было. И словно бы...

Ну, не доверял он себе и все. И даже не пытался как-то поверить. Но уже тогда можно было спросить: а кому он доверял?

Никому! Валентин был так устроен, что попросту не доверял никому. И ради себя, разумеется, не делал тоже исключения. Поэтому не верил и себе.

Я не раз смеялся над этой его недоверчивостью. Мне как будто казалось это смешным. Да и так, наверное, быть не должно,--считал я. И уже можно было представить Валентина, когда он начинал спорить и что-то доказывать самому себе. Получается, себя-то он как раз всегда любил. И словно бы даже не доверяя - всегда пытался понять. Обосновать какое-нибудь очередное предположение. Которое, конечно же, исходило от его излишней... внимательности.

К самому себе в том числе.

.....

Нет. Валентин был уникальной фигурой. Даже можно было кому-то посоветовать брать с него пример. Но вот где найти такого безумца? Ведь Карнаухов был идиот. А брать пример с идиота?

.....

Идиотом он, конечно же, был, несмотря на свою внимательность. Ведь тогда уже получалось - внимательный идиот.

А ничего хуже этого не было.

И тогда уже Валентин Карнаухов большей частью мне был интересен, потому что какие-то его черты - я находил и в себе.

Но вот мне все же удалось от них избавиться. И это было то, от чего Валентину избавиться не удастся никогда. Но это уже, по сути, было и не важно. Ведь он был мужем моей сестры. Пусть и бывшим мужем. То есть, уже получается, родственником. А о родственниках плохого как бы говорить не принято.

Поэтому я и принимал Валентина таким, каким он был. И даже может в каких-то чертах старался походить на него. Зачем? Ну, может, считая, что так будет не очень обидно. Обидно, что он один такой. Ненормальный.

Вот только что это были за черты? Чем больше я думал об этом, тем больше понимал, что начинаю запутывать себя. И это мне уже не очень нравилось. А Валентин... А Валентин, казалось, ничего этого и не замечал. И продолжал жить той жизнью, которой и жил всегда. Практически не обращая ни на кого внимания.

И уже это, наверное, мне в нем и нравилось. Нравилась его самостоятельность. В мыслях и суждениях. И, наверное, в

поступках. Хотя и многие его поступки я не одобрял. Считая их - уж слишком какими-то странными, а то и - подозрительными.

Но я допускал, что все это происходит от внимательности Вали. Быть может и излишней внимательности. Внимательности, которая в его случае становилась синонимом подозрительности. А там уже и до глупости было недалеко.

Но... он не менялся. Продолжая жить таким, как и был всегда. И это заслуживало как минимум уважения. А разве могло быть иначе?

Тем более что как-то иначе Валентин бы все равно не смог.

Сергей Зелинский

25.04.06 год.

рассказ

Сестра

1

Ей нравилось спать с мужчинами. Просто нравилось. И она не хотела себе изменять. Не собиралась. Даже если вдруг накалялись страсти, и ее называли блядью.

"Ну, блядь и блядь,--рассуждала она.--Что с того".

Эльвира не боялась быть блядью. Она даже может внутренне хотела соответствовать значению этого слова. "Ну, блядь и блядь... Ну и что?"--смотрела Эля на очередного поборника нравственности. Не сомневаясь, что стоит ей только захотеть - и этот правдолюбец будет ползать перед ней на коленях. И вообще, пресмыкаться перед ней. Только лишь потому, что она в итоге возьмет его член в рот. И он успокоится.

Знавала она таких! Они только с виду кажутся строгими и неприступными. А стоит остаться с ними наедине, да еще если рядом соответствующая обстановка, и желание обладать вами начинает струиться из их глаз. И за это самое обладание они готовы и унижаться, и страдать, и выглядеть вообще явными дураками. В большинстве случаев даже не осознавая, что это так.

Эля была высокая блондинка.

Полных лет ей было двадцать семь. И уже был четырехлетний стаж беспросветной половой жизни (до этого еще лет восемь - жизни хоть и половой, да умеренной). Когда в хаотичном порядке сменялись партнеры. И она даже иной раз не помнила, с кем спала вчера. И кто будет завтра.

Эле нравился секс. Секс и развлечения. В развлечения входили рестораны и ночные клубы. Ну, еще быть может шопинги. Хотя вполне так могло получиться, что шопинг скорее походил на продолжение работы. В том плане, что сначала ее трахали, а потом покупали какую-нибудь вещь (чаще покупала сама, на полученные в качестве благодарности деньги). И Эля, получив очередное вознаграждение за труд, садилась в свое серебристое "БМВ" (подарок очередного любовника), и независимо какие у нее были планы на день - обязательно посещала один-два бутика. Минимум один-два. Где-нибудь на полпути между домом - бутиком - рестораном - массажным салоном - фитнес-центром - салоном красоты и снова рестораном или ночным клубом (последовательность могла варьироваться, и в программу могли вноситься изменения) Эля знакомилась с мужчинами. В зависимости от ее желания, позднее эти мужчины или оказывались в ее постели, или же сначала она проверяла их

покупательную способность, а уже после - отдавалась, или же отдалялась от них. Причем если дело заканчивалось постелью (ну, или начиналось с нее), то одновременно в одной постели могло оказаться и несколько мужчин (количество девушку никогда не пугало). Да и вообще, если она поначалу и раздумывала об этом, то это было очень давно, а ко времени повествования вопросов у нее уже не возникало. Жизнь проходила в радости и в развлечениях. Каждый новый любовник считал своим долгом удержать подле себя такую девушку. И щедро вознаграждал ее пребывание рядом. Что, впрочем, нисколько не влияло на желание самой Эльвиры. Она считала себя свободной девушкой. И с кем спать знала сама. Совсем не стесняя себя какими-то условностями да обязательствами. Сегодня она могла отдаваться вам в постели. А завтра послать вас подальше. По сути, ей был никто не нужен. Ни за кого она не держалась. Девушка знала, что очередной кавалер появится все равно. И если что, она заполучит любого. Даже вне зависимости от желания того. В той обстановке, в которой она жила, подобное было в порядке вещей. Так жили и остальные. Да и к чему сковывать себя какими-то условностями? Все было доступно. В том числе и любовь. Ну, или особенно любовь. А уж перед возможностью войти своим пенисом в ту или иную женщину (если женщина того попросит и будет сексуально привлекательна как Эля) будет трудно удержаться, отказав себе в подобном удовольствии. Жизнь слишком быстротечна, чтобы лишать себя еще и этого,-- рассуждали мужчины, и без зазрения совести трахали девушку. А ей это нравилось. Спасибо, конечно, не говорила. Но деньги брала. В подтверждение радости.

На самом деле, конечно, все было не столь гладко. Периодически девушку мучили депрессии.

Эля не любила подобные состояния. Она заглушала их алкоголем и все новыми беспорядочными половыми связями. И пока она пила или отдавалась мужчинам, все было вполне ровно. Но стоило ей остаться одной... Тут уж было не до веселья. Грусть и тоска набрасывались на нее, разъедавая ее неуверенностью и страхом. А еще появлялась тревожность и чувство вины. Причем Эля как будто и понимала, что повода для этого не было. Но внутреннее беспокойство поглощало ее. И в такие минуты (минуты могли превратиться в часы) ей совсем не хотелось жить.

Нет, убить себя она бы никогда не решилась. Это был бы слишком отчаянный шаг, решиться на подобное. Но все же, в душе ее было иной раз так хреново...

И в таких случаях самоубийство, может, был бы и выход. Так считала Эля.

О подобных мыслях Эльвиры знал я. Эльвира была моей двоюродной сестрой. Жила она в Москве, я в Санкт-Петербурге. Одно время мы не виделись. Потом случайно встретились в каком-то клубе. Куда Эльвира приехала на выгул с очередным бой-френдом. Меня она пригласила на танец, еще не зная, что я это я.

Во время танца девушка намекнула, что готова уехать со мной. Поискав глазами ее столик, я увидел, что приехавший с ней мужчина занят, что-то увлеченно рассказывая проститутке, подсевшей к нему. Он был пьян. И я согласился уехать с его девушкой. Я почувствовал, что она хочет этого. Я посмотрел на нее. Она кивнула и улыбнулась. Рука Эльвиры потянулась к моим

джинсам в районе пениса. Я задержал ее руку, и дал понять, что все будет. Но потом.

Чтобы "потом" не затянулось, решили уединиться в какой-нибудь vip-кабинке (хозяин заведения был мой товарищ).

Боковым зрением я заметил парня Эли, которого куда-то уводила проститутка. Теперь моя совесть была чиста, и я с полным правом мог вступить в половой контакт с его подругой.

Я взял ее за руку и повел наверх. Одну из кабинок (кабинет) Вася (товарищ) оставлял всегда свободной, для меня. У меня даже был свой ключ.

Когда мы зашли в кабинет, я заметил что там кто-то с кем-то сношался. По спине и лысому черепу я узнал Васю. Его брюки были приспущены. Вася посадил даму на стол, устроился между ее разведенных ног, и с силой врвался в ее тело.

Судя по тому, что его подруга постанывала, ей это нравилось. "Ну, или она имитировала радость",-- подумал я.

Вася повернулся в мою сторону, кивнул в приветствии, и сказав что-то на вроде того, что должен непременно закончить начатое, продолжил фрикции.

В присутствии кого-то еще заниматься любовью я не хотел. Хотя и Васе, и его девушке, и девушке моей -- видимо было бы все равно.

Словно в подтверждение промелькнувшей у меня догадки, Эля опустилась на колени, и стала расстегивать мои брюки. Пенис возбудился и от действий Эли, и от увиденного зрелища, когда я посмотрел на девушку Васи, которая теперь стояла на четвереньках, а Вася пристроился сзади. Груды девушки Васи покачивались в такт движениям.

Что-то меня все же удержало от действий сексуального характера.

Я шепнул Эле, что лучше будет, если мы сейчас поедem домой, и продолжим там.

Эля удивилась по поводу того, что продолжим, если мы еще не начинали. Но я уже увел ей, пожелав Васе успеха.

К этому времени бой-френд Эли уже хватился Эли и искал ее. Мы с ним столкнулись в коридоре. Я представился, сказав, что давно не виделся с... сестрой. Двоюродной сестрой (придумал я на ходу).

Договорить я не успел. Этот придурок бросился на меня. Я слегка пробил ему по печени. Бой-френд сразу как-то сник и обиделся.

Я неожиданно заметил на себе взгляд протрезвевшей Эльвиры. Быстро задав мне несколько уточняющих вопросов, она поправила юбку и блузку, и улыбнувшись, сказала что мы и по всей видимости брат и сестра. Я удивленно на нее посмотрел. Она назвала имя своей мамы. Сестра моего отца носила точно такое же имя. Я сказал, что это еще ничего не значит.

Эля назвала девичью фамилию матери. Это была моя фамилия. Я понял, что действительно случайно встретил свою сестру. И даже чуть не переспал с ней.

3

Мы стали общаться. Как брат и сестра. Как неожиданно нашедшиеся брат и сестра. Естественно, о сексе не могло быть речи. Хотя Эля и продолжала оставаться блядью, спав с мужчинами. Я об этом знал, потому что она обо всем делилась со

мной, словно я был ее подругой. Я не мог сказать, нравилось это мне или нет. Хотя ее рассказы были интересны и поучительны. Тем более помимо Эльвиры у меня были другие девушки, которые рассказывали мне о том же. И мне это наверное все-таки было интересно.

И что уж точно, я давал девушкам советы, которые, по моему мнению, вполне могли им пригодиться. Сами же девушки по отношению ко мне видимо руководствовались тем, что о том, о чем они рассказывали, рассказать все равно хотелось, но ведь не всякому. Например подругам такого не расскажешь, потому что те ревнивы и завистливы. С моей же стороны не было никакой заинтересованности. Кроме как желания помочь. Искреннего желания.

Кроме этого я со многими девушками еще и общался посредством электронной почты. И я в какой-то мере любил их всех. И реальных и виртуальных. Ведь только любовь предполагает искренность. А разум позволяет не переходить через край. Хотя и можно было предположить, что кто-то из моих знакомых дам были бы не против со мной переспать. Но я старался этого особо не допускать. Хотя особо и не потворствовал, когда видел что со стороны той или иной девушки исходит искреннее желание, а не просто необходимость поставить галочку.

А как Эля?.. А Эля на удивление вскоре прекратила таскаться по мужикам.

И стала любить женщин.

Но я пока ей не сказал, что обо всем этом думаю...

Сергей Зелинский

10 ноября 2006 год.

рассказ

Вор

Нет. Наверное, трудно было что-то рассказать так, как это бы сделал Валентин.

Но Валентин сейчас находился в таком состоянии, когда говорить он, собственно, не мог. И не потому, что его как-то уж излишне сильно избили в милиции. Нет. Он не мог говорить, потому что очень трудно (да еще и пока невозможно) ему было осознать, что вот он сейчас стал вором. И его считают так, потому что застали в чужой квартире одного. Да еще среди ночи. Да еще и - голого. И почему он был голый?

.....

Валентин совсем не помнил тот день. Сначала у него, наверное, все же были какие-то планы (где Валентин работал, ведь он, конечно же, не был профессиональным вором, Валентин пока вспомнить не мог). Да и наверняка ведь какие-то планы быть должны. Ну хотя бы самые простенькие. Без заглядывания, как говорится, в будущее.

Но Валентин действительно не помнил. Не помнил. Ничего не помнил. И самое печальное было то, что он не помнил, как оказался в той квартире. И почему там никого не было. Ведь не решился же он и на самом деле ее обворовать? Но зачем? Не было денег? Были. Он только недавно проверял сберегательную книжку. Там еще осталось десять тысяч. Значит, какие-то деньги у него все-таки были.

Но... Но зачем же тогда?..

Валентин обреченно опустил голову на грудь. Ему захотелось заплакать от отчаяния, что он ничего не мог вспомнить. И совсем ничего не понимал. И вообще, наверное, от всего, что с ним происходило, и что произошло, готов был зарыдать от отчаяния.

Но было у него также и желание во всем непременно разобраться. Чтобы не допустить повторения подобного. Чего-то подобного. В будущем. Ведь у него же еще могло быть какое-то будущее. Или нет?

Валентин на миг задумался об этом, а потом вновь разрыдался. Уже от отчаяния. Ведь он стал понимать, что, сколько он не пытайся сейчас что-то понять - на самом деле понять-то ничего не сможет. Да и то, что недавно случилось,--произошло с ним как будто во сне.

--Словно во сне...--Валентин внезапно даже обрадовался такому повороту (новому в его измышлениях). По всему выходило, что он не мог ничего понять от того, что измерение реальности, в котором он все время пытался это осмыслить (понять вообще свою жизнь), уже как бы изначально ошибочно. Ложно. Наверное.

И вполне разумеется, все, что он бы сейчас не надумал таким вот образом... Ну, этого как будто бы и не было.

И можно предположить, что не стоило ему об этом даже думать. И уж тем более расстраиваться. Да и вообще, наверное, настраивать таким вот (изначально уже получается негативным) образом себя. И к чему тогда были все эти раздумья да страдания. И слезы отчаяния. И вообще...

Валентин встал, и сделал несколько шагов по камере. Зек, сидящий напротив, удивительно на него посмотрел. ("Ничего, ничего",--тоже посмотрев на того, подумал Валентин).

Нет. Но уже получалось действительно. Он попал сюда. Что-то якобы (Валентин вспомнил ухмылку следователя, подсунувшего бумажку дела для подписи Валентину) совершил. И ему наверняка грозит теперь какой-то срок...

--...Послушайте,--Валентин обратился к сидящему на нарах зеку, который продолжал с любопытством поглядывать на него.--Вот скажите. Если я что-то украл.

--???

--Ну, не украл даже... Ну, предположим, если меня арестовали в чужой квартире. Ну... Ну вот...--неуверенно мямлил Валентин. Его мысли двигались столь хаотично, что он никак не мог собрать их в одну фразу.

--Да чего ты паришься, земля,-- подошел к нему другой зек, спрыгнувший для этого с нар, и скалящийся в предвкушении какой-то для него радости.--Скажи что произошло. И получишь совет - как этого избежать.

--Видите ли,--решился Валентин.--Меня нашли ночью. В чужой квартире. Обнаженного.

--Бабу что ли ебал?--по-своему все понял зек, и расхохотался, оглядываясь на остальных, словно приглашая их включиться в игру.

--Да нет, что Вы,--почти не обиделся Валентин. Хотя его музыкальный слух (когда-то Валентин закончил консерваторию) и резануло слово "баба".--Я не знаю, что я там делал,--обескуражено произнес Валентин.

--Ну понятно, что не тырить что-то пришел,--понимающе улыбался зек.--А как спалился-то? Хозяева проснулись и вызвали ментов?

--Да нет же! Я же говорю вам,--Валентин недоуменно посмотрел на зека.--Я сам не понял, как там оказался.

--Подожди, подожди,--недоверчиво переспросил зек.--Ты хочешь сказать, что залез в чужую хату и не знаешь зачем?

Валентин кивнул.

--И совсем не помнишь... нет, что-то тут не то,--недоуменно покачал головой зек.

Валентин, подняв брови, смотрел на него, словно от ответа того зависела его, Валентина, дальнейшая жизнь.

--Пьяный был?

--Нет,--не дал ему завершить очередное предположение Валентин.

--Обкуренный?

--Да нет же,--замотал головой Валентин.--Я вообще не употребляю. Просто случайно оказался в чужой квартире...--смущенно ответил Валентин.

--Ну... под вышку за это не подведут,--неожиданно серьезно задумавшись, протянул зек.--А вот пару-тройку лет впаяют. Ты что собирался украсть-то?--посмотрел он на Валентина.

--Да я же вам говорю...--начал было оправдываться Валентин.

--Ах, да,--вспомнил зек.

--Странный подход,--философски заметил другой зек, подошедший к Валентину.--Решил подломить хату, а потом раздеться.

В камере раздался дружный хохот.

--Или ты уже на дело пошел голым?--сквозь смех Валентин услышал очередное предположение.

--Голой, да! Я бы был голый!--Валентина неожиданно перекосило от злости.--А что...

Договорить он не успел. Моментально изменившийся в лице зек, с которым Валентин заговорил первым, неожиданно ткнул его кулаком в живот. А потом обрушил сложенные вместе руки на спину согнувшегося от боли Валентина.

--Ну ты, гнида!--жестко произнес прекративший смеяться зек обращаясь к Валентину и видимо раздумывая ударить ли валявшегося на полу камеры Валентина носком кроссовка по ребрам или не надо.

--Кончай беспредел!--сквозь разливавшуюся по телу боль (зек все же ударил) до Валентина донесся старческий голос.--Развели бакланство.

Зеки расступились. Рядом с Валентином присел какой-то старик.

--Пойдемте ко мне,--обратился он к Валентину.--Расскажите свою историю. Если смогу - помогу.

Валентин поднялся, и озираясь по сторонам, испуганно направился вслед за стариком.

--...Значит, говоришь, ничего не помнишь?--переспросил старик, усевшись на нарах, и кивком приглашая Валентина устраиваться рядом. Тот осторожно присел у изножья.

--Ничего,--ответил Валентин, заметив, что старик терпеливо дожидается ответа.

--А раньше такое с тобой было?

--Нет,--почти сразу же ответил Валентин.--Вернее - не помню,--уже заметно медленнее, добавил он.

Старик покачал головой, и закурил.

--Что думаешь делать?--поинтересовался он.

Валентин в нерешительности пожал плечами.--Ждать, наверное,-- ответил он через время, видя, что старик молчит.

Старик действительно молчал.

А Валентину вдруг вообще расхотелось с кем-то о чем-то разговаривать. И он вдруг вспомнил, почему оказался в той (ненавистой) квартире.

И самое печальное было то, что это была его собственная квартира. И никто его на самом деле не арестовывал. А он сам пришел и сдался. Точнее - позвонил в милицию и сказал там что-то такое, отчего те приехали уже через несколько минут. Позвонили в дверь. Он открыл. Представ перед одетыми в камуфляжи с автоматами на перевес группе быстрого реагирования голым. И когда их увидел - зачем-то побежал вглубь квартиры. А они догнали его и стали бить. А потом привезли в отделение и били еще. Уже, наверное, для порядка. Или вымещая на Валентине какое-то свое зло.

--Ганькин! На выход!--прокричал надзиратель, открыв дверь камеры.

Валентин, услышав свою фамилию, понуро поплелся к выходу.

--С вещами,--улыбнулся обо всем догадавшийся старик. А может Валентин, сам того не подозревая, вспоминал обо всем вслух. И когда за Валентином захлопнулась железная дверь, раздался раскат смеха.

Но Валентин этого уже не услышал. Он понял, что его сейчас освободят. И на душе стало спокойно.

Сергей Зелинский

19 апреля 2006 год.

рассказ

Пертурбация

1

Колошматило его так, что он считал, что это уже все. И больше жить он не будет. Хотя, если разобраться, что у него была за жизнь? Какие-то все время рытвины да колдобины судьбы. И какая-то вечная тяжесть в сознании. Словно бы ничего более уже поделывать невозможно. Просвета не видно. И остается только смириться, и набросить петлю на шею. Ну или удавить себя руками. Самостоятельно.

А можно было напиться, и обо всем попытаться забыть. Что он и решил сделать. И... у него не получилось.

Ну не любил он пить! Не любил, и - не умел. А когда пытался - становилось ему после этого только хуже. И он уже не мог надеяться, что это когда-нибудь пройдет. Исчезнет. Куда-нибудь испарится.

.....

Ни на что подобное он, конечно же, не надеялся. И даже если мечтал, то как-то тихо и неуверенно. Словно бы в глубине

души понимая, что все это, по большому счету, бред. И никогда ничего у него не получится.

2

Жорик Метеосян был армянин в третьем поколении. А до этого его предки были греками. Притом что сам Жорик отчего-то был похож на француза. И этим очень гордился.

На самом деле Жорик больше походил на индуса. Причем индуса какого-то странного. Который словно бы большую часть жизни провел где-нибудь в Тибетских горах. Потом спустился, удивился светской жизни, которую увидел вокруг, и в состоянии этого удивления с тех пор и находился. Пребывая в легком шоке от увиденного. И не в силах ни справиться, ни как-то скрыть свое удивление.

И, наверное, оптимальным для Жорика было бы убедить себя, что все так и должно было бы быть. Что это нормально. И ни из-за чего переживать, собственно, было не нужно.

Но Жорик был не такой человек. И переживал абсолютно из-за всего. И стоило только какой-нибудь мысли посетить его чудную кудрявую голову, как для Метеосяна с тех пор спокойствия уже не было. И он просто обязан был придти к какому-нибудь знаменателю. Чтобы завершить начатую (порой начатую еще несколько месяцев назад) мыслительную работу.

Притом что выходило так, что завершить эту работу не представлялось никакой возможности. Отчего Мовсесян переживал и расстраивался. Но думать не переставал. И верил, что когда-нибудь все закончится.

3

И все же разумнее было бы, наверное, для Мовсесяна остановиться.

И как-нибудь изменить свою жизнь. Выпрыгнуть из того образа, который уже чуть ли не прирос к нему. И примерить какой-нибудь новый. Чтобы уже он, значит, вытащил Мовсесяна из той ямы, куда он все время норовил свалиться.

И неизвестно, сколько бы это все продолжалось, но Мовсесяна в один из дней вдруг начало буквально выворачивать наизнанку. Как-то даже, при этом, поворачивая вокруг оси.

И вскоре он уже не мог с точностью утверждать, кто он был? Как его звали? Какой он был национальности? В чем причина произошедшего с ним конфликта? Да и вообще, пожалуй, не смог бы ответить ни на один более-менее здравый вопрос. И как бы свихнулся.

Но уже именно этот "свих" поставил его на место. И Мовсесян с тех пор стал веселым и жизнерадостным. А еще необычайно спокойным.

И продолжалось так ровно до того момента, пока Мовсесян, поскользнувшись, не ударился головой об паркетный пол.

И тут же все вернулось на круги своя. И его снова колбасило. И он снова почти ничего не понимал. За все переживал. Что-то искал - и не находил. Да и вообще вдруг стал откровенным идиотом.

Но Мовсесян уже не переживал.

Он понял одно: мы никогда не знаем, что будет с нами завтра. А еще он понял, что жизнь может измениться в любой момент. Притом что совсем неизвестно, в какую сторону.

Но уже как бы то ни было, Жорж Мовсесян с тех пор стал жить в некоем ожидании неких событий, которые могли случиться с ним. И наступление которых было внезапно и неотвратно. И уж точно - начиналось независимо ни от каких причин.

А может и не начиналось. Но Мовсесяну хотелось верить в лучшее.

Сергей Зелинский

23.04.06 г.

рассказ

Так бывает

Миша Рыбкин знал, что у него не бывает проблем с женщинами. Ну, или точнее, их не могло быть. Это предусматривалось. Предполагалось. Можно было предположить, исходя из внешности Миши, и его какого-то особого чувствования женщин.

Небольшой проблемой, правда, было то, что у Миши как-то не было случая проверить подобное на практике. Но теоретически все выглядело хорошо. Более чем хорошо складывалось и в снах Миши. В своих сновидениях Миша вообще походил на секс-гиганта и был любимцем женщин. Они в него влюблялись, а он их удовлетворял. Без всяких условностей и ограничений занимаясь с ними многочасовым сексуальным общением. Причем Миша видел, что женщинам нравилось. Только однажды как-то возникли у Миши сомнения. Но они тут же рассеялись, стоило только какой-то из сновиденческих див взять в свои пальчики его скипетр с набухшим желанием.

И все. Мишу уже было не остановить. Он не только вертел обнаженную девушку в разные стороны, насаживая ее на свой огнедышащий фаллос, но и периодически передавал инициативу в руки самой девушки. И нисколько не пожалел об этом. Ибо то ли девушка ему попала из числа Марь-искусниц, то ли к этому располагали звезды, но Миша выглядел настоящим любовником. А его дама вообще кончала беспрерывно.

Потом у Миши случился какой-то облом. Член вообще не стоял.

Он пробовал так и этак, был готов даже сам выступить в роли женщины, но к счастью, вовремя остановился. И в одну из очередных попыток у него все получилось. Чему, признаться, Миша весьма обрадовался. Весь даже как-то изменился. Купил себе новую одежду, сменил имидж, стал уверен в себе, и еще более интересен окружающим.

И после этого уже нисколько не комплексовал ни по поводу.... В общем, ни по поводу чего. А только радовался жизни, и этой самой жизнью наслаждался.

.....

В один из дней Миша встал как-то поздно, когда на часах уже был полдень, оделся не в пример обычного в совсем неприметную одежду, всунул в рот сигарету, прикурил, и вышел из дома.

Куда должен был лежать путь, Миша не знал. Можно сказать, что подобное с ним иной раз случалось. Миша делал немотивированные поступки, говорил невпопад, смеялся уж и вовсе подозрительно. Но все это через какое-то время принимало осмысленность. В этот же раз ничего подобного не намечалось. И

вскоре Миша забрел в незнакомое место. К тому же у него остановились наручные часы. А на душе стало и вовсе подозрительно нехорошо. Намечалось разочарование в жизни. Такие состояния Миша не любил. Они не только не приносили ему ничего хорошего, но и обычно после этого с ним приключалась какая-то беда. А то и трагедия. Если предположить что беда носила характер чего-то кратковременного, а трагедия -- того, что приходило всерьез и надолго.

В этот раз Миша решил, что он не должен так быстро сдаваться. И даже обязан со всем этим начать бороться.

Вскоре был выработан план, и Миша был готов к борьбе. И когда он уже готов был начать эту борьбу, в его голове словно на миг все прояснилось. А Миша понял, что находится около своего дома. Только с другой стороны.

Он огляделся. Девятиэтажное здание сверкало светом в окнах. Только стемнело, а многочисленные соседи Миши уже включили свет, и стали заниматься повседневными делами: женщины готовить, мужчины смотреть телевизор и пить пиво.

Мише вдруг захотелось выпить. Он зашагал к дому, намереваясь открыть бутылочку коньяка, и утолить жажду.

.....

На удивление, в другой раз все повторилось. Миша вновь проспал до обеда. Потом его потянуло на улицу. Он прошлялся до вечера. Заблудился.

А потом в его голове случилось просветление, и он понял, что стоит около своего дома.

Подобное повторилось и на третий, и на четвертый, и на пятый день.

На шестой день Миша был осторожен. И хотя началось все как обычно (Миша проснулся за полдень), он никуда не пошел. Несмотря на непреодолимое желание куда-нибудь непременно отправиться. Но потом... Потом Миша заблудился в своей квартире. И хотя комнат было всего три, Миша поймал себя на мысли, что каким-то образом забыл их расположение. И ему показалось, что он вообще находится в другой квартире. Чужой. И это уже была трагедия. Потому что Миша по образованию был математик и тут же вывел какую-то особую формулу зависимости. По которой выходило, что какие бы попытки он не предпринимал, ничего по настоящему у него не выйдет. А и вообще все в его жизни будет плохо. Даже более чем.

Миша опечалился. Допускать, чтобы на самом деле было так, ему не хотелось. Но и чего-то другого придумать он не мог.

В голову лезла откровенная ерунда. Миша достал коньяк и напился.

Не помогло.

На следующий день, проснувшись, Миша сразу начал пить. Но алкоголь не спасал. Да и это уже было понятно изначально.

"Что же делать"--задумался Михаил.--"Ведь так, вроде как, все неплохо начиналось".

В то, что начиналось тоже как-то странно, Мише верить сейчас не хотелось. Но он понимал, что и чего-то хорошего с ним уже не произойдет.

У него началась апатия, и какая-то ярко выраженная не любовь к жизни.

"Что же делать"--сказал Миша еще раз.

На удивление, ему уже вообще не хотелось, чтобы что-то с ним происходило. Но и так же не хотелось, чтобы осталось все как было. И Миша понял, что сейчас он по-настоящему запутался. Спрашивать себя что делать - больше не хотелось.

Неожиданно Миша подумал, что самым разумным будет вообще забыть о том, что с ним случилось. И представить, что ничего такого и не произошло.

И уже как только он так представил, у него началось явное улучшение состояния.

А потом и вовсе исчезла всякая ерунда из его светлой головушки. А член Миши налился какой-то невиданной доселе энергией. И впервые за долгое время Мише захотелось женщину.

Но женщины поблизости не было. И Миша занялся любовью с самим собой.

"А что? Тоже форма релаксации",--подумал Миша, сосредоточившись на процессе.

"Ну, по крайней мере, так бывает",--согласился с ним автор.

Сергей Зелинский

13.01.07 год.

рассказ

Сволочь

Иногда Степан Колесов ощущал себя сволочью. Ему, конечно, не нравились подобные ощущения. Можно сказать, он хотел (и даже собирался) от них избавиться. Но вероятно сделать это было намного труднее, чем того захотеть. А даже признаться, что не всегда у него получалось и захотеть.

И тогда уже почти все подобные попытки вполне можно рассматривать как нечто случайное, и от него независящее. Быть может вообще - ни от чего не зависящее. Ну а как еще иначе?

Степану Колесову было сорок. Подавая когда-то неплохие надежды (с отличием институт и аспирантура) он неожиданно спился. Так и не подойдя к защите диссертации. А потом и вовсе факты истории (планировал когда-то стать великим историком) Степан стал подвергать сомнению. И вовремя поняв, что начинает заниматься вообще черт знает чем, успел остановиться. И стал просто пить. Постепенно перестав обращать внимание на действительность. Словно бы этой действительности для него не было.

Но ровно за мгновение до того, как должен был погрузиться в свой внутренний мир (уже словно бы и окончательно, без надежды когда-нибудь оттуда выбраться, и готовясь потерять связь с миром внешним) Колесов как будто опомнился. В мозгах его вновь что-то перещелкнуло. И он остановился на нейтральной полосе. Так для себя и не решив, кем он стал: дураком или придурком.

Притом что Степану, разумеется, не хотелось быть ни тем, ни другим. Он вообще полагал, что человек не должен что-то подобное считать о себе. И пока он человек, у него был шанс изменить ход истории. Истории если не глобальной, мировой, то, по крайней мере, повлиять на то, что происходило рядом с ним.

И у него вполне были все основания одуматься. И даже появилась такая возможность. Как и вообще возможность подумать. Хоть о чем. Ну, хотя бы о том, что в собственной жизни

можно достичь несравненно большего, чего к этому времени достиг он.

А так как, собственно, он почти ничего и не достиг, то перспектива перед ним открывалась более чем занимательная. И если что и нужно было делать в первую очередь, так это действовать. Действовать, невзирая ни на что. И, разумеется, действовать, не обращая внимание на какие-то побочные обстоятельства. Как-то - пьянка, например.

И, наверное, уже здесь можно заметить, что к самой пьянке Колесов относился как к чему-то, чего, в общем-то, и никогда не было. Да он и вообще, если разобраться (ну, то есть, если подойти к данному вопросу обстоятельно) и не пил-то вовсе. Никогда.

Степан был самым, что ни на есть, трезвенником. И что касалось алкоголя,-- не употреблял его ни в каких количествах. И относился к тому так, словно его никогда в его жизни и не было.

И это была одна из загадок, которые он бы очень хотел разрешить. Потому что Степан Колесов был пьяница. С одной стороны. А с другой - трезвенником. Да еще и трезвенником, каких свет не видывал. И все заключалось в том, что один вариант (уже считавшийся как бы обстоятельством его жизни) был в реальности. А второй - в его представлении об этой реальности. И если варианты пересекались, то только в обличительном давлении одного над другим. Причем иной раз между ними разгоралась самая настоящая борьба. Кто-то даже грозил одержать вверх. Но подобного не случалось. И прежде всего потому, что именно Степан и должен был решить: где же правда, а где вымысел. И уже в зависимости от этого, можно было разобраться и в том, кто же

он на самом деле: пьяница (со всеми вытекающими отсюда последствиями) или же трезвенник (со своими последствиями тоже).

И как-то выходило так, что решить-то это толком оказалось невозможно. Ну, то есть, невозможно было придти к какому-то единому знаменателю. И, по сути, разобраться - кто есть кто.

И уже как бы за то, что Степан очень переживал из-за этого, говорило то обстоятельство, что он уже больше десяти лет пребывал как бы в некоем вневременье. Откладывая все дела на потом. И, конечно же, невероятно мучаясь от идентификации (отождествления) себя. Ибо это-то как раз сделать и не удавалось.

И было ему еще больнее от того, что уже именно вследствие этого считал он себя сволочью. Самой что ни на есть последней и распрекрасной. И знал, что подобные мысли уйдут после того, как они решит свою дилемму. Которая совсем и не хотела разрешаться. Ну не сволочь ли она после этого? Да и, наверное, он.

И загонял себя Степан своими размышлениями еще глубже в бессознательное. И уже видимо так находил какую-то отдушину. Ну, если это было возможно.

И наступил наконец-то день, когда Степан Колесов решил для себя разобраться во что бы то ни стало во всем. И придти к этому самому чертовому единому знаменателю.

Но решить-то он решил, да у него толком ничего не выходило. И нужный ему ответ (видимо предчувствие этого ответа) никак не шел.

Хотя и отчаиваться Степан был не намерен. Он вообще с недавних пор решил для себя не отчаиваться.

.....
.....

Не отчаиваться, конечно, было намного сложнее, чем об этом говорить. А тем более - мечтать.

Можно даже сказать, что это и вовсе было невозможно. Ну, насколько, конечно, что-либо вообще можно сделать, если действовать по какому-то запрограммированному стандарту. Шаблону. Стереотипу. Стереотипу, выдуманному главным образом самим Колесовым. Потому что стал понимать он, что, по сути, привязывает сам себя к каким-то рамкам (загоняя в них). И словно бы и намереваясь выбраться. Да... Да не так-то и просто это сделать. А может с недавних пор уже и невозможно.

И уже стоило только Колесову решить так - как бросал он все дела. И словно бы отчаивался. Не решаясь (в течении какого времени) двинуться дальше. Останавливаясь, иной раз, на полпути. И...рассуждая.

...В этих вот рассуждениях и проходила его жизнь.

Рассуждения было тем, что подменяло его жизнь. Вынуждая оставлять как бы на втором плане - жизнь другую. И может даже... смириться с происходящим. Не решаясь на происходящее взглянуть трезвым взглядом. Увидеть в нем что-то замечательное. Нужное. Важное. Необходимое. Необходимое ему. И...

И когда Колесов готов был уже распростереть руки в крике отчаяния, крике о помощи, у него случилось озарение. И на

миг удавалось увидеть какое-то будущее. Будущее, которое было радужным и очень-очень замечательным.

И уже видимо это дало ему силы к продолжению жизни. Хоть и ничего в его жизни не изменилось. И он все также ощущал себя сволочью.

Но уже знал, что когда-нибудь все изменится. И жил, наверное, ожиданием.

Сергей Зелинский

7 мая 2006 год.

рассказ

Дурак

Пролог

Он был дурак. Какой же он был дурак. Но ведь и на самом деле дурак.

Проходили годы. Он оставался таким же. Неосознаваемо-прекрасным в своей глупости. Ничтожным, по сути. И ужасно нелепым. До комичности смешным. Тщедушным и несчастным.

И ничто не способно было его исправить.

Он был дурак. И этим все сказано.

1

Гриша - худой, нескладный, убогий - смотрел снизу вверх на новые, недавно выстроенные ворота, и не понимал, какую своим лицом необходимо было выразить реакцию.

Ну, например, можно было -- удивление. А можно -- протест. А может, например, и самую настоящую радость. Или печаль; боль; разочарование...

Он мог выразить все что угодно. И у него появилась заманчивая мысль выразить все сразу. Чтобы уж, как говорится, разом и охуеть от всего. От свалившегося счастья.

И Гриша задумался, не зная как реагировать. Ведь можно было не реагировать никак. А можно, например, сделать вид, что не реагируете, и отреагировать самым надлежащим образом. Тут уж, как говорится, было бы желание, фантазия, да допустимость идти в реализации каких-то позиций до конца. И хотя Гриша подумал, что он вообще-то не очень готов идти до конца, он тем не менее к чему-то все же готов. Готов, например, погрузиться в собственные мысли. Что для Гриши было равносильно наступлению чего-то невозможного. Почти что сверхъестественного. И нереального по сути.

Ну и, конечно же, ранее подобного он себе никогда не позволял.

2

Ног не такой был человек Григорий Рюриковский, чтобы сдаваться. Совсем даже не такой.

Двадцать три года он уже жил откровенным придурком. Ну, и еще лет двадцать до того - просто придурком. (И лет пять, наверное, дурачком.)

Когда возраст Рюриковского стал приближаться к пятидесяти, ему уже пришлось признать, что он просто дурак. Дурак и все. Без всяких там сантиментов. Ну и, конечно же, никаким дураком (или даже придурком) быть он не хотел. Умным тоже не хотел. Но и чтобы дурачком...

А потому надеялся на чудо.

.....

Чуда не произошло.

Проходили годы. Григорий Модестович Рюриковский так и ощущал себя, как минимум, придурком. Ну а как максимум - дураком. Все же дураком.

Так же, впрочем, его считали окружающие. Да и вряд ли кто не считал так.

Но и прощали ему при этом тоже все. Мол, какой спрос с убогого? А Гриша... Григорию не то что не нравилось такое положение вещей, но он, наверное, к нему привык. И исходя из подобного положения, ему совсем ничего не нужно было делать. Совсем неважно было заботиться о том, как он выглядит. Что думают о нем окружающие. Ну, знал он, как думают о нем окружающие. Ну и что с того? Ведь не били же?! Хуже было бы, наверное, если бы были. А так -полнейшая идиллия. И непререкаемость авторитета Григория абсолютно во всем. Ну - дурак и дурак. Какой с дурака спрос.

И лишь может где-то в глубине души Григорий переживал от того, что он такой.

Но более никак не реагировал. Не выражал чувств, желаний, эмоций. А значит...

А значит вполне можно было оставить все так, как есть. И более ни к чему не стремиться.

Заключение.

А ворота те Гриша сжег.

Все равно они навели его на какие-то не хорошие мысли. Ну а так, получалось, с глаз долой из сердца вон. Чтобы

стало легче. Ну, в смысле, чтобы Григорий хоть немного успокоился. Иначе чем объяснить, что он спалил новые соседские ворота.

Хотя, разве дурака поймешь?

Сергей Зелинский

Весна 2006 год.

рассказ

Ираклий Веселовский

1

У Веселовского Ираклия - жизнь была веселая.

Смешной и наивный, Ираклий был до искренности (почти до самых крайних ее границ проявления) честен с окружающими. Так, что в его двадцать - его считали как минимум придурком. И давали ему кто бубличек, а кто и кружку пива. Причем до любого алкоголя Ираклию было все равно. Пиво, водка, коньяк, ликеры... Ираклий не пил ничего, кроме молока.

А если того по каким-то причинам не было, пил все. И не пьянел. Совсем. Никогда!

.....

Напоить Ираклия пытались многие.

Они подносили ему кто чарочку водки, кто рюмочку коньяка. Ираклий все выпивал как воду и не пьянел. (Воду он тоже, конечно, пил. Причем достаточно удивительная деталь: хотел Ираклий воды - пил воду; не было воды - пил все, думая, что это была вода. И видимо в его представлении это действительно была вода. А от воды разве опьянеешь?)

.....

Однажды какие-то не очень добрые люди решили напоить Ираклия квасом. И видимо то ли он что-то перепутал, то ли в квас подмешали что-то уж совсем не то, но только напился Ираклий в хлам. Да и загнал благодетелей на фонарные столбы.

И они сидели там, пока их не сняла милиция. А Ираклия отпустили. У него была справка из психиатрического диспансера о том, что он невменяем. Дурик, в общем. И лучше его никому не трогать. Убьет - и ничего не будет.

И люди верили этому (слух как-то быстро разнесся по окрестности). И Ираклия теперь старались обходить стороной.

И никто не знал как минимум двух моментов: 1. Ираклий был здоров (причем и психически и физически). 2. Легенду о психической невменяемости придумал местный участковый, какой-то дальний родственник Ираклия Веселовского.

Но никто не знал и того, что сам Ираклий - панически боялся врачей. Люди в белых халатах внушали ему дикий ужас, и желание как можно дальше убежать от них.

И Ираклий стал собираться в побег.

Жил он с мамой. Женщина работала в три смены. И бежала с одной работы на другую. Да и график был - день, ночь, вечер, утро... Ненормированный, в общем. И заниматься сыном... Возможности заниматься сыном не было. По доброте душевной она положила на Ираклия и его разумность. Ошиблась. Иной раз и в двадцать лет по своему развитию люди бывают как подростки. А Ираклий был как будто и еще меньше.

И с этим походом он бы вполне возможно натворил всяких глупостей, если бы кто-то не напоил его вновь. На этот раз - джином с тоником.

Высадив десять банок, Ираклий и сам превратился в джина. И уже готов был или взлететь, или заползти в бутылку. И то и другое при двухметровом росте Ираклия и весе под центнер оказалось затруднительно.

И тогда Ираклий стал петь песни. Пел он и высоким и низким голосом. Брал любые октавы. Ему одинаково хорошо удавалось спеть и фальцетом и басом. И он бы, наверное, спел бы и еще как-нибудь, если бы знал как.

Потому что до этого ни музыкой, ни пением Ираклий не занимался.

Он вообще - до этого - ничем не занимался. И даже школу не закончил. И все по причине душевной несостоятельности. Психической болезни то есть. И уже то, что у Ираклия до сих пор еще не было соответствующей справки (липа от участкового не в счет), объяснялось лишь одним: Ираклия пока не обследовали врачи.

Но это, наверное, был вопрос времени.

.....

И так случилось, что нашелся человек (врач-психиатр по образованию и месту работы), который настоял на прохождении Ираклием соответствующей экспертизы.

И сам вызвался проводить ее.

Экспертиза планировалась серьезная. Сначала Ираклия, с согласия его матери, на месяц поместили под стационарное наблюдение (причем как минимум у трех психически больных после контактов с Ираклием началось обострение, а медбрат сошел с ума). А потом состоялся консилиум врачей. Из трех человек. Два из которых признали Ираклия Веселовского относительно здоровым. А один - придурком, каких еще свет не видывал.

Но голоса перевесили. Ираклия отпустили. Перед ним и его мамой извинились. И, в общем-то, оставили в покое. Желали оставить в покое. Но Ираклию...

Ираклию так понравилось в лечебнице для психов, что он попросился на повторную экспертизу. А когда ее отклонили ("...экспертиза только что состоялась, вы здоровы, пошел вон, дурак..."), Ираклий поджог клинику.

И его посадили. На три года. В колонию общего режима.

Там Ираклию Веселовскому совсем не понравилось. Там его не только считали настоящим придурком (причем считали почти все), но и заставляли делать самую грязную работу. И даже чуть не изнасиловали.

.....

А потом Ираклий попал под УДО (условно-досрочное освобождение).

Но по выходу из лагеря, в психиатрическую клинику, как намеревался, не пошел. А стал, как и несколько годами прежде, жить уличной жизнью. В том смысле, что бродил по улицам. Пил воду и молоко. Пил алкогольные напитки (думая, что это вода, и по-прежнему не пьянея).

А иногда напивался с кваса в драбадам. И гонял тех, кто напоил его.

Но больше ни в милицию, ни в дурку его не забирали. И как будто даже оставили в покое.

3

А потом Ираклий Вахтангович Веселовский неожиданно поумнел. Ну, или просто взялся за ум. Причем, обоими руками.

Он последовательно закончил школу, институт, еще один институт. Потом написал и защитил диссертацию.

И в сорок один год - Ираклий Вахтангович уже возглавил кафедру психологии одного из московских вузов (в Москву он уехал учиться сразу после окончания первого института). И, в принципе, практически полностью изменил свою жизнь.

И только иногда ему хотелось пошалить.

Но на провокации Ираклий Веселовский не поддавался. Он стал степенным человеком. И этим гордился.

Сергей Зелинский

21.04.06 г.

рассказ

Музыка

1

Федя Кулибин пребывал в извечном поиске.

Чем больше он думал об этом, тем больше все казалось ему каким-то странным. И отчего по телу его расплзлась какая-то предательская неуверенность.

И потому он иногда совсем старался не думать ни о чем. Словно это и на самом деле приносило ему лишь только разочарование. И после этого уже больше ничего не хотелось. Как только напиться, и, например, уткнувшись в подушку (лучше просто было сесть у окна, оперев подбородок на раскрытые ладони) и начать плакать.

Если Федя когда-либо себе и позволял это, то старался, чтобы никто его при этом не видел. А так как его плачь с возрастом (сейчас Феде было 27) случался все чаще, то Федя вынужден был и работу подобрать себе такую, чтобы не связывать себя необходимостью общения.

Поэтому Федя был гармонистом.

Репетировал он исключительно дома. И почти всегда в полном одиночестве. Притом что, если и можно было допустить нахождение рядом с Федей хоть кого-нибудь, то этим кем-то могла оказаться лишь только его бабушка. Почти совсем слепая и слабослышащая.

Но бабушка каким-то образом улавливала доносившуюся до нее из соседней комнаты (Федя играл в своей комнате) музыку. И должно быть это будило в Фединой бабушке (маме отца) какие-то воспоминания. Судя по всему, приятные воспоминания. Потому что бабушка вдруг ни с того ни с сего начинала смеяться. Или даже подпевать.

Федя тут же прерывал игру и как-то даже смущался. Пусть бабушка и была единственной его слушательницей, но ведь это все-таки был слушатель. Воображение Феде рисовало какие-то совсем уж воздушные картины, в коих были цветы и поклонницы, и явно тешило Федино самолюбие. И от этого ему не только

становилось приятно, но и он явно начинал смущаться. При этом, случалось, погружался в какой-то удивительный мир. В котором было совсем не так, как на самом деле.

И чем больше Федя пребывал в этом мире, тем больше он верил самому себе. А о том, что все это были лишь его иллюзии, уже не думал. Бессознательно боялся. Не хотел. Исключал для себя такую возможность. И желал... В душе Федя желал, чтобы было все иначе. А как оно на самом деле было?

2

На самом деле все было, конечно же, не так. Но, наверное, мало кто из нас так-то уж желает жить в какой-то правде. Потому что будь она такой - и отказывалась бы психика в иных случаях принимать даже половину из нее. Ведь существует достаточно большое количество людей, которые возводят желаемое в действительное. И в этом даже не было бы ничего страшного, если бы тем самым эти люди не запутывали себя. И после уже начинали жить в исключительно искаженном мире, мире искаженной реальности.

Хотя и в ином случае, быть может, и вообще бы никакого мира не было. А опустились бы у них руки. И не хотелось бы больше ничего. Как тому же Феде. Ведь иногда на него накатывало именно такое состояние. И в лучшем случае он мог начать пить. И играть на своем баяне. Словно бы возводя с музыкой волшебный замок, который все время оставался недостроенным в его воображении.

И уже как бы то ни было, это вполне устраивало Федю. Хотя и действительно во всем этом больше угадывалось какой-то вынужденности. Чем... реальности.

3

Трудно было сказать: каким же Федя Кулибин был на самом деле?

Мне почему-то казалось, что он не был таким уж недоумком. Да и нельзя, наверное, было говорить об совсем уж отсутствии у Феди какого-то ума. Скорее всего, уместней было вести речь о некоторых заложенных в подсознание Феди странностей.

И тогда уже именно эти странности порой и отзывались появлением загадочных поступков его. А еще раньше - характеризовались возникновением почти столь же странных (нелепых и загадочных) мыслей. Мыслей, которых никому почти и угадать-то было невозможно. Разве только хоть как-то предположить возникновение их.

Но и это почти совсем не решало проблемы. Ибо должно быть самой проблемой (главной проблемой) была жизнь Феди. Жизнь, с которой он иногда (случались такие мгновения) хотел и расстаться.

Но и все же, мне почему-то казалось, что это было в большей степени неосознаваемо Федей. (Просто мне не хотелось верить, что он готов был сознательно уйти из жизни.) А Федя? А Федя, наверное, не думал и половины из того, о чем думали другие. А просто когда подступали совсем уж печальные мгновения - садился и играл. И играл он так, что хотелось плакать.

Ибо в такие минуты и сам Федя необычайно преобразовывался. И у тех, кто оказывался невольным слушателем его (помимо бабушки были еще люди, пусть и случайные в большинстве своем; ну, соседи, например) как-то подбиралось настроение, схожее с тем, которое было на тот момент в душе Феде. И окончательно мешала им всем разрыдаться именно музыка. Потому что совсем нельзя было допустить, чтобы упустить хоть аккорд из нее. И музыку хотелось действительно слушать. И как замороженные все следили за игрой Феде Кулибина, который играл как очень одаренный музыкант.

И музыка эта многим помогало что-то понять по-другому. И что-то вспомнить, что уже вроде как окончательно было забыто. И это действительно было так. Музыка радовала, будила воспоминания, и даже казалось - давала ответы на какие-то жизненные вопросы. Которые, конечно же, были у каждого. А тут вдруг - словно исчезали.

И пусть все знали, что музыка закончится, и все возвратится на круги своя. Ведь можно было допустить, что такого могло и не произойти.

А может и действительно не произойдет. Особенно если искренне верить...

Сергей Зелинский

12 июня 2006 год.

рассказ

Принцип реальности

1

Почти никогда еще Саше Андрееву не было так хорошо. Впервые за многие годы мучительнейших исканий он приблизился к квинтэссенции собственных размышлений: принципу реальности.

Открыл его он. Ну, быть может, не совсем он. Саша закончил немало учебных заведений, и знал, что над подобным проектом работали многие ученые (к категории ученых он причислял и себя). А некоторым из них даже удавалось изобрести нечто похожее.

Но вот что Саша знал наверняка, то, что удалось понять ему (тягостными размышлениями он шел к этому) - поистине заслуживало того, чтобы вписать его в ряды тех, у кого действительно получилось. Саша верил в свой успех. Ведь разработанный им принцип был и на самом деле интересный.

Ну, прежде всего, из чего он состоял. Когда Сашу спрашивали, он объяснял примерно так.

Каждый человек строит свою жизнь в рамках соответствующих стереотипов. Это так. Это первое. Второе: в результате действующих стереотипов такой человек ("индивид", -- поправлял себя всегда Саша) надевает на себя соответствующую маску ("или вымышленный образ", -- объяснял Саша), который отныне присущ ему, и с которым должны "считаться" окружающие. Это второе.

Третье. И вот тут-то как раз и имело место Сашино открытие. Ибо выявил он, что индивид, одевая на себя такую маску, уже как бы обрекает себя на существование в рамках ее. Тем самым - ограничивая себя. И не позволяя своему сознанию - выйти за рамки. ("Мыслит и действует в рамках некоего

приготовленного им же самим мотива поведения",--усмехнулся Саша.--А ведь так быть не должно,--добавил он).

Саша, не в силах сдерживать распиравшие эмоции, вскочил и стал быстрыми шагами мерить свою комнату, которая служила для него кабинетом.

--И, получается, у него нет уже иного выхода...

--Вот-вот!--радостно потер ладошки Саша, и только тут оглянулся, отыскивая того, кто вмешался в ход его рассуждений.

--Нет-нет, вы продолжайте, пожалуйста,--услышал он голос невидимого собеседника.

--А, черт с тем, что невидимый,--подумал Саша.--Ну так вот,--продолжил он.--По всему получается, что наш индивид оказывается действительно скован навязываемыми ему извне рамками приличий (Саша с трудом сдерживал улыбку, но заставил себя не отвлекаться),--и вынужден как бы строить свою жизнь уже в соответствии с выбранной - собой же (Саша акцентировал внимание) ошибкой.

--Так,--услышал Саша одобряющий голос своего невольного слушателя, и решил продолжить.

--...Нет, если можно, здесь хотелось бы поподробнее,-- попытался прервать Сашу его слушатель, но это у него не получилось, и Саша Андреев сначала закончил свою мысль, а потом уже удивленно стал осматриваться в своем кабинете, словно бы припоминая, что тут ему только что возразили.

Видя, что больше ему никто не отвечает. Саша переспросил.

--Ах, да,--кивнул головой он, когда "собеседник" повторил вопрос.--Значит, вас интересует, возможен ли

самоличный выход нашего индивида из навязываемых им самим же рамок?--уточнил он.--Так отвечу вам, что нет,--Саша захохотал, про себя удивляясь комичности ситуации, в которую попал своим глупым вопросом его собеседник.

Видимо тот оказался удивлен, и даже произнес что-то наподобие того как: "не может быть" (ну или что-то подобное), потому как Саша принялся хохотать вновь, и уже его было не остановить.

Ну, или остановить очень трудно.

.....

Когда Саша закончил смеяться, была уже глубокая ночь. И словно бы ничто не говорило о том, что недавно у Саши вообще состоялся с кем-нибудь разговор.

Да и он, можно сказать, в это уже и не верил. Он лишь был уверен, что недавно совершил какое-то открытие.

Но самое печальное было то, что Саша напрочь забыл тему своего открытия. И сколько не пытался - вспомнить не мог.

А потом у него начались какие-то неожиданные погружения в прошлое. Когда события, произошедшие с ним пять - десять - пятнадцать лет назад, как бы заново переживались им. И от этого ему становилось очень и очень плохо.

Но, наверное, самое ужасное было то... Нет. Самого ужасного как раз пока не было. Саша понимал, что все-таки он совершил какое-то очень важное открытие. И вспомнить в чем оно заключалось, теперь была для него наиглавнейшая задача. И он вспоминал...

2

Вспоминал он долго.

Иногда казалось, что как будто бы к чему-то он (в своих размышлениях) и приближался. Но при этом тут же и с такой невиданной силой Саша принимался возражать себе, что через время уже разом отбрасывал себя на былые позиции.

И Саша невероятно переживал подобное. Он даже заболел. По почти тут же поправился. Останавливаться было нельзя. И он это знал.

А потом он неожиданно умер.

И это, наверное, было самое печальное.

Сергей Зелинский

21 апреля 2006 год.

рассказ

Неизвестность

1

Нет, конечно, он даже не подозревал, что будет так тяжело.

Что когда-нибудь ему будет так тяжело.

Но если это когда-нибудь должно было случиться, то случилось сейчас. И произошло так внезапно, что он оказался к этому не готов. И подобное его расстраивало больше всего.

2

Карл Моисеевич всю жизнь (уже прожитую, по сути) избавлялся от чувства от чувства вины. Патологического чувства вины. Мучительного и ужасного чувства вины.

Избавлялся - и не мог избавиться.

Он жалел всех. И тяжелее ему было - от поступков, когда-то им совершенных.

Причину возникновения большинства из них - он не знал.

--Ну, как так выходит?--не раз задавал себе вопрос Карл Моисеевич.

...И уже дальше он обычно не продолжал. Знал, что и продолжить-то нечем.

И от всего этого настолько тяжело становилось Карлу Моисеевичу, что он все больше склонялся к мысли: жизнь у него не удалась.

Хотя и это, конечно, с какой плоскости смотреть. Ведь вполне можно было заметить и нечто иное. Например, то, что в советские годы Карл Моисеевич был орденосцем. Работал в горкоме партии. Воспитал двух сыновей, которые принесли ему пятерых внуков. Был дважды женат. Второй раз уже после самоубийства первой супруги. (Женщина сошла с ума (наследственность); и случайно поскользнувшись во время припадка - ударила головой об цементный пол их недостроенной дачи.)

Дачу Карл Моисеевич после смерти жены сжег. От детей отказался. Вернее, это они решили, что папа в припадке ярости убил маму. И от него отказались. Оградив, в том числе, от убийцы и внуков.

Было Карлу Моисеевичу пятьдесят девять лет. И он уже устал от жизни.

3

Но, конечно же, так говорить было бы слишком преждевременно.

Потому как Карл Моисеевич с недавних пор стал ощущать себя совсем другим человеком. Умным и молодым. Хотя

подсознание усиленно намекало ему, что он старый дурак. Что он глуп и стар. Что он...

Но Карл Моисеевич никого не слушал. А подсознанию вообще не верил. Верил он только себе. И это ему было вполне достаточно.

4

Уже как неделю Карл Моисеевич мучился от какого-то нового чувства. Чувства неизвестности.

Причем, какое на самом деле произойдет событие, он не знал.

Но почему-то был уверен, что оно непременно произойдет. Да еще и - именно с ним.

.....

Когда гонять собственные мысли не было уже никакой возможности, Карл Моисеевич взял ружье (он считался охотником и даже имел соответствующий документ), завел свой старенький УАЗик, и уехал.

Куда он ехал, Карл Моисеевич пока не знал. Но где-то впереди его маячила неизвестность. И он, во что бы то ни стало, обязан был ее разыскать.

Ну и поговорить, разумеется, с ней по-своему. Чтобы разом решить вопрос. И, уже так получается, закрыть тему.

И Карл Моисеевич обязан был, во что бы то ни стало, это сделать. Чтобы даже не возникало соблазна больше о чем-то думать.

Переживать и расстраиваться.

.....

Когда он приехал на место, было уже за полночь. И Карл Моисеевич долго ругался (чертыхаясь и мастерясь) не находя того, что он искал. Зачем он приехал. Лишь палил во все стороны, пока не кончились патроны.

А потом уснул сном мертвецки пьяного человека.

(Вообще-то, Карл Моисеевич не пил. Но в этот раз нажрался в хлам. И был этому, в общем-то, рад.)

И что еще было самое интересное - Карлу Моисеевичу снились хорошие сны. Добрые и светлые. Каким когда-то был он и сам. Пока его не скрутила жизнь.

И вот если бы кто спросил Карла Моисеевича: какая это жизнь,-- он бы наверное и не ответил. Только бы перезарядил ружье, да и пальнул не глядя. В сторону задавшего вопрос. Вопросы Левинсон.

А вообще Карл Моисеевич Левинсон был добрым человеком. Он просто запутался в жизни. Не зная выхода из сложившейся ситуации.

Впереди по-прежнему была неизвестность.

А неизвестности он всегда опасался...

Сергей Зелинский

22.04.06 год.

рассказ

Сомнения

Аркадий ничего не понимал. Ему вроде как и казалось, что он что-то понимает, но было понятно, что ничего не понимает. И было ли все на самом деле так, как он думал? Или в действительности он всегда ошибался? Почти всегда ошибался...

"Но ведь подобного не может быть"--предположил Аркадий.--" Хотя и, с другой стороны, совсем не может быть, чтобы я вообще никогда не ошибался"?

"Как не могло быть, что я...".

Он запутался. Раньше он как-то предпочитал не сомневаться в собственных словах или поступках. Теперь же были все основания признать, что раньше он попросту заблуждался.

"Заблуждался..."-- Аркадий повторил слово, словно бы на ощупь пробуя его.

По всему выходило, что он уже давно ничего не понимает.

"Но если это так?!--задумался он вновь.--Нет!--Аркадий покачал головой.--Так (он повторил: "так") - просто не может быть. Не может..."

"Ну хотя бы потому, что он этого не хочет",--уже чуть веселее подумал Аркадий (и на его лице появилось что-то на вроде улыбки).--"Да, верно, так это не может быть",--повторил он про себя еще раз.

"Но вот если все же допустить"--лицо Аркадия вновь скривила гримаса боли. Боли... "И откуда взялась боль",--подумал Аркадий. (Его зубы жестко сдавили друг друга, словно бы в отчаянной попытке раздавить гадину, случайно попавшую в пасть.)

"Вот же действительно гадина,--решил Аркадий.--И если все и дальше будет складываться таким образом, то совсем неизвестно, что получится в будущем. Если, конечно, можно было говорить о каком-то будущем"...-- Аркадий, в который уж раз, задумался. Отчаяние все больше расплзлось по нему, подчиняя

разум. Разум, который уже давно, по сути, отказывался подчиняться. И с которым Аркадий с недавних пор желал расправиться. Ну, или, хотя бы наказать его. За все страдания. Ибо у Аркадия были все основания подозревать, что он-то как раз и был виновником всех его страданий.

"Нет..."--Аркадий в ужасе покачал головой. Он совсем не мог поверить, что предатель затаился так близко. И, получается, в любую секунду мог нанести удар.

"Но что же тогда получалось?.. Если враг был близко, то кто же тогда мог помочь ему, Аркадию?.. Кто был, как говорится, за него? Неужели..."

Аркадию стало стыдно. Он вдруг подумал, что пытается сейчас обвинить того, кто, быть может, больше всего когда-то ("пусть и когда-то",--подумал Аркадий) о нем заботился. Ведь если это так, то у Аркадия уже совсем никого и не осталось. И ему просто придется смириться с предательством.

"Но... Если это уже получалось действительно так, то тогда,-- закручивал Аркадий новую цепь размышлений,-- смело можно было прекращать любую борьбу. И уж точно - ни на что не надеяться. Как будто бы даже не ожидая, что все это когда-нибудь сможет ему помочь".

Верить в это Аркадию не хотелось. Где-то в глубине души ("ну и что, что в глубине",--пытался приободриться Аркадий) теплилась надежда (совсем, надо заметить, неожиданная), что что-то еще может измениться. Ведь так просто не могло быть, чтобы на этом все и закончилось.

Не могло быть... Сколько раз Аркадий уже произносил эти слова. Сколько раз ему казалось, что ничего страшного не

происходит. Сколько раз он верил, что такого просто нет. А если и есть - то это происходило не с ним. Совсем не с ним. Совсем даже не с ним...

Аркадий задумался. А ведь и действительно получалось, что и не с ним. И что с ним-то как раз,--обманчиво думалось ему (Аркадий усмехнулся) ничего как раз и не происходит... Уже можно было сказать, что он сам - как будто бы - и убежал от этого. И считал, что ему удастся обманывать судьбу.

--Глупец,--Аркадий с сожалением усмехнулся куда-то вглубь себя.--Как же он ошибался. И сколько таких ошибок совершил... А сколько еще предстоит совершить...--от неожиданности Аркадий готов был заплакать. Его словно бы ударила жизнь головой в нос. И на глазах появились слезы.

Но нет... Аркадий пока еще не плакал. И наверное, должно было случиться действительно какое-то самое невероятное (и жестокое) предательство (ну, например, если бы душа его - предала сердце), чтобы Аркадий по настоящему заплакал.

Но тогда бы он уже не просто заплакал, а завыл бы по-бабьи, в голос, привлекая внимание и думая о том, как красиво все-таки удастся рыдать.

Хотя случалось, что он плакал искренне.

Так, Аркадий, помнится, плакал, когда на его глазах в машину родителей (он даже видел за какую-то долю секунды до того улыбающееся лицо мамы в окне, весело махавшей ему рукой) врезался другой автомобиль. И хоть все остались живы и даже не потребовалось приезда "Скорой", маленький Аркадий тогда представил, что могло произойти, и заплакал.

Или как плакал он, когда умерла его бабушка, которая вечером пошла спать, пожелав ему спокойной ночи, а утром уже не проснулась.

Чуть не заплакал и Аркадий когда собрался было жениться, а на его предложение предполагаемая невеста рассмеялась да и чуть ли не послала его куда подальше, вовремя опомнившись и сделав юноше минет, чтобы он особо не переживал.

...Сейчас Аркадий уже как вроде про все это забыл. Смог спрятать в такой уголок памяти, чтобы, когда надо было, решить что забыл. А получается - он все помнил. Помнил до сих пор, хотя самому ему недавно исполнилось пятьдесят, и уже казалось, что если что-то подобное когда-то с ним и происходило, то, что уж точно, в глубоком прошлом. Получается - не глубоко. И получалось, что это все в любой момент можно было из памяти извлечь. А то и - оно способно извлекается само, как будто никого и не спрашивая. И уж точно не зная ответ на вопрос: зачем?

Или об этом не знает только Аркадий? Потому что на самом деле, от Аркадия-то как раз ничего и не зависит. А все зависит от загадочного архитектора судей, который сам решает, что будет с тем или иным индивидом. И никого, разумеется, не только не спрашивая, но и не прислушиваясь, если бы кто вдруг решил пояснить свое мнение.

...Нет... Что-то давно уже было не так,--стал подозревать Аркадий Львович. Много складывалось не так... Совсем не так... Не так, как, быть может, было должно. И что уж точно, совсем не так, как рассчитывал сам Аркадий. Ведь он наверняка на что-то рассчитывал...

Аркадий понял, что он запутался, и уже, по всей видимости, окончательно. И если еще недавно и хотел что-то понять - уже становилось ясно, что не поймет. Потому что он давно уже не понимал одного: почему до сих пор еще он продолжает жить?

И это видимо было самое печальное. Потому что... Потому что Аркадий вдруг понял, как ему на самом деле тяжело жить со своими воспоминаниями. Они, именно они тянули его назад, отбрасывали назад, и готовы были уничтожить там, в мнимом прошлом, которое он уже ненавидел.

Но разве мог он отказаться от него?

Мог?

Не мог?

Аркадия до сих мучили сомнения. И он знал, как будет дальше.

Сергей Зелинский

18.04.06 г.

рассказ

Сомнительное счастье

1

Павел Каракин мог считать себя счастливым.

И он действительно был бы таким, если как минимум - был бы на порядок глупее, чем был на самом деле.

Нет. Паша Каракин глупым никогда не был. Станным - да. Загадочным - тоже может быть. Но не глупым. Хотя, должно быть, и о каком-то большом уме пока говорить не приходилось.

И все же, если достаточно беспристрастно подходить к оценке Пашиных интеллектуальных способностей, то следовало остановиться где-нибудь на середине. Хотя и совсем на чуть-чуть - зашкаливало в одну из сторон.

Но этого зашкаливания никто не замечал. Никто, потому что как-то уж действительно сознательно Паша старался оградить своих постоянных знакомых от того, чтобы они лезли в его жизнь. И они не лезли. Они даже боялись что-либо замечать в ней. Замечать какое-то не соответствие того, что было на самом деле. И что, по их представлению, должно быть.

И это могло бы считаться удивительным, если бы никто из них не знал Пашу, как им казалось, лучше, чем он был на самом деле. И даже лучше, чем он знал себя.

.....

Паша страдал от такого мнения знакомых. Для него все же привычнее было оставаться один на один со своими мыслями. Так, чтобы никто (и ни в коем случае) не вмешивался туда. И, по большому счету, не желая никому ничего плохого, Павел уж как-то слишком быстро обрывал любые контакты. Как только замечал, что какой-нибудь из его немногочисленных знакомых желает к нему приблизиться на более допустимый (и отведенный для каждого) уровень. Павел Каракин вообще не терпел, когда кто-либо вмешивается в его жизнь. И даже от одного такого предположения (о возможности со стороны кого-либо) приходил в невероятное раздражение. Притом что это только внешне выглядело как раздражение. А внутри Павла разливалась настоящая тревога. А рождаемое беспокойство, наверное, уже трансформировалось в нечто страшное, по сути. И достаточно

странное. Если бы вдруг кто-то посмотрел на Пашу
беспристрастным взглядом.

И словно бы и не желая ничего дурного, такой человек
тотчас бы оказывался в более чем дурацком положении. Потому
что с Павлом редко когда можно было оставаться нормальным. И
человек, заговоривший с ним как будто по душам - вдруг начинал
ощущать себя в таком дурацком положении, в каком ранее он
может быть и никогда не оказывался.

И до конца не веря в это - вскоре убеждался, что это
действительно так. И ничего ужаснее в его жизни еще, быть
может, и не было.

.....

Так, конечно, было не всегда. Вернее - не со всеми.
Потому что, стоило только кому-нибудь словно бы и не замечать
каких-то ответных высказываний Павла, как почти тотчас же
Каракин сникал. И если его собеседник продолжал общаться с ним
в таком же духе - Каракин почти уже окончательно отдавал
инициативу (общения). И в лучшем случае замолкал и начинал
думать о своем; а в худшем... а в худшем он начинал страшно
переживать из-за всего этого. Раздражаться. И вытворять разные
там чудеса. Ну, например, мог попытаться стать на голову. Или
закричать петухом, козочкой, а то и вовсе каким-то неизвестным
зверем. Так что невольный собеседник его и не знал, как
реагировать: смеяться (что, по его мнению, было не совсем
этично), или...

Большинство начинало смеяться. Даже не смеяться - а
дико ржать. И теперь со стороны казалось, что перед вами и вовсе
какой-то зверинец. Потому что Паша, замечая подобную реакцию

своего собеседника, вытворял уже и вовсе чудеса. И в итоге получалось вполне неплохое цирковое представление. Которое и неизвестно чем могло закончиться, если бы кто-то из двоих (обычно Пашин собеседник) вдруг не замолкал внезапно, словно одумавшись, что же он тут делает, да и не бежал сломя голову; и чаще всего в неизвестном направлении. Зарекаясь когда-либо вообще встречаться с Павлом.

2

Павлу было абсолютно все равно, общался ли кто с ним или нет.

Ему это было безразлично. Кто-то считал, так происходило потому, что Павел не любил людей. Кто-то - потому что все равно всегда находилось достаточное количество желающих общаться с Павлом. Ну а кто-то списывал на невероятное богатство Павла. Богатство как душевное (редкой души был человек), так и материальное. Причем, чем Павел Каракин занимался - никто не знал. Ну, или вернее - не решился бы с точностью утверждать. Кто-то говорил, что у какого-то родственника Павла была чуть ли не своя нефтяная вышка. И этот родственник вроде как был чем-то обязан Павлу, поэтому суживал тому на расходы по 10-15 тысяч долларов ежемесячно. А если требовалось - то и больше.

Кто-то с уверенностью утверждал, что у Павла лежит миллион долларов в банке. И что вроде как еще несколько миллионов - находятся в акциях различных международных корпораций. Были те, кто полагал, что Павлу Каракину деньги не нужны. Потому что он является незаконнорожденным сыном

иранского шейха. И скоро собирается эмигрировать к папе. А пока, мол, дурачится и попросту вводит всех в заблуждение.

Конечно, как все было на самом деле, никто не знал. А зная Павла, никто и не решился бы утверждать что-то более уверенно. Но факт остается фактом. Павел был странной, загадочной, и удивительно любопытной личностью. И, скорее всего, еще долго бы оставался таким, если бы я вдруг не понял, что же он на самом деле из себя представляет.

А представлял Павел нечто среднее между нормальностью (все меньше с возрастом заметной в нем) и помешательством.

И тогда уже вскоре я мог утверждать: Павел Каракин - был шизиком. Тихим таким шизиком. И все его странности объяснялись как раз этим.

И я уже мог и вовсе махнуть на Павла рукой, если бы...

Если бы он вдруг не проникся неожиданным доверием ко мне. И во всем его подобном обращении угадывалась лишь одна просьба: помочь ему.

.....

В чем я должен был ему помочь -- я так и не понял. И периодически даже спрашивал его, а он отводил глаза, смущался, и старался меня отвлечь каким-то вопросом.

Если я делал вид что отвлекаюсь - мы действительно начинали разговаривать о чем-то отвлеченном. Если же я повторял свой вопрос - между нами даже могли начинаться небольшие дискуссии. Правда, до какого-то определенного спора не доходило. Стоило мне только упрочить свое положение в этом

диалоге, как Павел внезапно отдалялся от меня. Причем отдалялся в буквальном смысле слова - он убегал.

А я оставался, смотрел ему вслед, и ничего не мог поделать.

А потом я понял, что Павлу просто нравилось быть таким. И сам себя он нисколько больным не считает.

И можно было допустить, что иной раз на него и действительно накатывалось нечто странное. И настолько загадочное для самого Павла, что ответа, как и причины возникновения подобного, он не знал. И верно даже немножечко боялся этого состояния. И как понял я, видимо и меня решил приблизить, чтобы почувствовать какую-то поддержку. Ведь когда вместе два человека - страх уже отдаляется.

А я... А я убедил его, что он несчастный. И что ему нужна помощь. Срочная помощь. И вызвался оказать ее ему.

И Павел поверил. Поверил настолько, что уже даже себе боялся признаться, что ошибся во мне. И что я, наверное, даже еще более болен, чем он. Потому что... Потому что он интуитивно догадался, что я искал подобное себе. Чтобы, наверное, уже вместе избавляться от душевных недугов. Просто кто-то должен быть первым, а второй бы следовал за ним, по принципу - один вытягивает другого. И это, наверное, и на самом деле было так.

3

Считал ли так Павел?..

Если честно, черт его знает!

Мне казалось, что считал. Но при этом я отдавал отчет, что Павел Каракин личность более чем занимательная. И он сегодня

мог подтвердить любые ваши предположения относительно него, а завтра уже сделать вид, что ничего не помнит из этого разговора.

И я уже понимал, почему многие махали рукой, оставляя попытки хоть как-то договориться с Павлом. Многие... Но я никогда не принадлежал к какому-то большинству. Скорее уж точно наоборот.

--Скажи, Павел, а ты веришь в конец света?-- мне почему-то сейчас захотелось спросить его какую-то откровенную чушь.

Как я и предполагал, Павел задумался. Мой вопрос даже смутил его. И я подумал, насколько этот чудак мог вообще хоть во что-нибудь верить? Должно быть он...

--Ты знаешь, я ни во что не верю,--неожиданно признался Павел.

--Да ну?-- изумился было я, но осекся, опасаясь переиграть.

Павел как-то странно на меня посмотрел.

--Да нет, все в порядке,--начал уже было оправдываться я, но понял что это излишне.

Взглянув на Павла, я подумал, что еще немного, и он будет готов погрузиться в себя. Тем более не только предпосылки к этому были, но и я уже мог сказать, что как раз это было любимое состояние Павла. А значит...

--Я действительно ни во что не верю,-- Павел как-то уж слишком обреченно посмотрел на меня.

Создавалось впечатление, что он искал во мне какую-то защиту. Быть может даже избавление от каких-то внутренних кошмаров. Но я знал, что мне ни в коем случае не следовало считать так. Потому что один неосторожный жест - и любой, кто

беседовал с Павлом, начинал чувствовать свою ошибку. Да и Павел не очень охотно шел на контакт. Поэтому гораздо лучше было всегда слушать в первую очередь его. Ибо этот чудак и вправду мог замолчать. И гадай тогда, отчего это произошло. Тем более что и действительно вам могло показаться, что во всем виноваты вы. Так же как это наверняка казалось большинству из тех, кто когда-либо общался с Павлом. Хотя, конечно же, ничьей вины никогда не было. А была непредсказуемость реакции самого Павла Каракина, которая в итоге и могла сподвигнуть кого-то считать так. И это было бы ошибкой.

.....

.

Видимо Каракин действительно ко мне относился намного лучше, чем я мог (способен был) предположить.

И я это понял, потому что на меня Павел никогда не обижался. И мне даже было позволено намного большее из того, чем другим. Остальным. Тем, кто когда-либо мог надеяться на то, что Павел Сергеевич Каракин проникнется уважением к ним. И им будет оказано какое-либо внимание с его стороны. Внимание, которого большинство из них не заслуживали. Потому что окружали Павла, главным образом, откровенные паразиты и неудачники, словно на мед слетавшиеся на его речи. Ведь Павел не мог отказать себе в удовольствии начать рассказывать им что-либо занимательное (при виде интереса к нему). И хоть правды во всех этих рассказах было не больше, чем я вообще еще когда-либо мог слышать, но большинство этих недоумков ему верили. Каким-то образом угадывая в нем такого же придурка, как и они. Почти такого же. Но все же, видимо, чуть-чуть правдивее и умнее.

Так что в любом случае компания подбиралась будьте - нате. А Павел Каракин выдвигался на роль невольного лидера. Отчего был как-то по особенному горд. И наверное доволен подобным положением.

4

Иногда, конечно, Павел казался безумным и мне. Да и трудно было считать иначе, особенно когда я видел его, расхаживающим по улице, и выкрикивающим какие-то ругательства в громкоговоритель. Притом уже видимо от того, что эти самые ругательства разбавлял он песнями и частушками, милиция его не забирала сразу. Какое-то время ухохатываясь с такого придурка.

Хотя, если и забирала, из милиции Павла освобождали почти сразу. Он ни разу не отсидел даже положенные в таких случаях двенадцать суток административного ареста. И быть может действительно у него были достаточно сильные покровители, как предположил кто-то, которые попросту откупили его. Объясняя милиции, что такой человек как Павел Каракин просто не должен сидеть.

И милиционеры верили. Уже хотя бы потому, что заверения в лучших качествах Павла сопровождались пачкой стодолларовых купюр.

.....

Наверное, в полной мере считать, что Павел был таким уж идиотом (придурком... он был придурком...), было нельзя. И для меня было настоящим откровением, что у Павла было высшее образование. И он получал (последний курс) второе. И даже к его

странностям я уже даже совсем не относился всерьез. И мне все больше это стало напоминать игру. Просто игру.

И пусть игра эта была по только ему известным правилам. Это, наверное, совсем ничего не меняло. И для меня Павел Каракин оставался загадкой. Настоящей загадкой, которую невозможно было разгадать.

И все больше мне казалось, что никакого Павла никогда и не было. А это я - выдумал его. И мне уже достаточно трудно было переубедить себя, что мое мнение ошибочно. Потому что, наверное, я и сам не знал - был ли он на самом деле, Павел Каракин? Или мне это только привиделось?..

Сергей Зелинский

12 июня 2006 год.

рассказ

Праздник

1

Ваня Ванин хотел праздника. Можно даже сказать, что он только о нем все время и мечтал. И только открывал глаза, просыпаясь (еще может до конца и не проснувшись),--уже видел шеренги демонстрантов; и воздушные шарiki, раскрашенные всеми цветами радуги.

А может он видел и саму радугу. Которая вспыхивала в голове Вани Ванина, яркими иллюминациями подсвечивая его мозги, закипавшие от такого ощущения праздника.

Но ничего с этим, конечно же, поделать было нельзя. Надо было постараться смириться.

Но удивительно, сколько бы он этого не понимал, наверное, так до конца и не понял. Потому что, по сути, понять, почему это было так - невозможно. Как невозможно было и разгадать,-- от чего у Вани была такая реакция.

И даже, наверное, стоило бы заметить, что в душе (в своей больной и израненной страданиями душе, а страдания, заметим, были у него иной раз действительно очень серьезные) Ваня Ванин совсем даже и не переживал иногда. Он смеялся. Даже чему-то радовался. Но как-то тихо так. Словно бы радость эта была и не его. И - не у него. А ему приходилось только наблюдать ее со стороны.

И ведь что удивительно. Словно бы и принимая все происходящее "как должное" -- Ваня Ванин порой очень серьезно сердился на это. На свое такое отношение. И бил (самого себя; в душе, конечно) самым отчаянным образом. Обзывая последними словами.

После чего удивлялся - уже всему этому.

Немного странный был человек, конечно, Ваня Ванин. Можно было бы сказать, что себя он не любил. Но почти независимо от какой-то любви или ненависти - Ваня Ванин хотел праздника. И иногда подобное желание набирало такую силу, что подчиняло себе всего Ваню Ванина. Всего, без остатка. И тогда уже Ване совсем ничего не оставалось, как действительно подчиниться. Радоваться, какому-то появившемуся и уже новому для себя состоянию души. Ощущения радости - в этой самой душе. Душе, в которой с этих самых пор наступал мир и согласие. Душе, которой теперь, на какое-то время, было ничего не нужно. Кроме как радоваться, смеяться, дурачиться. И быть может даже

петь. Ведь мы почти упустили (да чуть не забыли, что уж тут говорить), что Ваня Ванин еще пел. Любительски. Не попадая в ноты. И чаще всего -- на какую-то иную мелодию, чем была у песни, которую он исполнял. Да еще Ваня пел таким отвратительным дребезжащим голосом (природа дала желание, но не успела талант), что он этого пения соседи Вани Ванина (он жил в коммунальной квартире в центре Санкт-Петербурга) - прощали ему все. И то, что он ворует мясо из кастрюли с супом. И то, что сыпет соль в чью-то сковороду с жарящейся картошкой. Как и то, что подолгу занимает ванную комнату; где и поет свои дурацкие песни.

И выходило так, что когда Ваня Ванин пел, рядом с ним находиться было невозможно.

А еще его очень хотелось пожалеть.

"Война не всех убила",-- кряхтел, бывало, сосед дядя Коля, совсем еще не старый, но уже испытый мужчина, завидев прихрамывающего Ваню.

Ваня был инвалид. Точнее, ровно месяц в году - он изображал из себя инвалида. И тогда передвигался, прихрамывая на одну ногу (иногда у него оказывалась "перебита" рука. Иногда только пальцы. Иногда он вообще передвигался только на костылях. Но большинство месяцев в году - он, был инвалидом души (как смеялся тот же дядя Коля). Но смех этот был смехом сквозь слезы. Потому что Ваня действительно был инвалидом. У него была расстроена психика. Еще с детства (а не как он уверял, - после контузии в Афганистане. В армии Ваня вообще не служил). Была даже группа инвалидности. Первая. Поэтому Ваня нигде официально не работал. А неофициально - он был нищим.

Попрошайкой. И частенько сидел в переходе на Невском проспекте. Положив на асфальт кепку, в которую добросердечные граждане должны были что-нибудь бросить.

Однажды в кепку к Ване кто-то положил гранату. Лимонку. И в тот же день Ваня ее продал, и почти месяц беспробудно пил, отмечая удачную сделку.

А как-то в кепку к Ване упала стодолларовая бумажка. И Ваня по ошибке уже было схватил ее "больной" рукой (якобы больная рука уже полдня висела, прижатая к груди марлевой повязкой). Но даже если бы Ваня не ошибся руками - для него все равно бы ничего не изменилось. Потому что его уже подхватили под мышки (дав, для порядка, пару раз под дых), и посадив в машину, провезли несколько кварталов и выбросили на улице Рубинштейна. Сказав, что теперь он должен работать только здесь. А к Невскому даже не приближаться.

И уже, было, крупные слезы от обиды покатались из глаз Вани, но тут он вспомнил, что банкноту у него забрать забыли. А значит, в какой-то мере для Вани Ванина праздник продолжался. Или только начинался. Или, что еще верней, теперь уже мог начаться. Потому что уж слишком часто Ваня думал о празднике. И по срокам - как раз мечта его должна была сбыться. А теперь уже наверняка и сбудется.

2

Ваня ошибся. Точнее, его обманули. Положив в кепку банкноту, у которой сто долларов было пропечатано только с одной стороны. А с другой (наверное, для надежности) было евро. Тоже сто. Так что, в зависимости от удачи, вам все равно могло повезти.

Ну, конечно же, так можно было бы по-настоящему считать, если бы вы были ненормальными. Например, такими же ненормальными как Ваня Ванин. Который был откровенный псих и сексуальный извращенец. И он тут же придумал, как ему распорядиться с деньгами. И еще через время уже мог быть уверен, что такого минета ему никто не делал никогда. Ибо Валька-партизанка, местная и пока еще начинающая потаскушка, обслуживавшая за пачку сигарет или бутылку пива любого желающего, при виде денег честно призналась Ване, что такого богатого клиента у нее еще никогда не было. И Ваня еле успел оттащить Валю за забор близлежащей стройки, потому что за доллары она готова была все сделать прямо на месте: с кем угодно, где угодно, и куда угодно. Ну, а так как Ваня был, в принципе, не против, то все между ними почти тут же и состоялось. И стоило им только оказаться за забором, как член Вани тот час же оказался в руках Вальки-партизанки, которая, не забыв похвалиться, что за такие деньги она ему покажет высший пилотаж, не теряя времени, принялась за дело.

Ване было неудобно, что он обманывает несчастную девушку. Но ему еще никогда не было так хорошо. Да и подобная форма любви у Вани вообще была в первый раз. А если честно, так до этого у Вани и вообще никакой любви еще не было. Он не помнил, чтобы его кто-то любил. А тем более устраивал праздник. Несмотря на то, что было ему уже двадцать семь (а Валя, должно быть, была лет на десять младше). И хоть когда-то у него были родители, но написали они такую неразборчивую фамилию (когда сдавали Ваню сразу после рождения в детский дом), что там решили не мучиться (разбирая полупьяные каракули

полуграмотной женщины -- мамы Вани), и дали Ване фамилию, производную от его имени.

Так он и стал Ваней Ваниным. Тихим, скромным, забитым, душевнобольным. Который и провел большую часть жизни в психиатрических клиниках. Пока государству, в конце 90-х, не стало слишком накладно кормить таких как он. И их выпустили на свободу.

Кстати, сам Ваня себя несчастным не ощущал. А сейчас он так и вовсе радовался жизни. Ибо дела у Валентины уже приближались к финалу. И вскоре Ваня Ванин, вцепившись руками в ее волосы (до этого руки его плавно покачивались в такт движениям головы девушки) издал победный рев. Разрядившись чем-то все это время созревавшем в тщедушном организме Вани Ванина прямо сквозь плотно сжимавшие его член губы Вальки-партизанки ("почему партизанки"-- совсем некстати подумал Ваня).

И чем это был не праздник?

Сергей Зелинский

19 апреля 2006 год.

рассказ

Пилот

Я залез в кабину. Завел двигатель. Взлетная полоса была свободна. Я взлетел.

Через час я приземлился в другом аэропорту. Небольшом, частном. Мой самолет был небольшой. Но это был мой самолет. Мне подарил его дядя, предприниматель. И поначалу

было опешивший от такого подарка, я как-то на удивление быстро закончил курсы пилотов и стал летать.

До этого я летал только в снах. Теперь появилась возможность превратить сон в действительность.

Но самое интересное началось потом. Я помнил, что у меня была целая серия сновидений, в которых я прилетал на какой-то остров. Теперь, наяву, я как-то подсознательно стал искать этот остров. Положение несколько осложнялось тем, что мои сновидения больше не повторялись.

"Ну, хотя бы еще одно",--умолял я, когда сжег уже сотни литров горючего и начинал убеждать себя что острова не найду.

Мне не хотелось верить, что подобного острова не существует. К тому времени у меня закончилось горючее. Несколько огромных баков дядя подарил в придачу к подаренному самолету.

Неудачный эксперимент можно было завершить. Своих денег у меня на тот момент было немного. Просить денег у дяди было неудобно. Я понял, что моя летная карьера завершена.

"Попробуй отыскать тот остров на машине",--предложил Веня Гаврилов, мой старший товарищ, литератор, которого я взял за компанию с собой. Тем более по конструкции он был похож на двух людей. Один был я. Второго решил взять Веню.

Я грустно улыбнулся.

"Это остров",--напомнил я.

"Ну и что"?--не сдавался Веня.

Он что-то еще говорил. Я уже не слушал. Мне пришла идея продать машину (старенький "Фольксваген"). На эти деньги я мог заправить самолет. Денег могло хватить даже про запас.

Я поблагодарил Веню. Он удивился. Веня понимал, что на машине искать остров я не буду. И чуть прищулив глаза (как мартовский кот) посмотрел на меня. Еще мне показалось, что ему было интересно узнать, что я придумал.

Я признался. Веня захотел машину купить сам. Что для меня было немного удивительно. Я знал, что у него никогда не было больших денег. И даже получая иной раз приличные гонорары, он умудрялся спускать их за несколько дней в ресторане. Тогда вокруг него сразу начинало виться множество саттелитов. Но когда у Вени бывали деньги (что было, впрочем, достаточно редко), он не считал их. Щедро платя за всех и давая огромные чаевые официантам.

В то, что Веня купит у меня "Фольксваген", я не верил. Ему было сорок лет. Он не умел водить машину. Он был слишком тучный и застенчивый, чтобы даже пойти на курсы и получить права. Общительный он становился только когда был пьян. Тогда он даже был более чем общительный.

Веня уверил, что можно быть скромным, застенчивым, и даже полным придурком,-- и все равно управлять автомобилем. От подобной самокритичности я его зауважал.

"На дороге существуют определенные правила, и я уже их начал учить",--продолжил Веня.

Я посмотрел на него с удивлением, но удивление постарался скрыть.

Веня кивнул и видимо собирался рассеять любые мои сомнения.

Мне стало интересно. Переубеждать Веню я не решился. И мне стало даже любопытно посмотреть, к чему это приведет.

Тем более, признаться, деньги мне были нужны. Я по-прежнему был преисполнен решимости закупить горючего, залить баки, и полететь. К тому же я мог признаться, что после самолета на машине ездить стало неинтересно.

Перед самой продажей (Веня на самом деле нашел деньги) в мой "Фольксваген" врезался "Пежо". В "Пежо" сидела дама. Как только дама начала говорить, я понял, что она настолько глупа, что... В общем, мне захотелось сесть и уехать. Хотя я понимал, что авария случилась по ее вине, а значит дама должна оплатить ремонт.

Я задал вопрос о деньгах. Дама раскрыла сумочку, и достав оттуда пачку тысячедолларовым купюр отсчитала мне семь из них. Это было значительно больше, чем я планировал продать автомобиль. Притом что машину она тоже оставила мне. И мою и свою. И улыбнувшись, села в притормозившее рядом такси - уехала.

Я остался с разинутым ртом на улице. Стали приходиться нехорошие мысли.

Я подошел к "Пежо". К дворнику была прикреплена какая-то бумажка. Надеюсь, что она поможет хоть что-нибудь прояснить, я раскрыл ее и опешил. Это была генеральная доверенность на право распоряжаться автомобилем "Пежо".

Я прикинул что "Пежо" стоит порядка 12 тысяч долларов. Повреждения были незначительны. Девушка въехала моему "Фольксвагену" сзади. У Пежо была разбита фара и чуть помято железо. И я понял одно. Мне необходимо было как можно быстрее отсюда убираться. Желательно - на двух машинах.

Я набрал мобильный Вени. Веня получил небольшой гонорар и пропивал его в ресторане. Но у меня не было выхода. Я сказал, чтобы он срочно брал такси и приезжал. Я продиктовал адрес и нажал отбой. Зная, что если Веня тотчас не перезвонит, то приедет.

Он не перезвонил. А я отогнал машины к обочине, поставив их одну за другой. Теперь ни у кого не должно быть сомнений. Машины просто остановились. Тем более по документам я был хозяином обоих.

Ни у кого никаких сомнений не возникло. Да и вообще никого кроме Вени не было. А Веня действительно приехал. И был он даже совсем не пьяный. Вдвоем мы отогнали машины к моему дому. Причем я предложил Вене продать ему еще и Пежо.

Но оказалось, что покупать машину Веня уже передумал. Он еще было пошутил, что с удовольствием купил бы у меня самолет. Но у него не было денег.

Тогда я Фольксваген ему подарил. Все равно у меня еще оставалось Пежо и семь тысяч долларов. И я уже знал, что возобновляю полеты.

У меня было радостное настроение. И мне хотелось шутить и смеяться.

А вот Веня... Веня попросил отвезти его обратно в ресторан. Там его ждала компания.

"Машину-то возьмешь"--спросил я.

"Возьму",--признался Веня.-- "Но потом".

Я все понял. Как минимум три дня Веня теперь будет пить. Потом еще пару дней отходить от пьянки. А потом еще от

нескольких дней до недели будет плакаться на жизнь. После неумеренного приема алкоголя у Вени начиналась депрессия.

.....

Веня появился уже на следующий день. Выглаженный, выбритый, и немного грустноватый.

Как я убедился, это была не грусть, а серьезность. Веня по-деловому справился, сколько он должен заплатить за автомобиль. Я еще раз сказал, что машина ему в подарок. Тогда Веня ответил, что напишет серию положительных отзывов (под различными фамилиями) о моих книгах (я еще немного писал).

Поблагодарив, я благородно отказался. Мне как-то было не с руки пролонгировать даже один из отзывов. Было лучше, если бы не писали вообще, или писали грамотно и искренне.

Тогда Веня предложил познакомить с красивой девушкой. Я улыбнулся и отказался. Пока красивых девушек вокруг меня было достаточно.

Тогда Веня предложил мне крэк. И посмотрел на меня так, как будто я не мог отказаться.

Я отказался. Постаравшись смягчить отказ улыбкой, и попыткой убеждения его, что он мне абсолютно ничего не должен.

Веня предложил партию сигар. Я с радостью согласился. Сигары я любил. к тому же понял что Веня все равно без подарка меня не отпустит.

.....

А остров я больше не искал. Мне было и так хорошо. Я просто летал на самолете и наслаждался жизнью. И пока мне этого было достаточно...

Сергей Зелинский

01.11.2006 год.

© С.А.Зелинский. Тихие радости.